62.6(С),
И 33 №43

ИЗВѢСТІЯ

ТАВРИЧЕСКОЙ

УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОММИССІИ

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ).

8536

№ 43.

Подъ редакціей председателя Коммиссіи А. И. Маркевича.

9(05)
И-33Г

ИЗВѢСТІЯ

ТАВРИЧЕСКОЙ

Ученой Архивной Коммиссіи

117
8536

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ).

№ 43.

Подъ редакціей Предсѣдателя Коммиссіи А. И. Маркевича.

Военно Мостков... БИБЛИОТЕКА
ИНВ. №
г. Севастополь

Музей Крымской войны
ПАНОРАМА
г. Севастополь

СИМФЕРОПОЛЬ.
Паровая типогр. Таврич. Губерн. Земства.
1909.

Крым. ... БИБЛИОТЕКА ... Инв. №

Печатано по постановленію Таврической Ученой Архивной Коммиссіи
20-го Марта 1909 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

I. Крымъ-Гирей, союзникъ Фридриха Великаго. Прологъ столкновеній между Россіей и Турціей. Теодора Мундта. Переводъ съ нѣм. *В. Остермана* 1

II. Оборонительная стѣна Херсонеса. Пояснительная записка къ плану юго-западнаго участка оборонительной стѣны древняго Херсонеса, *М. И. Гарабурды*. Съ предисл. и примѣч. *М. И. Скубетова*. Съ двумя табл. чертежей 88

III. Таракташскій кладъ. *А. Х. Стевена* 99

IV. Вновь открытый пещерный храмъ въ Георгіевскомъ, Балаклавскомъ монастырѣ. *А. И. Маркевича*. Съ рис. 102

V. Островокъ въ Казачьей бухтѣ, какъ предполагаемое мѣсто кончины св. Климента, папы римскаго. *А. И. Маркевича*. Съ рис. 105

VI. Къ вопросу о мученіи св. Климента, папы римскаго, въ Крыму. *Д. С. Спиридонова* 115

VII. Слѣды древней культуры на днѣ морскомъ. Современное положеніе вопроса о нахожденіи въ морѣ античныхъ памятниковъ. *Л. П. Колли* 125

VIII. XIV-й Археологическій Съѣздъ въ г. Черниговѣ. *А. И. Маркевича* 138

IX. Классическія древности на Черниговскомъ Археологическомъ Съѣздѣ. *Х. П. Ящуржинскаго* 146

X. Протоколы засѣданій Таврической Ученой Архивной Коммиссіи:

а) засѣданіе 5 ноября 1908 г. 149
б) „ 28 „ 1908 г. 158
в) „ 28 января 1909 г. 162
г) „ 20 марта 1909 г. 172

XI. Отчетъ о дѣятельности Таврической Ученой Архивной Коммиссіи за 1907 и 1908 гг. 182

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Фридрихъ Великій и Крымскій ханъ.

I.

Брадобрей и дипломатъ изъ Крыма.

Въ октябрѣ 1761 года, когда король прусскій Фридрихъ Великій, испытывавшій одновременно со всѣхъ сторонъ удары судьбы, находился въ лагерѣ подъ Штреленомъ, мгновенно по лагерю разнесся слухъ, что будто бы приближается посольство отъ татарскаго хана съ предложеніемъ находившемуся въ опасномъ положеніи королю помощи, крайне для него необходимой и вполнѣ неожиданной изъ столь отдаленныхъ мѣстъ.

Вскорѣ и дѣйствительно появилась фантастическая группа изъ нѣсколькихъ лицъ въ восточныхъ одѣяніяхъ и диковинныхъ уборахъ, продвинулась до середины лагеря и здѣсь, послѣ заявленія сопровождавшаго ее переводчика, была принята адъютантомъ короля для представленія королю, поселившемуся въ крестьянской избѣ деревни Войсельвицъ.

Прусскій король, только что пережившій потерю Швейдница и теперь получившій извѣстіе о томъ, что русскіе осадили въ Помераніи городъ Кольбергъ, находился въ такомъ настроеніи, въ которомъ всякій блеснувшій лучъ свѣта можетъ показаться порукой болѣе свѣтлаго будущаго, и за нимъ страстно слѣдишь и уповаешь.

Въ такомъ крайне воспріимчивомъ настроеніи, можетъ быть, король и разсчитывалъ на посольство въ кафтанахъ, необычайный видъ которыхъ вызвалъ насмѣшливую улыбку на губахъ окружавшихъ короля генераловъ, въ то время какъ онъ задумчиво и сосредоточенно всматривался въ пришельцевъ и въ самыхъ предупредительныхъ выраженіяхъ старался вызвать на объясненія появившагося во главѣ посольства, представлявша-

гося съ особенной торжественностью и достоинствомъ человѣка, повидимому главнаго крымскаго дипломата.

Каково же было удивленіе короля, когда этотъ представитель посольства началъ излагать въ картинныхъ, тщательно передаваемыхъ переводчикомъ выраженіяхъ привѣтствія и пожеланія своего господина, великаго и мудраго Крымъ-Гирея, хана Крымскаго и всѣхъ татаръ Европы, и при этомъ кстати назвалъ свое имя и указалъ свое положеніе, съ которымъ соединялось и положеніе дипломата!

Мустафа-Ага—такъ онъ назвалъ себя—признался откровенно и не безъ гордости, что онъ состоитъ при своемъ господинѣ въ качествѣ брадобрея и въ этой важной должности при бахчисарайскомъ дворѣ снискалъ себѣ довѣріе, благодаря которому онъ и назначенъ въ посольство къ прусскому королю-герою, предмету глубочайшаго почитанія и удивленія великаго хана.

На королевскомъ челѣ, на которомъ послѣднія военныя событія отпечатлѣлись въ видѣ глубокихъ морщинъ, впервые послѣ долгаго времени блеснуло отраженіе того веселаго расположенія духа, какое часто озаряло его въ болѣе счастливые дни при всей сдержанности властелина.

Однако Фридрихъ остановилъ потокъ соблазнительныхъ словъ изъ его слегка дрожавшихъ устъ и обратился лишь къ своимъ генераламъ съ серьезнымъ замѣчаніемъ, что не слѣдуетъ удивляться тому, что приходится видѣть брадобрея въ роли дипломата, такъ какъ у восточныхъ народовъ нѣтъ ни дворянства, ни особаго служилаго класса, и тотъ, кто болѣе искусно бреетъ своего господина, легко можетъ оказаться наиболѣе достойнымъ его довѣрія и замѣнять его въ наиболѣе важныхъ случаяхъ. *)

Между тѣмъ Мустафа-ага принялъ отъ одного лица изъ своей свиты письмо съ внушительною печатью и, склонившись на колѣни, вручилъ его королю, сохраняя на лицѣ крайне патетическое выраженіе. Это была его ввѣрительная грамота, которую король развернулъ съ улыбкой, при чемъ ознакомился, по ея содержанію, съ цѣлью этой рукописной дипломатической миссіи.

Въ извѣстныхъ выраженіяхъ, способныхъ вызвать улыбку, Фридрихъ увидѣлъ себя осыпаннымъ изобиліемъ всевозможныхъ похвалъ и увѣреній и въ то же время почтеннымъ фор-

*) Frédéric le Grand, Histoire de la guerre de sept ans (Oeuvres V. 149).

меннымъ предложеніемъ прусско-татарскаго союза; ибо въ этомъ посланіи Крымъ-Гирей отдавалъ въ распоряженіе короля вспомогательный корпусъ изъ 16,000 человѣкъ татаръ и за это требовалъ лишь денежнаго вознагражденія, размѣръ котораго предполагалось установить при дальнѣйшемъ соглашеніи.

Король, повидимому, былъ очень обрадованъ этимъ предложеніемъ, и тутъ же высказался наблюдавшему каждое движеніе его лица брадобрею въ самыхъ благосклонныхъ выраженіяхъ о своемъ согласіи и признательности за дружбу Крымъ-Гирея, славнаго и храбраго властителя на иноземномъ престолѣ, занимая который, онъ уже многократно являлъ доказательства высокоодареннаго, склоннаго къ великимъ предпріятіямъ ума, страстно желающаго присоединиться къ культурѣ запада.

Вѣдь повелитель этого брадобрея былъ не кто иной, какъ ханъ Крымъ-Гирей, который уже въ 1750 году, будучи только еще сераскиромъ Буджакской орды, отправилъ посла къ королю въ Берлинъ для выраженія чувства дружбы и удивленія, какъ отъ одного изъ тѣхъ отдаленныхъ, скрытыхъ отъ всего міра крымскихъ степныхъ героевъ, сердце котораго бьется за прусскаго короля, ведущаго войну съ половиною Европы!

Съ тѣхъ поръ Крымъ-Гирей, поднятый на щитъ безпокойнымъ племенемъ ногаевъ, былъ избранъ въ крымскіе ханы и впослѣдствіи въ сложныхъ разсчетахъ, по которымъ Фридриху оставалось повидимому использовать какія только возможно силы противъ своихъ враговъ, онъ исполнялъ опредѣленную роль.

Когда въ 1755 году, чрезъ посредство бывшаго бреславльскаго коммерческаго агента Гаудена, принятаго въ дипломатическій корпусъ подъ именемъ господина фонъ-Рексина, король возобновилъ попытку въ Константинополѣ по возбужденному уже ранѣе вопросу объ установленіи дружественнаго союза между Турціей и Пруссіей, онъ одновременно же поручилъ этому новому дипломату обратить свои взоры въ сторону чуднаго Таврическаго полуострова и изслѣдовать истинныя политическія соображенія и намѣренія его поклонника, Крымъ-Гирея.

Въ Константинополѣ Рексинъ познакомился съ голландцемъ-неудачникомъ, кандидатомъ богословія, по имени Боскампомъ, который, въ поискахъ приключеній, покинулъ университетъ ради чина корнета въ австрійскомъ гусарскомъ полку Сплени и, вскорѣ оставивъ и эту службу, хотѣлъ попытать счастья въ Стамбулѣ, гдѣ сначала англійскій посланникъ Портеръ поль-

зовался имъ для собиранія явныхъ и тайныхъ свѣдѣній. Рексинъ, получившій о немъ отзывы въ англійскомъ посольствѣ, взялъ его къ себѣ на службу, чтобы отправить съ предварительными условіями торговаго трактата, предположеннаго между Пруссіей и Портой, курьеромъ къ королю въ Силезію, гдѣ Боскампъ, чтобы обратить на себя вниманіе, появился также въ турецкомъ одѣяніи и представился съ большимъ достоинствомъ и ловкостью.*)

При этихъ обстоятельствахъ король ознакомился съ способностями Боскампа и, по возвращеніи его въ Константинополь, на предложеніе Рексина послать его въ качествѣ агента въ Бахчисарай ко двору умнаго и предпріимчиваго хана, охотно далъ свое согласіе.

Первымъ результатомъ дѣятельности Боскампа при бахчисарайскомъ дворѣ, разсчитанной на враждебное къ русскимъ настроеніе Крымъ-Гирея, была отправка облеченнаго довѣріемъ брадобрея Мустафы къ Фридриху Великому, который однако, несмотря на то, что съ особеннымъ удовольствіемъ принялъ переведенное теперь самимъ Мустафою письмо отъ хана, вдругъ былъ, повидимому, пораженъ какими-то сомнѣніями относительно всей этой исторіи.

Эти сомнѣнія могли быть сейчасъ вызваны въ душѣ короля, перенесшаго неоднократныя потрясенія во время событій послѣднихъ лѣтъ, главнымъ образомъ тѣмъ довольно подозрительнымъ обстоятельствомъ, что дипломатъ-брадобрей вдругъ проявилъ знаніе нѣмецкаго языка.

Можетъ быть, это было тщеславіе, которое ловкій брадобрей его татарскаго величества не считалъ удобнымъ подавить по двумъ причинамъ. Во первыхъ, онъ хотѣлъ показать, что въ качествѣ дипломата онъ владѣетъ и нѣсколькими языками, а во вторыхъ, письмо хана къ прусскому королю было изложено на придворномъ турецкомъ языкѣ, и брадобрей полагалъ, что знаетъ его и передастъ въ нѣмецкихъ выраженіяхъ лучше, чѣмъ то смогутъ обыкновенные толмачи.

Затѣмъ, вѣроятно по профессіональной хвастливости, брадобрей пустился въ разговоры и достаточно бѣгло сказалъ нѣсколько нѣмецкихъ фразъ, чтобы показать королю, насколько онъ даже можетъ поддерживать разговоръ.

---

*) Сравни: „Nachrichten über die Gesandtschaftsreise des Lieutenants von der Golz zu dem Tartar-Khan“, въ „Denkwürdigkeiten für die Kriegskunst u. Kriegsgeschichte“. Берлинъ, 1819, тетр. 6. стр. 111.

Король насупился и довольно долго разсматривалъ его молча, и во взглядѣ его проглядывало сомнѣніе. Въ умѣ Фридриха чередовались всевозможныя подозрѣнія, и на одно мгновеніе казалось, что въ ясномъ умѣ короля начинается какое-то странное затменіе. Ему казалось, будто передъ нимъ какіе-то ряженые, мгновенно перенесенные къ нему по хитрости его враговъ, для того, чтобы увлечь его въ свою обманчивую пляску, а затѣмъ предать его. Эти подозрѣнія совпадали съ первоначальнымъ комическимъ впечатлѣніемъ, которое должны были произвести на короля брадобрей въ качествѣ дипломата и вся театральная внѣшность неожиданно явившагося посольства, и онъ размышлялъ о томъ, возможно ли, чтобы его враги вдругъ стали настолько изобрѣтательны, что поднялись на хитрость и устроили эту сцену съ цѣлью узнать его дальнѣйшія намѣренія и, въ случаѣ, если бы удалось угадать его намѣренія относительно возбужденія турокъ къ войнѣ противъ Россіи, то объясненій ожидать отъ него самого.

Послѣ непродолжительной паузы король спросилъ у непрерывно болтавшаго по-нѣмецки Мустафы, гдѣ ему удалось усвоить нѣмецкую рѣчь съ такимъ совершенствомъ, какое не совсѣмъ обычно для жителя мусульманскаго государства.

Мустафа улыбнулся, на лицѣ его появилось довольное и притомъ лукавое выраженіе, и онъ счелъ, что самое подходящее время изложить великому королю всю длинную свою біографію, какъ онъ, еще будучи мальчикомъ во время штурма Очакова, былъ взятъ въ плѣнъ и какъ былъ отправленъ тогдашнимъ великимъ княземъ Петромъ III въ Голштинію, гдѣ онъ научился говорить по-нѣмецки, но стосковался по родинѣ и нашелъ возможность бѣжать на суднѣ, капитанъ котораго взялъ его изъ состраданія.

Король еще разъ внимательно взглянулъ на него и отдалъ распоряженіе отвести ему и его свитѣ такую квартиру, которая отвѣчала бы достоинству посольства великаго хана, дружбѣ и помощи котораго онъ придаетъ величайшее значеніе.

Послѣ этого онъ потребовалъ, чтобы къ нему явились капитаны Кочей и фонъ-деръ-Гольцъ и молодой лейтенантъ фонъ-деръ-Гольцъ, съ недавняго времени состоявшій въ ближайшей свитѣ короля и пользовавшійся особымъ его вниманіемъ; въ продолжительной бесѣдѣ король поручилъ имъ поочередно занимать и развлекать татарскаго посла, войти съ нимъ въ возможно тѣсную дружбу, но при этомъ наблюдать за нимъ,

насколько возможно, и кстати всѣми силами стараться проникнуть въ самыя скрытыя цѣли его миссіи.

Затѣмъ король распорядился, чтобы приготовлены были подарки, какіе только можно было собрать среди похода, въ смыслѣ количества и качества, для самого хана и для его дипломата-брадобрея, чтобы вручить ихъ послѣднему передъ его отъѣздомъ на родину.

II.

Прусскій лейтенантъ въ Крыму.

Оправившись въ теченіе нѣсколькихъ дней въ лагерѣ подъ Штреленомъ и удовлетворивъ свое жгучее любопытство относительно постановки военнаго дѣла у пруссаковъ, брадобрей и дипломатъ Крымъ-Гирея, наконецъ, почелъ своевременнымъ испросить у короля разрѣшеніе откланяться; въ особой прощальной аудіенціи Фридрихъ еще разъ выразилъ удовольствіе и благодарность, съ которыми онъ принимаетъ дружбу и помощь, предложенныя ему повелителемъ татаръ.

Однако, по желанію короля, Мустафа-ага долженъ былъ возвратиться къ бахчисарайскому двору не одинъ, а въ сопровожденіи прусскаго лейтенанта, который долженъ былъ проводить его въ Крымъ и передать хану чувства живѣйшей дружбы, которыя питаетъ къ нему прусскій король, а также, по выясненіи военнаго положенія въ Европѣ, войти съ ханомъ въ соглашеніе относительно военныхъ дѣйствій въ ближайшемъ будущемъ.

Странное посольство изъ Крыма хотя и наводило на мысль о какой-то авантюрѣ и возбудило сомнѣніе, тѣмъ не менѣе дало опредѣленное направленіе мысли короля по ранѣе намѣченному плану.

Древній Херсонесъ Таврическій, окруженный роскошнѣйшими цвѣтами античной миѳологіи и поэзіи, мгновенно оказался новой исходной точкой для самыхъ смѣлыхъ плановъ среди непрерывной цѣпи военныхъ соображеній и разсчетовъ короля.

Намѣренія короля первымъ дѣломъ клонились къ тому, чтобы вызвать предпріимчиваго крымскаго хана съ его татарскими ордами на вторженіе въ русскіе предѣлы и этимъ вызвать осложненія, которыя, по мнѣнію Фридриха, должны были скрывать многообѣщающія послѣдствія.

Затѣмъ король полагалъ, что теперь этимъ путемъ должно бы лучше всего удасться втянуть Порту, до сихъ поръ довольно упорно сопротивлявшуюся заключенію съ Пруссіей политическаго и военнаго союза, во враждебныя дѣйствія противъ Россіи, такъ какъ въ Константинополѣ, если только крымскій ханъ нанесетъ первый ударъ и повергнетъ въ опасность страну и положеніе, врядъ-ли замедлятъ оказать ему поддержку.

Такимъ способомъ Фридрихъ думалъ изъ этого отдаленнаго пункта вызвать противодѣйствіе, которое могло казаться настолько значительнымъ, что русскіе могли бы быть принуждены покинуть Померанію, и можно было бы спасти Курмаркъ (Курляндію), съ нѣкоторыхъ поръ подвергавшійся грозной опасности.

Тѣ шестнадцать тысячъ татаръ, которыя предлагаетъ ему Крымъ-Гирей, тогда, по мнѣнію Фридриха, было бы лучше использовать для вторженія въ Венгрію, потому что этимъ австрійская императрица была бы вызвана на защиту Венгріи болѣе сильными отрядами регулярныхъ войскъ, чѣмъ до сихъ поръ, вслѣдствіе чего австрійскія войска, съ которыми предстояло пруссакамъ воевать весною, по необходимости были бы уменьшены до половиннаго числа и представлялись бы такимъ образомъ уже ослабленными.*)

Другое предложеніе хану со стороны короля состояло въ томъ, чтобы ханъ снарядилъ отдѣльный вспомогательный корпусъ въ 6—7 тысячъ татаръ, во главѣ котораго долженъ былъ стать лейтенантъ фонъ-деръ-Гольцъ, чтобы съ ними, какъ только начнутся враждебныя дѣйствія между русскими и татарами, направиться черезъ Польшу вдоль долины Карпатскихъ горъ къ Коселю, куда онъ долженъ былъ прибыть со своимъ дикимъ отрядомъ къ концу марта мѣсяца.

Барону Александру фонъ-деръ-Гольцу шелъ только еще 22-ой годъ, когда довѣріемъ короля на него были возложены обширныя обязанности посла, касавшіяся политическаго положенія Европы въ наиболѣе рѣшающихъ точкахъ.

Молодой человѣкъ, одаренный характеромъ, энергіей и здравымъ разсудкомъ, взялъ на себя порученіе, напоминающее авантюру, съ воодушевленіемъ, которое легко могло быть вызвано грандіозностью и интересомъ предпріятія.

---

*) Frédéric le Grand, Histoire de la guerre de sept ans (Oeuvres V. 150). — Denkwürdigkeiten für die Kriegskunst u. Kriegsgeschichte, H. 6. S. 113.

Одновременно король вручилъ ему, какъ особый подарокъ, подлежавшій собственноручному поднесенію хану, драгоцѣнную, осыпанную брилліантами табакерку и ключъ къ шифру на французскомъ языкѣ, для изложенія донесеній изъ Крыма и во время пребыванія при дворѣ великаго Крымъ-Гирея.

Прощаясь съ лейтенантомъ, король не шутя предостерегъ его, чтобы во все время путешествія Гольцъ былъ насторожѣ и отнюдь не упускалъ изъ виду страннаго дипломата Мустафы и всѣхъ его дѣйствій.

Такимъ образомъ подготовленный, въ юношески веселомъ настроеніи отправился Гольцъ въ путь въ обществѣ Мустафы, который считалъ себя въ правѣ неимовѣрно гордиться тѣмъ, что добился чести вести къ себѣ на родину прусскаго воина и при своей разговорчивости и веселомъ настроеніи духа долженъ былъ оказаться превосходнымъ спутникомъ въ дальнемъ и съ каждымъ днемъ становившемся все труднѣе пути къ Таврическому полуострову.

Путешественники направились отъ Бреславля черезъ Польшу и Карпаты и безъ всякихъ приключеній черезъ Яссы прибыли къ городу Бендерамъ на Днѣстрѣ, гдѣ Гольцъ вдругъ почувствовалъ такой сильный приступъ лихорадки, что долженъ былъ признать невозможнымъ дальнѣйшее путешествіе.

Трудность непомѣрно ускореннаго путешествія въ связи съ вліяніями погоды и климата свалили здороваго юношу и отняли у него силы.

Въ единственной въ Бендерахъ дрянной гостинницѣ Гольцъ долженъ былъ остаться подъ надзоромъ своего слуги, безъ всякой посторонней помощи, даже безъ ухода какого бы то ни было врача.

Мустафа счелъ за наилучшее самому отправиться въ Бахчисарай и принести хану извѣстіе, что въ пути къ нему находится посланный отъ прусскаго короля, но его задержала болѣзнь.

Сострадательный брадобрей не преминулъ указать Гольцу строгія правила, которыхъ ему слѣдовало держаться, и изъ нѣсколькихъ неизвѣстныхъ составныхъ веществъ приготовилъ для своего коллеги по дипломатіи какой-то напитокъ. Однако Гольцъ предпочелъ положиться на свою молодость и натуру, чѣмъ довѣряться напитку своего новаго друга, какъ тотъ ни увѣрялъ, что этимъ лѣкарствомъ онъ каждый разъ будто бы побѣждалъ приступы лихорадки у своего господина, великаго хана.

Между тѣмъ почти непрерывно двѣ недѣли пришлось ему пролежать въ постели, въ грустномъ одиночествѣ, въ узенькой комнатѣ съ низкимъ потолкомъ, въ которой трудно было дышать, а не то, что выздоровѣть.

Однако въ одно прекрасное утро Гольцъ поднялся съ постели въ счастливомъ сознаніи, что силы къ нему вернулись, и въ то же мгновеніе его вниманіе было обращено на прибывшую повозку, которая остановилась у дверей гостинницы и оказалась въ видѣ роскошно украшенныхъ саней съ крышей на подобіе навѣса.

Рослый татаринъ, нѣсколько разъ щелкнувшій своимъ кнутомъ для того, чтобы объявить во всеуслышаніе о своемъ прибытіи, соскочилъ съ козелъ повозки и сдвинулъ на затылокъ свою похожую на тюрбанъ мѣховую шапку, закрывавшую лобъ и глаза, и въ мечтательномъ настроеніи сталъ сначала разсматривать домъ, у котораго остановился.

Между вышедшимъ хозяиномъ дома и новоприбывшимъ татариномъ завязался продолжительный разговоръ, и по мимикѣ и движеніямъ говорившихъ Гольцъ, наблюдавшій за ними сверху изъ окна, догадывался, что разговоръ идетъ какъ будто о немъ. И не прошло много времени, какъ поднялся къ нему хозяинъ гостинницы, который, исполняя и роль переводчика, почтительнѣйше сообщилъ, что крымскій ханъ прислалъ въ распоряженіе Гольца свою повозку, для того, чтобы онъ, когда будетъ въ силахъ и пожелаетъ, могъ вполнѣ безопасно отправиться въ ханскую столицу Бахчисарай.

Гольцъ тутъ же объявилъ, что готовъ отправиться въ путь, и, въ сознаніи возвратившихся силъ, тотчасъ же распорядился относительно приготовленій къ дальнѣйшему путешествію.

Стоялъ веселый зимній солнечный день; въ лучахъ солнца какъ будто по праздничному блестѣлъ на поляхъ и съ горъ бѣлый снѣгъ. Чудная поѣздка не могла бы состояться при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, и съ довольной улыбкой Гольцъ усѣлся въ помѣстительныхъ саняхъ, въ то время какъ татаринъ-возница, низкимъ поклономъ привѣтствовавшій прусскій военный мундиръ, сталъ чрезвычайно заботливо хлопотать вокругъ Гольца, желая укрыть его теплѣе и болѣе удобно усадить въ саняхъ.

Послѣ этого простодушный по виду татаринъ простоялъ еще недолго передъ нимъ, разглаживая свои ниспадающіе усы и какъ-бы погрузившись въ созерцаніе своего сѣдока, пока, на-

конецъ, обращенные на него нетерпѣливые взгляды Гольца не заставили татарина ухватиться за кнутъ и вскочить на козлы.

Гольцъ, между прочимъ, замѣтилъ, что возница его былъ хорошо вооруженъ, а именно: за широкимъ поясомъ его видно было оружіе на подобіе кинжала, повидимому, предназначенное главнымъ образомъ для защиты. Эти соображенія заставили самого Гольца бросить испытующій взглядъ на собственное вооруженіе, и когда оно оказалось въ порядкѣ, Гольцъ, дружелюбно ударивъ татарина рукою по плечу, этимъ далъ послѣдній знакъ къ отъѣзду.

Сани полетѣли стрѣлою, и уединенная, не вполнѣ безопасная дорога, среди дикой природы направлявшаяся въ Крымъ, смѣнялась съ быстротой и увѣренностью, что вызывало въ путешественникѣ величайшее удивленіе.

Путь былъ выбранъ черезъ Очаковъ, Кинбурнъ и черезъ устья Днѣпра, чтобы послѣ большихъ дневныхъ перегоновъ добраться до крымскихъ воротъ, расположенныхъ въ уединенной мѣстности Перекопа.

Дикая и однообразная картина необозримой степи, по временамъ вызывавшей ужасъ своимъ безжизненнымъ видомъ, по мѣрѣ приближенія къ Перекопу стала своеобразно оживляться съ появленіемъ безчисленнаго множества повозокъ, нагруженныхъ солью, встрѣчавшихся путникамъ во всѣхъ направленіяхъ.

Соляныя озера, представлявшія источникъ обширной промышленности, вели къ истинному центру ея—небольшому, довольно мрачному, но выдающемуся по своему замѣчательному положенію Перекопу, расположенному на перешейкѣ, соединяющемъ Крымскій полуостровъ съ Россіей.

Высокія каменныя ворота, устроенныя среди вала въ восемь съ половиною верстъ длиною, открыли путникамъ доступъ въ чудесную страну, одаренную природою естественными благами и своеобразнымъ населеніемъ.

Эти ворота, по-своему величественныя и отвѣчающія своему достоинству, по странной тѣснотѣ ихъ прохода скорѣе казались приспособленными препятствовать, чѣмъ открывать доступъ въ нихъ, что, безъ сомнѣнія, скрывалось въ ихъ назначеніи пресѣкать всякую возможность контрабандной торговли солью *).

*) Сравни „Marquis G. de Castelnau, Essai sur l'histoire de la Nouvelle Russie, III, 140.—M. von Engelhardt u. F. Parrot, Reise in die Krim u. dem Kaukasus, I, 5.

Въ Перекопѣ Гольцъ, еще не оправившійся окончательно отъ болѣзни и вновь утомленный невыносимымъ холодомъ въ степяхъ, остановился для отдыха на цѣлыя сутки. Затѣмъ путь шелъ уже по направленію къ югу, при чемъ природа представляла совершенно новыя картины, оживлявшія умъ и чувство.

Какъ будто по взмаху волшебной палочки, природа измѣнялась по мѣрѣ движенія путниковъ, окрестности становились богаче и живописнѣе, зимняя пора, доселѣ поселявшая смерть и ужасъ, стала смягчаться, и въ плодородныхъ долинахъ стали пробиваться замѣтные признаки весны.

Въ прозрачной синевѣ неба отъ времени до времени стали появляться стаи журавлей и аистовъ, на поверхности освободившихся отъ льда озеръ бѣлые лебеди расправляли свои крылья, въ садикахъ деревень, черезъ которыя пришлось проѣзжать Гольцу, уже виднѣлись тюльпаны и гіацинты въ пестромъ ихъ нарядѣ.

Въ расположенной въ четырехъ верстахъ отъ Перекопа деревушкѣ подъ названіемъ Армянскій Базаръ,—армянской факторіи съ пользовавшимся извѣстностью рынкомъ,—Гольцъ увидѣлъ тѣ непрерывно дымящіяся кухни, о которыхъ ему уже разсказывали по пути и въ которыхъ приготовлялись самыя изысканныя блюда для утоленія голода многочисленныхъ путешественниковъ и купцовъ, посѣщавшихъ здѣшнія мѣста.

Прусскій лейтенантъ не только угостился здѣсь такимъ обѣдомъ, какого не пришлось ему видѣть за все время путешествія, но и осмотрѣлъ казавшіяся ему во многихъ отношеніяхъ достойными вниманія укрѣпленія, расположенныя вблизи армянскаго рынка и сохранившіяся со времени прежнихъ столкновеній русскихъ съ татарами. Оборонительныя укрѣпленія, возведенныя здѣсь и у Перекопа противъ русскихъ, въ сопоставленіи съ выраженными намѣреніями Фридриха и данными имъ порученіями, вызывали на соображенія.

Отсюда Гольцъ двинулся впередъ съ удвоенной скоростью. Въ волшебномъ блескѣ свѣтлаго южнаго дня постепенно на далекомъ горизонтѣ вырисовывались очертанія величественной цѣпи горъ. Самая высокая гора въ Крыму—Чатыръ-Дагъ *) понемногу выступилъ во всей своей массѣ изъ-за скрывавшихъ обѣ его вершины облаковъ. Ниже его выяснялись въ безчис-

*) Это татарское названіе горы; въ древности ея названіе было *Berosus*, къ каковому относили и греческое *Trapesos*. Сравни: Ан. Демидовъ, Путешествіе въ южную Россію и въ Крымъ.

леномъ множествѣ другія вершины, живописными, извилистыми уступами сбѣгавшія къ берегу Чернаго моря.

Долины, теперь окружившія путниковъ со всѣхъ сторонъ, вскорѣ смѣнились величественно очерченными известняковыми скалами; неожиданно путь преграждался темноокрашенными трановыми скалами. или путь вдругъ направлялся по голымъ, гладкимъ, какъ бы искусственно обтесаннымъ плоскостямъ шиферныхъ горъ.

Иногда изъ ущелій или съ горныхъ вершинъ взлетали цѣлыя стаи коршуновъ, и Гольцъ не могъ въ такихъ случаяхъ удержаться, чтобы не разрядить своихъ пистолетовъ, причемъ однако только подтверждалось мнѣніе его бородатаго возницы, выражавшееся въ своеобразной игрѣ его физіономіи, что подобная охота всегда бываетъ безуспѣшной и несчастливой.

Наслаждался Гольцъ также видомъ татарскихъ деревушекъ, часто какъ бы врытыхъ въ скалу, причемъ плоскія кровли построекъ въ такихъ деревушкахъ, все чаще и чаще встрѣчавшихся на пути, были расположены въ видѣ террасъ по уступамъ скалъ.

Такимъ образомъ Гольцъ достигъ Симферополя, издалека замѣченнаго имъ по высокимъ башенкамъ или минаретамъ татарскихъ мечетей и по блестящимъ на солнцѣ бѣлымъ постройкамъ.

Положеніе этого самого по себѣ некрасиваго и тѣснаго, но живописно раскинувшагося по берегамъ Салгира городка Гольцъ разсмотрѣлъ съ каменнаго моста, перекинутаго у самаго города черезъ бурную, съ шумомъ стремящуюся въ своемъ тѣсномъ ложѣ рѣчку, откуда въ то же время можно было обозрѣть и общую картину горной цѣпи, въ вершинѣ которой выступалъ Чатыръ-Дагъ.

Прусскій посолъ не счелъ возможнымъ поддаться искушенію и остаться на болѣе продолжительное время въ этомъ городкѣ, состоявшемъ большею частью изъ низенькихъ татарскихъ избушекъ, а поспѣшилъ вернуться снова въ свою повозку, чтобы выбраться на дорогу къ Бахчисараю, резиденціи великаго Крымъ-Гирея, уже не такъ далекой отсюда.

На пути къ Бахчисараю повидимому развернулась во всей своей прелести поэтическая красота мѣстности, скрывавшей этотъ чудесный уголокъ земли. Горы, долины и рѣчки смѣнялись въ живописномъ разнообразіи. Акведуки, чрезвычайно смѣло задуманные и искусно исполненные, вызывали удивленіе путешественника; въ то же время памятники строительства,

КРЫМЪ-ГИРЕЙ

союзникъ Фридриха Великаго.

Прологъ столкновеній между Россіей и Турціей.

Теодора Мундта.

Переводъ съ нѣмецкаго В. Остермана.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ лицѣ великаго хана, очеркъ жизни котораго вошелъ въ нижеслѣдующее изложеніе, исторія Крыма представляетъ замѣчательнаго человѣка, въ которомъ уже въ давнее время какъ бы воплощалось непріязненное отношеніе къ Россіи.

Уже Фридрихъ Великій напалъ на мысль начать агитацію противъ Россіи и ея агрессивныхъ замысловъ въ отношеніи Крыма. Въ этомъ въ значительной мѣрѣ содѣйствовалъ ему Крымъ-Гирей, который, неудержимо увлеченный культурою западныхъ государствъ, выражалъ прусскому королю свое удивленіе и даже отправилъ къ нему особое посольство. Случилось это въ одинъ изъ самыхъ зловѣщихъ моментовъ Семилѣтней войны, и король Фридрихъ рѣшилъ, что ударъ, который можетъ быть произведенъ татарами, стоитъ того, чтобы отправить молодого офицера, барона Александра фонъ-деръ-Гольца, съ посольствомъ къ хану Крымъ-Гирею въ Крымъ.

Фридрихъ Великій не только предполагалъ побудить воинственнаго хана съ его дикими ордами къ вторженію въ Россію, но и надѣялся этимъ вовлечь наконецъ въ непріязненныя дѣйствія противъ Россіи и Порту, до того времени противившуюся войти въ союзъ съ Пруссіей. Политика Пруссіи-фактически принимавшая достаточно видное участіе въ запу,

тываніи восточнаго вопроса при самомъ его возникновеніи, представляется двойственной. Съ одной стороны, Фридрихъ Великій, угнетаемый неудачами Семилѣтней войны, являлся зачинщикомъ въ столкновеніи между Россіей и Турціей, а при дальнѣйшихъ обширныхъ предположеніяхъ, задумалъ воспользоваться вліяніемъ могущества Россіи на Германію, чтобы создать противовѣсъ Австріи, какъ объ этомъ я старался подробнѣе говорить въ одной изъ главъ книги: „Борьба за обладаніе Чернымъ моремъ“.

При томъ освѣщеніи, въ какомъ въ упомянутомъ эпизодѣ представляются міровыя событія, въ значительной степени запутанныя въ восточномъ вопросѣ, оказываются однако нѣкоторые лучи свѣта, дающіе возможность заключить о совершенно самостоятельномъ возникновеніи этого своеобразнаго историческаго событія. На ряду съ нѣкоторыми вполнѣ достовѣрными источниками, свѣдѣнія черпались главнымъ образомъ изъ подлиннаго донесенія о служебной поѣздкѣ прусскаго лейтенанта фонъ-деръ-Гольца въ Крымъ. Для второй части изложенія этихъ событій очень полезными оказались весьма живо и безпристрастно написанные мемуары французскаго барона Тотта, который сопровождалъ великаго Крымъ-Гирея во время ужаснаго похода черезъ Новую Сербію, каковымъ походомъ татарскій ханъ, назначенный Портою главнокомандующимъ, думалъ открыть свои дѣйствія противъ Россіи, на которыя рѣшился султанъ Мустафа III, лишь сожалѣя о Польшѣ.

Авторъ надѣется, что благосклонному читателю послужитъ на пользу какъ интересъ самыхъ изображенныхъ имъ историческихъ событій, такъ и связь ихъ съ современными событіями на ближнемъ Востокѣ.

Берлинъ, августъ 1855 г.

множество старыхъ мостовъ, встрѣчавшихся на пути, развалины храмовъ и башенъ являли собой неоспоримое свидѣтельство чрезвычайно древней культуры, которая въ величественныхъ остаткахъ, сохранившихся среди этой очаровательной и дикой природы, казалась завороженной и не была еще уничтожена непрерывной работой разрушающихъ силъ.

III.

Прибытіе въ Бахчисарай.

Уже вечерѣло, когда Гольцъ переправился черезъ протекающую вблизи отъ Бахчисарая рѣку Альму, которая, лѣтомъ представляя спокойную рѣченку, въ настоящее время, вслѣдствіе огромныхъ массъ тающаго въ горахъ снѣга, превратилась въ значительную и небезопасную рѣку.

Вдоль ея привлекательныхъ береговъ тянется рядъ веселенькихъ деревушекъ, а также и знаменитая долина Альмы, гдѣ растетъ особенная благоухающая трава, по древнему обычаю употребляемая преимущественно на кормъ для ханскихъ коней.

По склону горы, спускавшемуся легкой отлогостью, путешественникъ очутился неожиданно, не видя признаковъ близкаго города, передъ самымъ Бахчисараемъ, который будучи расположенъ въ низкой части узкой долины и окруженъ почти сходящимися съ двухъ сторонъ его цѣпями горъ, имѣетъ странный, почти причудливый видъ.

Въ наступившемъ сумракѣ Гольцъ въѣхалъ въ узкія улички татарской столицы, и сразу же страннымъ образомъ въ его умѣ возникло представленіе, будто бы онъ вступилъ въ одинъ изъ городовъ востока и въ коренное мѣсто пребыванія азіатскаго племени.

Татаринъ, служившій ему до сихъ поръ возницей и проводникомъ, повидимому, имѣлъ точныя указанія, гдѣ первымъ дѣломъ слѣдовало Гольца высадить въ Бахчисараѣ, и лейтенантъ спокойно предоставилъ везти себя по темнымъ переулкамъ, въ которыхъ лишь изрѣдка встрѣчались одинокіе пѣшеходы.

Путешественникамъ пришлось проѣхать чрезвычайно длинную улицу съ очень высокими дымовыми трубами надъ домами,

идущую вдоль рѣки Чурукъ-су, которая протекаетъ черезъ Бахчисарай по всей его длинѣ.

Близъ конца этой улицы повозка остановилась передъ невзрачнымъ домомъ, изъ котораго тотчасъ же, какъ только шумъ колесъ умолкъ, вышелъ стройный мужчина въ одеждѣ татарскаго воина и съ пытливымъ взглядомъ приблизился къ вновь прибывшему.

Предположеніе фонъ-деръ-Гольца подтвердилось, когда незнакомецъ обратился къ нему на нѣмецкомъ языкѣ.

Это былъ Боскампъ, встрѣтившій лейтенанта съ чрезвычайной предупредительностью и проводившій его въ свой домъ, который онъ предоставлялъ въ его распоряженіе на все время пребыванія Гольца въ крымской резиденціи.

Позаботившись о вознагражденіи татарина и помѣщеніи своего слуги, Гольцъ принялъ это предложеніе и вмѣстѣ съ Боскампомъ прошелъ въ небольшую комнату, скромно и безвкусно обставленную по европейскимъ требованіямъ, однако представлявшую всѣ удобства для пріема путника, утомленнаго столь продолжительнымъ путешествіемъ.

Вскорѣ новые знакомые сблизились за наскоро сооруженной трапезой, оживленно обмѣниваясь взглядами относительно прошлаго и будущаго, причемъ Гольцу тотчасъ же представился случай удивляться ловкости и хитрости Боскампа и воспользоваться этими качествами его для выясненія тѣхъ странныхъ обстоятельствъ, при которыхъ ему придется приводить въ исполненіе то порученіе, которое возложено на него королемъ.

Въ то же время онъ не скрывалъ отъ себя, что Боскампъ, котораго онъ зналъ только по разсказамъ о его карьерѣ авантюриста, внушалъ ему весьма мало довѣрія, хотя онъ и оказывался чрезвычайно сообщительнымъ и старался возможно подробнѣе и откровеннѣе выяснить тѣ условія и обстановку, при которыхъ Гольцу предстоитъ дѣйствовать, тѣмъ не менѣе среди этихъ объясненій проскальзывали странные отблески скрытыхъ мыслей и сомнительнаго, насмѣшливаго отношенія, чему Гольцъ нерѣдко удивлялся и съ тревогой наблюдалъ этого дипломатическаго агента прусскаго короля.

Однако, какъ ни старался фонъ-деръ-Гольцъ воздержаться отъ разговоровъ съ Боскампомъ относительно сущности и подробностей порученія къ Крымъ-Гирею, онъ поневолѣ долженъ былъ внимать совѣтамъ Боскампа, въ особенности относительно средствъ и формальностей, которыхъ приходилось держаться, чтобы достигнуть въ Бахчисараѣ опредѣленной цѣли.

Боскампъ рекомендовалъ соблюдать чрезвычайную осторожность, чтобы не возбудить подозрѣній у акредитованнаго при здѣшнемъ дворѣ французскаго консула и у множества странствующихъ здѣсь по всѣмъ направленіямъ русскихъ шпіоновъ и не вызвать съ ихъ стороны противодѣйствія.

Онъ поэтому рекомендовалъ надѣть на себя правдоподобную личину простодушія, что могло бы представить выгоду имѣть соприкосновеніе съ ханомъ и притомъ совершенно замаскировать отъ нихъ политическую къ нему миссію.

Когда же Гольцъ спросилъ, какую маску, по мнѣнію Боскампа, считаетъ онъ наиболѣе подходящей при настоящихъ условіяхъ, послѣдній, по нѣкоторомъ размышленіи, отвѣтилъ:

„Объ этомъ слѣдуетъ поговорить откровенно! Во-первыхъ, мнѣ кажется, что вамъ съ внѣшней стороны необходимо остаться въ формѣ прусскаго офицера, потому что эта форма пользуется здѣсь расположеніемъ и, въ связи съ извѣстной и въ здѣшнихъ мѣстахъ военной славой короля Фридриха, вызываетъ повсемѣстно самые благопріятные отзывы. Со стороны же хана Крымъ-Гирея она встрѣтитъ милостивое и благосклонное отношеніе, и онъ почтетъ за особое удовольствіе и честь видѣть васъ у себя въ качествѣ исполнителя порученій короля. Итакъ, въ вашей внѣшности мы не смѣемъ ничего мѣнять ради самого хана. Если я снялъ свою форму и взамѣнъ ея облачился въ этотъ костюмъ татарскаго воина, то это было сдѣлано больше ради моего собственнаго удовольствія и потому, что мою задачу вѣрнѣе составляетъ пріобрѣсти популярность въ качествѣ уполномоченнаго прусскаго короля, чѣмъ исполнять какое-нибудь опредѣленное дѣло“.

Гольцу казалось такое сравненіе въ отношеніи форменной одежды со стороны Боскампа по крайней мѣрѣ смѣшнымъ, такъ какъ онъ не имѣлъ никакого права носить мундиръ прусскаго офицера и во время своей кратковременной и темной службы въ австрійскомъ гусарскомъ полку, какъ извѣстно, дослужился только до чина корнета. Онъ рѣшилъ поэтому считать высказанное Боскампомъ лишь какъ черту, характеризующую его хвастливость, и во всякомъ случаѣ воспользоваться его совѣтомъ, по скольку онъ окажется практичнымъ.

„А знаете, баронъ, что бы вамъ дѣйствительно слѣдовало сдѣлать?“ наконецъ воскликнулъ Боскампъ, причемъ его не особенно привлекательныя черты лица приняли веселое выраженіе. „Вамъ нужно выдавать себя за прусскаго офицера, прибывшаго сюда для того, чтобы просить хана о выдачѣ фирмана,

который бы доставилъ право на совершеніе закупки въ Молдавіи и Татаріи нѣсколькихъ тысячъ ремонтныхъ лошадей за счетъ короля. Этотъ предлогъ, эта маска будетъ намъ чрезвычайно полезна. Такъ и я, пріѣхавъ сюда въ первый разъ, выдавалъ себя за секретаря князя Радзивила, который послалъ меня сюда для приведенія въ порядокъ нѣкоторыхъ споровъ по поводу его имѣній, граничащихъ съ Татаріей. Этимъ путемъ я первымъ дѣломъ близко познакомился съ мудрымъ Абдуллой-эфенди, первымъ и самымъ важнымъ совѣтникомъ хана, и чрезъ него съ самымъ простодушнымъ видомъ узналъ взгляды Крымъ-Гирея по отношенію къ Пруссіи и ея великому королю".

Гольцъ долженъ былъ признать, что главное дѣло въ томъ, чтобы скрыть и замаскировать отъ пребывающихъ на полуостровѣ французскихъ и русскихъ шпіоновъ цѣль своего присутствія, и, по размышленіи, онъ согласился взять на себя эту роль, на что Боскампъ долженъ былъ исходатайствовать черезъ Абдуллу-эфенди согласіе хана.

Боскампъ спросилъ кстати, есть-ли у него достаточно денегъ, такъ какъ, помимо дѣлъ по покупкѣ лошадей у барышниковъ и евреевъ, которыя ему вскорѣ придется начать для виду, необходимо еще израсходовать кое-что на неизбѣжные подарки при бахчисарайскомъ дворѣ.

Въ это время на улицѣ послышался шумъ, по которому можно было судить о прибытіи наѣздника, сопровождаемаго многочисленной свитой.

Вскорѣ съ извѣстной торжественностью отворилась дверь, и вошелъ Мустафа-ага, извѣстный читателямъ ханскій брадобрей, котораго сопровождало нѣсколько слугъ со всевозможными блюдами, мисками и чашами; они поставили ихъ прямо на столъ, за которымъ сидѣли Гольцъ и Боскампъ. Еще ранѣе эти слуги оставили въ прихожей нѣсколько объемистыхъ, чѣмъ-то наполненныхъ мѣшковъ.

Веселый Мустафа-ага всталъ на время въ торжественную позу противъ Гольца, которая длилась лишь пока онъ въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ передалъ ему привѣтъ отъ хана, приславшаго его тотчасъ-же по докладѣ ему о прибытіи Гольца. Послѣ же этого Мустафа-ага сталъ весело прыгать по комнатѣ, выражая свою радость по случаю благополучнаго прибытія его спутника изъ Пруссіи, къ которому онъ почувствовалъ уже во время пути особенную привязанность и нѣчто вродѣ обожанія.

За это время Боскампъ съ видомъ знатока осмотрѣлъ принесенные рабами подарки и объяснилъ удивленному Гольцу, что это—обыкновенная ежедневная порція мяса, кофе, сахару, пряностей, хлѣба, плодовъ и пр., которую будутъ ему регулярно доставлять отъ хана во время его пребыванія здѣсь, между тѣмъ какъ оставленные въ прихожей мѣшки заключаютъ въ себѣ кормъ для лошадей, которыя ему будутъ назначаться для поѣздокъ.

Боскампъ нашелъ случай подходящимъ для обсужденія съ довѣреннымъ слугою Крымъ-Гирея того плана, который былъ выработанъ имъ вмѣстѣ съ Гольцемъ для выступленія послѣдняго въ Бахчисараѣ.

При этомъ разговорѣ съ Мустафой Боскампъ вперемежку употреблялъ то турецкія, то татарскія выраженія и слова, которыя онъ усвоилъ въ совершенствѣ; иногда же, очевидно, для того, чтобы блеснуть передъ Гольцемъ своимъ широкимъ знаніемъ иностранныхъ языковъ, онъ примѣшивалъ нѣкоторыя греческія и итальянскія фразы.

Ханскій брадобрей, чрезвычайно внимательно выслушавшій весь разсказъ, громко расхохотался наконецъ, находя выработанный планъ превосходнымъ, и обѣщалъ доложить о немъ своему господину во время бритья.

Вскорѣ послѣ этого собесѣдники разошлись, причемъ Гольцъ, требовавшій отдыха, также простился со своимъ новымъ другомъ, назойливость и опрометчивость котораго внушали все болѣе усиливавшееся нерасположеніе къ нему.

8536

IV.

Крымъ-Гирей, татарскій ханъ.

На утро Мустафа-ага появился вновь, въ торжественномъ шествіи и въ сопровожденіи значительной свиты, съ цѣлью сопутствовать Гольцу къ назначенной ему ханомъ пріемной аудіенціи. При этомъ Мустафа приказалъ подать Гольцу превосходнаго верхового коня, назначеннаго ханомъ для исключительнаго пользованія лейтенанта. Гольцъ съ удовольствіемъ сѣлъ на этого коня и рядомъ съ Мустафой и во главѣ сгруппировавшейся позади нихъ свиты направился вдоль улицы, ведущей къ старинному славному ханскому дворцу, о которомъ

Военно-Морской Музей ЧФ
ИНВ. №
г. Севастополь

Музей Крымской войны
ПАНОРАМА
г. Севастополь

ему приходилось много читать въ отчетахъ путешественниковъ и узнать изъ пѣсенъ и сказаній.

Торжественному поѣзду пришлось сначала прослѣдовать по главной улицѣ, по которой Гольцъ проѣхалъ уже вчера вечеромъ и которая показалась ему особенно характерной по длинному ряду по обѣимъ ея сторонамъ открытыхъ лавокъ съ хозяйственными принадлежностями и съѣстными припасами.

Расположенныя позади лавокъ жилища, изъ коихъ каждое было окружено небольшимъ садикомъ, поднимались террассами по возвышенностямъ, служившимъ началомъ горной цѣпи, тѣсно окружавшей городъ. Въ то время какъ Гольцъ поражался при видѣ столь обширной торговли и промышленной дѣятельности, неожиданной для него въ столицѣ Крыма, взглядъ его встрѣтилъ во всѣхъ направленіяхъ раскинутыя въ городѣ стремящіяся къ небу башенки мечетей, обыкновенно возвышавшіяся среди группъ восхитительныхъ итальянскихъ тополей.

Въ чудесномъ настроеніи, подъ впечатлѣніемъ картины этого своеобразнаго амфитеатра жилищъ, лавокъ, горъ, минаретовъ и кіосковъ, ѣхалъ Гольцъ рядомъ со своимъ доброжелательнымъ другомъ, который занималъ его разговоромъ и давалъ необходимыя объясненія, приближаясь къ концу улицы, гдѣ находился перекинутый черезъ Чурукъ-су каменный мостъ, ведущій къ самымъ воротамъ огромнаго ханскаго дворца.

На первомъ продолговатомъ дворѣ, надъ которымъ въ видѣ амфитеатра возвышался террассою садъ, Гольцъ и Мустафа-ага сошли съ коней и отправились пѣшкомъ по направленію къ необъятному сказочному дворцу.

Гольцу казалось, будто онъ чудеснымъ образомъ перемѣстился въ сказочную жизнь тысячи и одной ночи, когда вступилъ во дворецъ татарскихъ князей, разъединенный обширными дворами и садами и составленный изъ неисчислимой группы построекъ. Его удивленный взглядъ растерянно искалъ какую-нибудь исходную точку, чтобы схватить необъятное цѣлое, и скользилъ по неисчислимымъ надписямъ и произведеніямъ живописи, частью въ видѣ мудрыхъ изреченій и изображеній помѣщавшихся надъ входами и дверьми, частью въ видѣ цвѣтовъ, плодовъ, птицъ и разныхъ фигуръ, покрывавшимъ стѣны.

Пройдя вмѣстѣ со своимъ проводникомъ украшенный тополями и турецкой бузиной дворъ, посрединѣ котораго тихо журчалъ окруженный ивами фонтанъ, онъ вступилъ въ аванзалу собственно дворца, въ таинственномъ полумракѣ которой со

сказочной гармоніей раздавался тихій, меланхолическій лепетъ источника.

Мустафа-ага разсказалъ съ торжественной серьезностью, что этотъ источникъ, пользуясь всемірной извѣстностью за тотъ своеобразный мягкій и жалобный звукъ, съ которымъ вода ниспадаетъ на мраморъ бассейна, носитъ названіе «фонтана слезъ». *).

Стѣны залы были сплошь покрыты живописью, изображавшей пейзажи, острова, морскіе заливы, дворцы въ фантастически перемѣшанной композиціи, между тѣмъ какъ полъ былъ усѣянъ изреченіями изъ корана, изображенными золотыми буквами по темному полю.

Изъ этой аванзалы Гольца провели черезъ рядъ небольшихъ, но изящно обставленныхъ залъ, сверкавшихъ золотомъ, серебромъ и кристаллами; черезъ разноцвѣтныя стекла оконъ распространялся въ нихъ магически окрашенный полумракъ.

Эти покои вели къ большой пріемной залѣ, въ которой ханъ Крымъ-Гирей назначилъ первое торжественное представленіе фонъ-деръ-Гольца при условленной и одобренной имъ обстановкѣ.

Это было помѣщеніе ослѣпительной роскоши, покрытое по стѣнамъ и карнизамъ скульптурою тончайшей работы, и здѣсь-то увидѣлъ Гольцъ хана, окруженнаго всѣми его придворными.

Фонъ-деръ-Гольцъ былъ представленъ брадобреемъ въ качествѣ прусскаго офицера, прибывшаго для испрошенія у хана фирмана на покупку и вывозъ изъ Татаріи нѣкотораго числа лошадей.

Съ большимъ вниманіемъ сосредоточилъ Гольцъ свой взглядъ на крупной, высокой фигурѣ хана, котораго ему наконецъ пришлось увидѣть и къ которому онъ приближался съ такимъ чувствомъ, какъ будто передъ нимъ вдругъ явился сказочный герой изъ далекихъ былыхъ временъ.

*) Въ знаменитомъ произведеніи Пушкина: „Бахчисарайскій фонтанъ“ исторія этого источника увѣковѣчена въ поэзіи. Сравни: *Revue de l'Orient.* V. 230. Подробное описаніе этого ханскаго дворца во всѣхъ деталяхъ, однако по позднѣйшей реставраціи, произведенной по распоряженію русскаго правительства архитекторомъ Эльсономъ, даетъ *Castelnau, Essai sur l'histoire de la Nouvelle Russie.* III. 158 и слѣд. При этой реставраціи по возможности сохраненъ первоначальный характеръ дворца и оригинальность стиля татарскихъ построекъ; живопись внутри и снаружи стѣнъ осталась также старая, только большею частью была освѣжена.

Крымъ-Гирей представлялъ собою величественнаго, сильнаго мужчину крѣпкаго тѣлосложенія, въ то же время однако не лишеннаго извѣстной граціи и пріятности; при характерномъ очертаніи головы на лицѣ его соединялось рѣшительное и строгое выраженіе воина съ любовью къ жизни и насмѣшливымъ настроеніемъ.

Его большіе, живые глаза метали странные, пронизывающіе взгляды, показывая вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ этомъ сильномъ сынѣ природы развился не только духъ повелителя и воина, но и необычайно дѣятельный умъ.

На его высокомъ челѣ и въ глубокосидящихъ глазахъ проглядывало мягкое, ласковое выраженіе задумчивости, почти даже мечтательности, придавая лицу, носившему наиболѣе благородный отпечатокъ татарской расы, живую черточку умственной жизни европейца.

Въ его манерахъ и движеніяхъ, съ которыми онъ представился прусскому посланнику, сказывалось столько легкости, достоинства и граціи, что и на европейскихъ тронахъ могли бы ему позавидовать *).

Къ этому присоединялось извѣстное добродушіе въ выраженіи, настолько же привлекательное, насколько быстрая перемѣна въ лицѣ обнаруживала слѣды дикости и даже жестокости, производившихъ устрашающее впечатлѣніе.

Крымъ-Гирей находился въ цвѣтущей порѣ сорокапятилѣтняго мужчины, такъ какъ въ 1758 году, когда вслѣдствіе возмущенія племени ногайцевъ онъ былъ посаженъ на татарскій престолъ, ему было около 40 лѣтъ.

Съ тѣхъ поръ какъ Крымъ находился подъ властью Турціи, ни одинъ изъ хановъ не достигалъ господства надъ Херсонесомъ Таврическимъ въ такихъ молодыхъ годахъ. Изъ числа раздѣленныхъ на четыре большія орды ногайцевъ, заселявшихъ часть малой Татаріи, расположенную между Дунаемъ и Кубанью, буджакскіе ногайцы, поселившіеся между Дунаемъ и Днѣстромъ, всегда отличались воинственностью и предпріимчивымъ духомъ. Этими-то буджакскими ногайцами Крымъ-Гирей первое время правилъ въ качествѣ сераскира, а затѣмъ по настойчивымъ требованіямъ, поддержаннымъ возмущеніями этого племени, добились у султана назначенія Крымъ-Гирея въ достоинство повелителя всего Крыма, и Порта почти противъ

*) Сравни: *Peyssonel, Traité sur le commerce de la Mer-Noire,* II, 370. *Siestrzencewicz,* Histoire du Royaume de la Chersonèse Taurique, p. 414.

воли должна была послать ему знаки его власти—саблю и поясъ, лукъ и колчанъ, колпакъ и султанъ, а также превосходнаго коня,—знаки, издавна освященные обычаемъ при назначеніи крымскаго хана.

Крымъ-Гирей, вслѣдствіе той любви, которой онъ пользовался среди всѣхъ татаръ, а также по его храбрости и по взглядамъ, по которымъ онъ всегда оказывался страстнымъ ненавистникомъ Россіи, какъ будто былъ главнымъ образомъ призванъ къ тому, чтобы служить Турціи въ качествѣ могущественнаго орудія политики противъ Россіи, а также орудіемъ для утоленія постепенно разгорѣвшейся жажды приключеній, что, конечно, выяснилось въ Константинополѣ не сразу.

Манера, съ которой Крымъ-Гирей привѣтствовалъ представшаго передъ нимъ лейтенанта короля Фридриха, лишь на мгновеніе выказала все величіе татарскаго властелина, къ услугамъ котораго имѣлись всѣ средства. Но затѣмъ вскорѣ же установились тѣ добрыя, даже искреннія отношенія, которыя, повидимому, возникли сами собою вмѣстѣ съ сопровождавшей пріемъ обычной здѣсь церемоніей. Именно, послѣ совершившагося обмѣна установленныхъ привѣтствій слуги стали разносить кофе и трубки, и такимъ способомъ устанавливалось начало дѣловыхъ переговоровъ. Фонъ-деръ-Гольцъ, не имѣвшій до сихъ поръ привычки курить, тѣмъ не менѣе не могъ отказаться теперь отъ предложенной ему слугой длинной трубки.

Въ это время ханъ, находившійся въ кругу своихъ высшихъ сановниковъ и придворныхъ, уже поднесъ къ своимъ губамъ трубку и съ видимымъ наслажденіемъ выпускалъ клубы душистаго дыма, не спуская въ то же время проницательнаго взгляда съ Гольца. Его визирь Хаджи-Мехметъ-ага, пользовавшійся славой выдающагося государственнаго мужа и политика, курилъ подлѣ своего повелителя съ почтительнымъ усердіемъ и неподражаемымъ достоинствомъ, также какъ и важный тайный совѣтникъ хана, Абдулла-эфенди, повидимому исполнительный органъ всѣхъ государственныхъ дѣлъ Крыма.

Послѣ того, какъ былъ выпитъ кофе, Гольцу было передано черезъ брадобрея Мустафу желаніе хана услышать подробное изложеніе просьбы Гольца, что онъ тотчасъ же и исполнилъ по условленному плану съ возможными подробностями, не касаясь политики.

Ханъ выслушалъ его, выразилъ свое согласіе наклоненіемъ головы и далъ знакъ своему тайному совѣтнику Абдуллѣ-эфенди,

повидимому обозначавшій, что къ заготовленію фирмана на закупку лошадей въ Татаріи препятствій не встрѣчается.

Послѣ этого Крымъ-Гирей, сопровождая рѣчь той улыбкой, которая имѣла свойство однихъ ободрять, другихъ же смущать, обратился къ прусскому послу съ вопросомъ: „Какъ чувствуетъ себя великій прусскій король? Я принадлежу къ числу его почитателей и, въ то же время, завидую ему, не только за его храбрость, но и за игру на флейтѣ. Какъ часто я желалъ бы владѣть этимъ искусствомъ, если бы мнѣ позволяло достоинство властителя Крыма и моихъ татаръ! Во снѣ мнѣ часто мерещится, будто я слышу нѣжный звукъ флейты вашего великаго Фридриха, о которой такъ много говорилъ весь міръ, и каждый разъ думаю: жители запада должны быть счастливы, если короли имѣютъ возможность управлять съ помощью флейты! Я и здѣсь хотѣлъ бы устроить хорошее государство, и на этотъ счетъ у меня свои особыя мнѣнія. Между княземъ и его народами долженъ бы существовать особый дружественный договоръ, по которому король игралъ бы только первую флейту, а всѣ остальные слѣдовали бы за его игрой, только исключительно потому, что они этого хотятъ, и потому, что любятъ слушать его игру. Хану слѣдовало бы и тогда сохранить власть, а въ случаѣ надобности перевернуть флейту другимъ концомъ и въ отношеніи своихъ подданныхъ воспользоваться ею въ качествѣ дубинки, если положеніе не мѣняется, и они упорно не хотятъ исполнять ту мелодію, которую насвистываетъ имъ ханъ. Среди французовъ, какъ дошли до меня слухи, явились нѣкоторые мужи, которые въ своихъ книгахъ преподавали такого рода мудрость управленія государствомъ, и среди этихъ господъ есть нѣкій Монтескье, объ идеяхъ котораго я на-дняхъ узналъ отъ одного путешественника, и кое-что изъ нихъ вполнѣ совпадаетъ съ моими собственными представленіями, что я именно и хотѣлъ бы ввести у себя, если бы только могъ рѣшиться выступить передъ моими татарами съ флейтой наготовѣ!“.

При этихъ словахъ Крымъ-Гирей расхохотался отъ всей души и, повидимому, съ любопытствомъ ожидалъ возраженія со стороны лейтенанта, которому эта со страстью высказанная ханомъ рѣчь была въ точности передана переводчикомъ.

Гольцъ выслушалъ ее съ величайшимъ удивленіемъ. Онъ находилъ, что молва ничуть не преувеличивала, изображая Крымъ-Гирея не только въ видѣ храбраго татарскаго воина, но и въ видѣ своеобразнаго и любознательнаго человѣка, ко-

торый до нѣкоторыхъ вещей доходилъ исключительно своимъ умомъ и собственными силами старался постигнуть и привить въ своемъ обиходѣ идеи и устройство, возникавшія на западѣ.

Послѣ того, какъ фонъ-деръ-Гольцъ отвѣтилъ хану съ той обязательностью, на какую только былъ способенъ подъ впечатлѣніемъ неожиданности, и особенно далъ понять, что прусскій король, написавшій нѣсколько разнаго рода книгъ, разсужденій и стихотвореній, высказалъ въ нихъ тоже нѣкоторые взгляды, которые со взглядами Монтескье и великаго Крымъ-Гирея представляются до крайности сходными и удивительно согласными, ханъ выслушалъ это видимо съ извѣстной гордостью и, для выраженія своего удовольствія, сталъ разглаживать свою черную курчавую бороду, окидывая торжествующимъ взглядомъ окружавшихъ его придворныхъ.

Въ заключеніе онъ сказалъ Гольцу искреннимъ дружескимъ тономъ: „По крайней мѣрѣ здѣсь вы найдете хорошихъ лошадей; я между тѣмъ льщу себя надеждой, что среди нашей дикой природы вы не будете думать, что покинуты всѣми музами. Вы должны присутствовать какъ-нибудь и на одномъ изъ моихъ концертовъ, потому что я дорого цѣню мою капеллу, состоящую, какъ вы увидите, изъ превосходныхъ артистовъ по всѣмъ инструментамъ. При этомъ дворѣ имѣется также труппа комедіантовъ и скомороховъ, дающихъ намъ прекрасныя представленія. Вы приглашаетесь къ ближайшему представленію. Мнѣ желательно, чтобы вы изобразили меня вашему королю, моему другу, въ благопріятномъ освѣщеніи, и я не представлялся бы ему мрачнымъ, грубымъ варваромъ. Ибо какое ему было бы удовольствіе выслушивать выраженія любви и почитанія отъ подобнаго варвара? Скажите ему, что ханъ Крымъ-Гирей—человѣкъ веселый, любящій удовольствія и иногда позволяющій себѣ посмотрѣть умную французскую комедію, хотя при этомъ ему кое-что остается и не вполнѣ яснымъ. Между тѣмъ, мы еще не настолько состарились, чтобы не могли достаточно прилежно учиться, и если вы, жители западныхъ странъ, съ нами, татарами, еще будете имѣть немного терпѣнія, то дождетесь, что мы какъ-нибудь у васъ выдержимъ экзаменъ!“.

Съ этими словами ханъ отпустилъ чужестранца, послѣ обмѣна установленныхъ церемоніаломъ взаимныхъ привѣтствій.

Мустафа-ага проводилъ Гольца тѣмъ же путемъ обратно и шепнулъ ему на ухо, когда они достигли вестибюля, что завтра, въ 8 часовъ вечера, ханъ желаетъ его видѣть у себя въ секретной аудіенціи, въ которой предстоитъ высказаться

обо всемъ томъ, что составляетъ сущность его миссіи. Брадобрей прибавилъ, что великій ханъ объ этомъ отдалъ ему приказаніе уже раньше и что Мустафа при этомъ рѣшительномъ повидимому разговорѣ будетъ исполнять роль переводчика.

V.

Ханскій дворецъ въ Бахчисараѣ.

На обратномъ пути Гольцу представился случай еще разъ пройти часть необъятнаго хапскаго дворца и съ удивленіемъ остановиться въ тѣхъ мѣстахъ, мимо которыхъ онъ ранѣе прошелъ.

Въ глубинѣ аванзалы, черезъ которую они проходили теперь, его вниманіе привлекло двое дверей, изъ коихъ одна, какъ сказалъ ему проводникъ, вела въ небольшую мечеть, между тѣмъ какъ другая открывала доступъ въ диванъ правосудія, который Мустафа-ага предложилъ осмотрѣть мимоходомъ.

Гольцъ заглянулъ въ длинную, роскошно отдѣланную залу, высокій плафонъ которой былъ расписанъ всякаго рода фигурами и группами въ яркихъ краскахъ и чудныхъ композиціяхъ, между тѣмъ какъ стѣны сверкали золотыми изображеніями и украшеніями разнообразнѣйшихъ видовъ.

Дневной свѣтъ проникалъ черезъ расписныя пестрыя стекла оконъ, расположенныхъ лишь по одной изъ стѣнъ въ два ряда.

Надъ главнымъ входомъ, противъ украшеннаго съ непомѣрной расточительностью балдахина, вниманіе Гольца привлекла своимъ таинственнымъ видомъ небольшая обнесенная рѣшеткою ложа. Отъ брадобрея, превосходно исполнявшаго роль гида, Гольцъ узналъ, что ханъ имѣетъ привычку проникать въ эту ложу тайнымъ ходомъ, когда онъ желаетъ, въ качествѣ невидимаго свидѣтеля, присутствовать при рѣшеніи судебныхъ дѣлъ его судьями. Со своей хитрой улыбкой Мустафа-ага замѣтилъ, что такимъ способомъ лучше и безпристрастнѣе совершается судъ, потому что судьи всегда находятся въ невѣдѣніи относительно того, присутствуетъ ли ихъ повелитель, между тѣмъ какъ онъ входитъ незамѣченнымъ черезъ маленькую пробитую въ стѣнѣ дверь на скрытую лѣстницу, ведущую къ трибунѣ.

Брадобрей, сегодня оказавшійся въ особенно болтливомъ настроеніи, въ перемежку съ различными шутками разсказалъ ему также, что съ этой трибуны, въ тѣхъ случаяхъ, когда по ходу дѣла требовалось, выступали и женщины. По извѣстнымъ днямъ и обитательницы гарема получали приглашеніе появляться здѣсь, чтобы видѣть постороннихъ, оставаясь невидимы сами.

Все это говоритъ въ пользу либеральныхъ принциповъ нашего хана,—замѣтилъ Мустафа-ага,—но необходимо прибавить, что для сопровожденія этихъ очаровательныхъ дамъ назначается молодой человѣкъ, на котораго возлагается обязанность даже слѣдить за направленіемъ ихъ жгучихъ взглядовъ. Если окажется, что которая-либо изъ нихъ слишкомъ нѣжно и настойчиво посматриваетъ на какого-нибудь мужчину въ залѣ, то ихъ юный кавалеръ, голосъ и отсутствіе растительности на лицѣ котораго достаточно обнаруживаютъ его физическое состояніе, издаетъ рѣзкій звукъ, и все его послушное стадо обязано сняться съ мѣста съ быстротою молніи; смѣясь, переругиваясь и вздыхая, удаляются мелкими шажками эти обольстительныя красавицы и ихъ странный кавалеръ позади нихъ, обязанный доставить ихъ въ сохранности къ воротамъ гарема.

При этомъ маленькомъ разсказѣ Мустафа, повидимому, самъ испытывалъ такое удовольствіе, что громко и долго хохоталъ.

Не могло обойтись безъ того, чтобы прусскій лейтенантъ не пустился въ дальнѣйшіе разспросы относительно внутренняго и внѣшняго устройства гарема при ханскомъ дворцѣ, но брадобрей, многозначительно передернувъ плечами, приложилъ палецъ къ губамъ и, когда оба вышли во дворъ, указалъ на маленькую, еле замѣтную вдали дверь, которая, по словамъ Мустафы, при посредствѣ длиннаго корридора, соединяющаго дворецъ съ гаремомъ, вела въ эту, орошаемую свѣжими источниками, „долину розъ“.

Брадобрей оставилъ подъ сомнѣніемъ, происходитъ ли это названіе, присвоенное здѣсь гарему, отъ населяющихъ его красавицъ, или отъ избытка и прелести растеній, по словамъ Мустафы, составляющихъ истинный рай, упоительная тишина котораго нарушается лишь пѣніемъ соловья и журчаніемъ фонтановъ.

При этомъ краткомъ разсказѣ о красотахъ гарема брадобрей понизилъ свой голосъ до такой степени, что Гольцу становилось смѣшно.

Проходя черезъ другіе дворы дворца, они вездѣ встрѣчали многочисленные фонтаны, выбрасывающіе свѣжую струю воды, собранную съ окрестныхъ горъ. Наконецъ они достигли двора, на которомъ обыкновенно происходили военныя игры и упражненія и на краю котораго стояла высокая башня съ террассою, обнесенной рѣшеткой; съ этой террассы жены хана могли видѣть представленія, даваемыя ханскими тѣлохранителями, а иногда и находящимися на его службѣ комедіантами и скоморохами.

Проводникъ предложилъ Гольцу подняться на эту башню, съ высоты которой представлялись удивительныя картины окруженнаго стѣнами дворца съ разбросанными на подобіе лабиринта садами, постройками и дворами.

Внѣ этой чудной панорамы Гольцъ увидѣлъ расположенный въ видѣ амфитеатра по живописной цѣпи горъ самый городъ Бахчисарай. Передъ зрителемъ развернулась картина, какъ бы по волшебству оживленная движеніемъ въ самыхъ разнообразныхъ видахъ и вызывающая веселое, возбуждающее настроеніе.

Отсюда брадобрей, стараясь показать своему пріятелю по возможности все, повелъ его къ другой сторонѣ дворца, гдѣ, позади мечети, въ которой какъ разъ въ то время нѣсколько дервишей меланхолическимъ пѣніемъ стиховъ объявляли наступленіе часа молитвы, возвышалось кладбище, предназначенное для семейства властителя Крыма. Здѣсь Гольцъ вступилъ совершенно неожиданно въ украшенное куртинами пространство, наполненное благоуханіемъ и освѣжающимъ дыханіемъ журчащаго водопада, гдѣ не могли возникнуть картины смерти, а возвышались лишь великолѣпные и мирные памятники исчезнувшихъ родовъ.

Два большихъ восьмиугольныхъ мавзолея, накрытые высокими желѣзными куполами, представляли собою усыпальницы древней фамиліи Гиреевъ.

Эта семья, происходившая отъ монгольскаго принца Хаджи-Гирея, ведущаго свой родъ отъ Чингисъ-Хана, относила своихъ славныхъ предковъ къ глубокой древности, и уже въ тѣ отдаленныя времена исторія Тавриды носила отпечатокъ жестокихъ боевъ и непримиримой вражды противъ Россіи *).

*) Сравни Castelnau, Essai sur l'histoire de la Nouvelle Russie, 1, 213, 267. Histoire de la Tauride. II, 199.

Множество принцевъ и принцессъ этого дома находились здѣсь въ высокихъ каменныхъ саркофагахъ или деревянныхъ гробахъ, покрытыхъ зелеными или черными пеленами. На гробницы мужчинъ было положено по шерстяному тюрбану, между тѣмъ какъ на гробницахъ женщинъ отсутствовали какія бы то ни было украшенія.

Внѣ обоихъ мавзолеевъ, на пространствѣ всего кладбища и среди кустовъ, было разсѣяно еще множество могилъ, относившихся, къ различнымъ вѣкамъ, при чемъ древность этихъ памятниковъ сказывалась частью въ характерѣ скульптуры, частью же въ дѣйствіяхъ на нее времени. Одинокія мраморныя плиты съ вывѣтрившимися на нихъ надписями, повидимому, лежали отдѣльно отъ могилъ тѣхъ умершихъ, имена которыхъ были на нихъ начертаны и дѣянія которыхъ они прославляли. Другіе же памятники, завѣшанные коврами и кашемиромъ и освѣщаемыя спокойнымъ свѣтомъ неугасимыхъ лампадъ, указывали на ту заботливость, съ которой за ними ухаживали, и на тѣ великія историческія имена, которыя были начертаны въ золотыхъ надписяхъ.

Нѣкоторыя изъ этихъ татарскихъ надписей Мустафа-ага прочелъ съ неподдѣльнымъ религіознымъ благоговѣніемъ и торжественностью и перевелъ ихъ на нѣмецкій языкъ, сопровождая историческими справками, изъ которыхъ было видно, что брадобрей былъ знакомъ съ исторіей своей родины. Не менѣе удачными свѣдѣніями подѣлился онъ и изъ области сантиментальнаго, когда они проходили мимо могилы, скрывавшей останки нѣкогда прекрасной грузинки, извѣстной по своей красотѣ, жены Арсланъ-Гирея, не особенно счастливаго брата Крымъ-Гирея.

Мустафа-ага, на глазахъ котораго сверкнули слезы, указывающія на личныя живыя воспоминанія, опустился у этой могилы и поцѣловалъ благоухающій фіолетовый ирисъ, распустившійся здѣсь въ спокойной весенней красотѣ.

Гольцъ покидалъ это мѣсто, полный самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній.

На обратномъ пути черезъ дворы его проводникъ держалъ себя гораздо спокойнѣе и серьезнѣе, и только тогда, когда оба они сѣли на своихъ коней, ожидавшихъ ихъ на первомъ дворѣ, веселое настроеніе вернулось къ брадобрею, который считалъ своей обязанностью проводить своего друга тѣмъ же торжественнымъ порядкомъ обратно черезъ городъ.

VI.

Союзъ Пруссіи съ Крымомъ.

Остатокъ этого дня и большую часть слѣдующаго Гольцъ провелъ частью въ интересномъ для него обозрѣніи города, частью въ не особенно пріятныхъ сношеніяхъ съ барышниками и жидами, которыхъ прислалъ къ нему Боскампъ для того, чтобы сразу же устроить подобіе простой торговой сдѣлки, съ цѣлью обмануть иностранныхъ шпіоновъ.

По совѣту Боскампа, Гольцу поэтому приходилось расходовать довольно значительныя суммы денегъ изъ тѣхъ ограниченныхъ средствъ, которыя были ему отпущены. Привезенныя Гольцемъ подарки прусскаго короля онъ предполагалъ вручить хану въ слѣдующій вечеръ, во время назначенной ему секретной аудіенціи.

Между тѣмъ Боскампъ настойчиво совѣтовалъ при первомъ же донесеніи, которое будетъ отправлено Гольцемъ королю, просить о присылкѣ новыхъ и болѣе многочисленныхъ подарковъ, безъ которыхъ при ханскомъ дворѣ нельзя сдѣлать ни шагу, если разсчитываешь на успѣхъ.

Въ слѣдующій вечеръ, при наступленіи сумерекъ, Мустафа-ага проводилъ Гольца въ ханскій дворецъ, предварительно принявъ извѣстныя мѣры предосторожности. На этотъ разъ онъ былъ принятъ ханомъ въ его частномъ кабинетѣ, гдѣ кромѣ Мустафы присутствовалъ еще тайный совѣтникъ и статсъ-секретарь Абдулла-эфенди. Теперь Крымъ-Гирей держалъ себя по отношенію къ прусскому послу чрезвычайно просто и снисходительно, и, ласково принявъ подарки и выразивъ свое удовольствіе, онъ спросилъ Гольца, чего желаетъ отъ него его добрый другъ и братъ, король прусскій.

Гольцъ приступилъ къ болѣе подробному докладу, въ которомъ сначала указалъ, что король Фридрихъ, тѣснимый неблагопріятными обстоятельствами въ Европѣ, въ эту минуту ожидаетъ помощи съ востока, и именно отъ своего добраго друга и брата, великаго властителя Крыма. Король Фридрихъ предполагаетъ воспользоваться предложенною ему со стороны Крымъ-Гирея, воинственнаго хана, помощью въ двоякомъ родѣ, прося его дать въ его распоряженіе татарскій корпусъ для дѣйствія противъ его враговъ и приглашая его въ то же время съ другой частью войскъ предпринять вторженіе въ русскія владѣнія.

Вслѣдъ затѣмъ ловкими оборотами рѣчи Гольцъ указалъ на важность дружескихъ сношеній, возникающихъ между Пруссіей и Турціей и могущихъ создать такое положеніе, при которомъ возможна борьба на два фронта—съ Россіей и Австріей.

Онъ прибавилъ, что ударъ, нанесенный Россіи татарскими племенами, послужитъ рѣшительнымъ сигналомъ къ тому, чтобы совершенно преобразить военныя дѣйствія Пруссіи на западѣ, и притомъ положеніе великаго хана будетъ столь выгодно, что онъ, въ тотъ моментъ, когда военныя силы его исконнаго врага —Россіи—будутъ разсѣяны на большомъ пространствѣ, можетъ наступать съ обезпеченнымъ успѣхомъ и отомститъ за всѣ прежнія обиды. Ибо большая часть русскихъ войскъ, кромѣ нѣсколькихъ полковъ, находится въ настоящее время въ Пруссіи; на границѣ, а также внутри страны, почти нѣтъ войскъ для защиты отъ нападеній. Его повелитель, король Фридрихъ Великій, всѣ эти обстоятельства хорошо взвѣсилъ и надѣется на помощь со стороны своего друга, великаго хана, тѣмъ болѣе, что поводы къ нарушенію мира на-лицо. Вопреки положеніямъ Карловицкаго мирнаго договора, русскіе проникли въ Польшу и возвели новыя укрѣпленія также на татарской границѣ, въ чемъ онъ самъ имѣлъ случай убѣдиться во время своего путешествія въ Крымъ.

Въ заключеніе фонъ-деръ-Гольцъ, согласно данной ему инструкціи, предложилъ хану, на расходы по снаряженію въ походъ, нѣсколько сотенъ кошельковъ*) и въ то же время отъ имени короля передалъ завѣреніе въ томъ, что вся добыча, захваченная татарскимъ вспомогательнымъ корпусомъ во вражеской землѣ, будетъ оставлена въ пользу захватившихъ ее.

Ханъ слушалъ съ величайшимъ вниманіемъ и совершенно спокойно, лишь иногда выражая свое согласіе улыбкой и наклоненіемъ головы.

Странная смѣсь добродушія и дикости на его лицѣ искусно маскировалась сдержанностью; промолчавъ нѣкоторое время, какъ бы размышляя, ханъ медленно и съ равнодушнымъ видомъ отвѣтилъ:

„Все это прекрасно, что мнѣ велѣлъ передать мой добрый другъ и братъ, король прусскій, и онъ можетъ быть увѣренъ, что я готовъ сдѣлать и предпринять все то, что въ моихъ си-

*) Кошелекъ считается въ 500 піастровъ. Объ изложеніи этого плана военныхъ дѣйствій смотри въ „Nachrichten über die Gesandtschaftsreise des Lieutenants von der Golz zu dem Tartar-Khan“, въ „Denkwürdigkeiten für die Kriegskunst“. Heft 6. S. 116.

лахъ! Но въ настоящую минуту я ничто иное, какъ человѣкъ зависимый, не имѣющій собственной воли; ибо во всѣхъ моихъ предпріятіяхъ я связанъ согласіемъ оттоманской Порты. Хотя у меня и твердая рука, управляющая собственнымъ мечемъ,— прибавилъ онъ съ улыбкой,—и такая рука подчиняется своему собственному мускулу, но, какъ образованный варваръ, каковымъ я считаю себя, я хорошо знаю, къ чему я обязанъ передъ господами въ константинопольскомъ диванѣ, и не уклоняюсь умышленно отъ выраженія необходимаго къ нимъ почтенія. При всемъ томъ вашъ повелитель, великій прусскій король, когда будетъ нужно, встрѣтитъ меня готовымъ,—передайте ему это,— и я не замедлю выступить въ походъ со своей арміей, соберу лучшія силы и расположу ихъ сначала въ Бессарабіи, подъ Аккерманомъ, тамъ, гдѣ Днѣстръ скатываетъ свои быстрыя волны въ Черное море. Это создастъ вашему повелителю пріятное положеніе, для русскихъ же оно будетъ весьма неудобнымъ. Это я вамъ обѣщаю; но для этого необходимо исполненіе еще нѣкоторыхъ условій, а именно, нужно обождать возвращенія моего придворнаго переводчика Якуба, котораго я, не будучи увѣренъ въ вашемъ прибытіи сюда, отправилъ съ нѣкоторыми новыми запросами и порученіями къ вашему повелителю. А пока желаю вамъ пріятно проводить время; почаще бывайте на моихъ концертахъ, каковую честь я прошу оказать мнѣ завтра вечеромъ, и разсказывайте мнѣ больше о томъ, какъ живутъ у васъ, что сказали ваши ученые и философы и какъ вашъ повелитель достигъ величія и славы не только мечемъ, но и искусствомъ держать себя на престолѣ и управлять государствомъ!“.

Гольцъ былъ нѣсколько пораженъ, замѣтивъ, что Крымъ-Гирей уклоняется отъ дѣла и намѣренъ затянуть переговоры. Побудительныя причины ихъ не допускали отсрочки, и прусскій посолъ полагалъ поэтому необходимымъ изслѣдовать это обстоятельство. Онъ просилъ позволенія узнать отъ великаго хана о дальнѣйшихъ условіяхъ, отъ исполненія которыхъ зависятъ дѣйствія хана въ интересахъ прусскаго короля.

Блестящіе глаза хана мгновенно приняли добродушное и довѣрчивое выраженіе.

„Дѣйствительно, есть еще одно обстоятельство“,—воскликнулъ онъ комическимъ тономъ,—„весьма существенное и которое нужно выяснить, когда хочешь собираться на войну. Это вопросъ денежный, съ которымъ мнѣ особенно приходится считаться. Вамъ надо знать, что Крымъ-Гирей тратитъ много, очень

много денегъ и что онъ по-уши въ долгахъ, потому что владычество надъ добродушнымъ татарскимъ народомъ стоитъ денегъ; пришлось мнѣ также пріобрѣсти кое-что изъ обстановки, для того чтобы придать этому старому ханскому дворцу, въ которомъ жили мои предки, новый, достойный его видъ. Вы только взгляните, какъ красиво и свѣжо все здѣсь выглядитъ, и вы поймете, что мнѣ пришлось истратить на это значительныя суммы; ибо эти турецкіе ковры, которые я выписалъ изъ Константинополя, очень дороги, а эти бархатные диваны съ толстымъ, настоящимъ золотымъ галуномъ, сдѣланные заново во всемъ дворцѣ, могли опустошить и болѣе богатую кассу, чѣмъ моя".

Съ этими словами онъ, смѣясь и не безъ удовольствія, растянулся на сверкавшемъ золотомъ диванѣ, на которомъ онъ сидѣлъ передъ Гольцемъ.

Видя такой взрывъ веселости у хана, Гольцъ былъ въ затрудненіи, принять ли эти намеки хана на роскошь, которой онъ былъ преданъ въ извѣстной всѣмъ крайней степени, за истину, или же считать, что это шутливая маска его дипломатической затяжки. Поэтому онъ молчалъ, ожидая дальнѣйшихъ объясненій со стороны Крымъ-Гирея.

Послѣ непродолжительнаго молчанія ханъ продолжалъ съ юморомъ: „Разъ ужъ сошлись въ дружеской бесѣдѣ добрый пруссакъ и веселый татаринъ, поэтому приходится рѣшиться на признаніе, причемъ мнѣ важно знать, понизится или повысится вслѣдствіе этого ваше мнѣніе обо мнѣ. Знайте же, что съ нѣкоторыхъ поръ я очень усердно занимаюсь наукой о природѣ и пріобрѣлъ нѣкоторыя познанія въ томъ, что у васъ называется химіей, физикой и астрономіей. Одинъ французъ, проживавшій нѣсколько лѣтъ тому назадъ при моемъ дворѣ, навелъ меня на мысль, что горы моего Крыма скрываютъ драгоцѣннѣйшіе и благороднѣйшіе металлы. Его указанія, которыя онъ приводилъ при этомъ въ доказательство, при моихъ раскопкахъ вскорѣ подтвердились настолько, что я началъ тратить массу денегъ на это предпріятіе. И это истощило мою кассу, и такъ какъ все еще не удается отвоевать отъ моихъ горъ ихъ золото и серебро, поэтому Крымъ-Гирей, который шутитъ съ собою не позволяетъ, началъ самъ готовить золото. У васъ въ алхиміи, какъ вы называете эту науку, будто бы достигли поразительнаго успѣха, и вашъ европейскій человѣческій умъ достигъ такой славы, что приготовленіе золота представляетъ для него сущій пустякъ. Итакъ, я сую свой носъ въ плавиль-

ные тигли и надѣюсь, что каждую ночь увижу, какъ въ нихъ образуется блестящее золото, однако мое марево все еще мутно и недостаточно чистаго цвѣта, и ранѣе, чѣмъ это дѣло не улучшится, мнѣ врядъ ли легко будетъ съ достаточными силами выступить въ походъ за вашего короля". *).

Изъ этого сообщенія Гольцъ не услышалъ ничего обнадеживающаго, и на его лицѣ надежда смѣнилась тоской и сомнѣніемъ.

Онъ рѣшился замѣтить, что можетъ быть золото можно добыть болѣе быстрымъ способомъ, чѣмъ въ плавильныхъ тигляхъ великаго хана, если бы Крымъ-Гирей со своими ордами ударилъ на русскихъ, потому что при оттѣсненіи и уничтоженіи русскаго могущества всѣ интересы и благосостояніе Европы вновь повысились бы, государственныя кассы должны бы наполниться настолько, что золото изъ нихъ разлилось бы и на Крымъ и покрыло бы его скорѣе, чѣмъ можно ожидать отъ горныхъ предпріятій или препаратовъ во всѣхъ плавильныхъ тигляхъ.

Повидимому, Крымъ-Гирей хорошо понялъ смыслъ этихъ словъ. Съ лукавымъ выраженіемъ на лицѣ промолчалъ онъ нѣкоторое время, затѣмъ, выпрямившись гордо во весь могучій свой ростъ, сказалъ:

„Есть ли кто либо другой помимо меня, призванный разбить русскихъ и на-всегда сломать зубы исконнымъ врагамъ моей родины? И я твердо вѣрю, что тотъ Богъ, которому я поклоняюсь, раньше или позже предастъ въ мои руки это справедливое дѣло мести. Ибо месть Россіи со стороны Крыма стала частью моего исповѣданія, и уже будучи въ юношескихъ лѣтахъ я далъ въ этомъ торжественную клятву; это было въ то время, когда императрица Анна Іоанновна, вскорѣ послѣ вступленія своего на престолъ, въ 1736 году отправила въ Крымъ свирѣпое русское войско во главѣ съ маршаломъ Минихомъ, для войны противъ нашихъ городовъ и деревень, для того, чтобы уничтожить огнемъ нашъ прекрасный полуостровъ и залить его кровью нашихъ мужчинъ и женщинъ".

„Однако"—продолжалъ ханъ съ возрастающимъ гнѣвомъ—„наступитъ время, когда юношескія клятвы исполнятся и настанетъ оно скоро, очень скоро, и тогда мой братъ, король прусскій, увидитъ, что пришла ему въ голову не несчастная

*) Сравни: Siestrzencevicz, Histoire du Royaume de la Chersonèse Taurique, p. 415.

мысль разсчитывать на меня, какъ на своего союзника, и оказать мнѣ честь быть его соратникомъ противъ Россіи, стремящейся погубить весь міръ!“.

Гольцъ низко поклонился и предположилъ, что аудіенція кончена. Онъ окончательно увѣрился, что имѣетъ дѣло съ личностью необыкновенной, крайне скрытной, въ которой страннымъ образомъ совмѣщалась природная простота съ изощреннымъ лукавствомъ, въ которой своекорыстіе и дикость искусно маскировались дипломатической изворотливостью, причемъ однако получалось впечатлѣніе добродушія и честности.

Ханъ поднялся съ дивана и съ особенной торжественностью продолжалъ:

„Когда вы теперь будете отправлять ваше первое донесеніе королю, моему доброму брату, первымъ дѣломъ напишите ему, что существуетъ одно обстоятельство, которое обязало бы меня быть ему особенно благодарнымъ и которое въ то же время доказывало бы его дружескія чувства ко мнѣ. Просьба моя состоитъ въ томъ, чтобы онъ по возможности скорѣе прислалъ умнаго и дѣятельнаго врача, потому что Крымъ-Гирей боленъ, очень боленъ, и я вѣрю, что одинъ изъ врачей великаго прусскаго короля лучше всѣхъ съумѣетъ избавить меня отъ недуга“.

Прусскій дипломатъ позволилъ себѣ замѣтить, не укажетъ ли ханъ кстати и родъ своего недуга, для того, чтобы король, сообразуясь съ этимъ, могъ сдѣлать и выборъ среди врачей.

„Ну конечно“,—возразилъ ханъ со свойственной ему саркастической улыбкой.—„я и не хочу дѣлать особенной тайны изъ моей болѣзни, въ особенности послѣ того, какъ одинъ изъ путешественниковъ говорилъ мнѣ, что она относится къ признакамъ вашей западной цивилизаціи. Мой добрый братъ, король прусскій, пойметъ, что въ моихъ стремленіяхъ къ вашему образованію я уже превратился въ истиннаго жителя запада, потому что меня мучитъ ничто иное, какъ геморрой. А такъ какъ эта болѣзнь исключительно европейская, поэтому я надѣюсь найти помощь только у васъ. Если бы мнѣ и не удалось найти секретъ изготовленія золота, то лишь бы вернуть мнѣ вновь искусство свободно пользоваться моими природными силами, и если бы король помогъ мнѣ въ этомъ и доставилъ бы мнѣ возможность избавиться отъ тѣхъ ужасныхъ судорожныхъ болей, которыя стали появляться у меня съ нѣкоторыхъ поръ, то онъ могъ бы разсчитывать, что я тѣмъ скорѣе выступлю

противъ русскихъ и неожиданно для нихъ нанесу имъ сильный ударъ".

Послѣ этихъ словъ Гольцъ получилъ возможность откланяться и удалился въ самомъ смутномъ настроеніи.

Еще въ тотъ же вечеръ появился у него тайный совѣтникъ Абдулла-эфенди съ переводчикомъ и поспѣшно спросилъ, отправлено ли донесеніе прусскому королю.

Когда же Гольцъ отвѣтилъ, что онъ какъ разъ занятъ составленіемъ донесенія, Абдулла-эфенди замѣтилъ, что не слѣдовало бы прусскаго короля наводить на сомнѣнія относительно намѣреній хана. Крымъ-Гирей вполнѣ серьезно намѣренъ собрать свои войска въ мартѣ подъ Аккерманомъ и затѣмъ представить Портѣ свою жалобу на Россію, однако такимъ образомъ, что ожидать отвѣта изъ Константинополя онъ не предполагаетъ, а одновременно думаетъ начать вторженіе въ Россію всѣми своими силами.

Изъ всѣхъ многообѣщавшихъ и странныхъ фразъ, сказанныхъ до сихъ поръ Крымъ-Гиреемъ, эти слова его совѣтника представляли собою уже нѣкоторую точку опоры, и Гольцъ, съ воскресшей надеждой, поторопился включить это позднее и существенное обстоятельство въ свое донесеніе.

VII.

Татарская дипломатія.

Для Гольца началось теперь дипломатическое бездѣлье, причемъ приходилось проводить время частью въ не особенно пріятномъ для него обществѣ Боскампа, частью въ довольно скромныхъ въ столицѣ Крыма развлеченіяхъ и бесѣдахъ.

Особенно приходилось ожидать прибытія новыхъ цѣнныхъ подарковъ, о присылкѣ которыхъ для хана уже ранѣе хлопоталъ у короля Боскампъ и безъ которыхъ возобновленіе переговоровъ съ ханомъ представлялось не особенно цѣлесообразнымъ.

Наконецъ, по прошествіи нѣсколькихъ недѣль, прибылъ еврей Аронъ Цадекъ изъ Бреславля съ довольно значительнымъ транспортомъ вещей, предназначенныхъ королемъ Фридрихомъ на подарки. Среди нихъ имѣлись богатыя и драгоцѣнныя ткани всякаго рода, тонкіе платки, полотно, шелкъ и бархатъ, нѣсколько штукъ золотыхъ часовъ и табакерокъ большой цѣн-

ности и прекрасной, художественной работы: особенно же выдѣлялись нѣсколько ружей и роскошныхъ сабель, при передачѣ которыхъ навѣрняка можно было разсчитывать, что на образъ мыслей хана будетъ оказано благопріятное воздѣйствіе.

Члены прусскаго посольства пришли поэтому къ выводу, что настало время вновь начать рѣшительныя дѣйствія. За послѣднее время имъ пришлось видѣть хана лишь во время нѣсколькихъ роскошныхъ придворныхъ празднествъ, на которыя они получили приглашенія и на которыхъ они имѣли случай слышать французскихъ артистовъ и татарскую придворную капеллу, а также удивляться той чрезмѣрной расточительности, которая царила при дворѣ Крымъ-Гирея.

Фонъ-деръ-Гольцъ составилъ записку на имя хана, переданную черезъ брадобрея Мустафу, сущность которой заключалась въ томъ, что прусскіе уполномоченные получили отъ своего короля новыя инструкціи, поэтому имѣются всѣ данныя для заключенія договора между Пруссіей и Крымомъ, и является неотложной необходимостью, чтобы ханомъ были назначены для этого день и часъ.

Черезъ брадобрея Крымъ-Гирей велѣлъ передать на словахъ, что у него и его народа не существуетъ обычая входить въ письменные договоры, ибо у жителей востока слово еще не утратило своей силы, и если кто-либо изъ нихъ что-нибудь обѣщаетъ или даетъ на что свое согласіе, то надо считать такое слово ненарушимымъ. Многописаніе на западѣ онъ искренно презираетъ, за исключеніемъ лишь написанныхъ на западѣ хорошихъ книгъ, которыя онъ ставитъ очень высоко и которыми охотно наполнилъ весь свой дворецъ. Самъ же онъ ничто иное, какъ воинъ, и готовъ вынуть свой мечъ за прусскаго короля, которому онъ разсчитываетъ представить вещественное доказательство своей дружбы тѣмъ, что соберетъ подъ Аккерманомъ свои войска готовыми къ бою *).

Этотъ отвѣтъ вызвалъ успокоеніе, повидимому, на нѣсколько дней, а съ прибытіемъ придворнаго переводчика Якуба-аги, выѣхавшаго 14 февраля изъ Бреславля отъ прусскаго короля, дѣла прусскихъ уполномоченныхъ вдругъ приняли болѣе благопріятный оборотъ.

Якубъ-ага представилъ блестящій отчетъ объ оказанномъ ему королемъ почетномъ пріемѣ и передалъ хану выраженія

*) Nachrichten über die Gesandtschaftsreise der Lieutenants von der Golz a. a. D. S. 118.

дружбы и признательности со стороны прусскаго короля: все это ханъ выслушалъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ и, хотя чувствовалъ себя не вполнѣ здоровымъ и вслѣдствіе сильнаго приступа болѣзни долженъ былъ оставаться въ постели, назначилъ секретную аудіенцію для пріема Гольца вновь послѣ продолжительнаго перерыва, съ цѣлью дальнѣйшихъ политическихъ переговоровъ.

Гольцъ явился въ сопровожденіи нѣсколькихъ слугъ и испросилъ позволеніе представить и передать хану присланные прусскимъ королемъ новые подарки. Получивъ на это разрѣшеніе, Гольцъ приказалъ размѣстить подарки передъ постелью больного хана, который осмотрѣлъ ихъ съ удовольствіемъ; Гольцъ выразилъ свое сожалѣніе о страданіяхъ хана и при этомъ заявилъ, что король Фридрихъ командировалъ также врача, доктора Фрезе, вызваннаго изъ Берлина и ожидаемаго въ скоромъ времени въ Крыму, который помощью своего искусства постарается возстановить здоровье великаго повелителя татаръ.

Въ то же время Гольцъ высказалъ твердымъ и рѣшительнымъ тономъ желаніе короля, чтобы ханъ безъ замедленія собралъ свои войска и отправился бы съ ними въ походъ, съ цѣлью дать немедленно же почувствовать Россіи первый наносимый ей ударъ.

Большую часть этихъ сообщеній ханъ выслушалъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ и весьма милостиво благодарилъ за подарки и за присылку врача. Но переходя къ дѣлу, онъ замѣтилъ весьма сдержанно, что его добрый братъ, король прусскій, долженъ ему еще дать нѣкоторый срокъ. Послѣ этого онъ закрылъ свое лицо шелковымъ расшитымъ золотомъ одѣяломъ, которымъ былъ покрытъ, и, повидимому, нѣсколько мгновеній былъ занятъ своими мыслями и страданіями. Затѣмъ, вновь обращаясь къ Гольцу, ханъ сказалъ, что будетъ врагомъ всѣхъ враговъ и другомъ всѣхъ друзей прусскаго короля, однако съ точностью онъ еще не можетъ опредѣлить тотъ день, когда будутъ собраны войска подъ Аккерманомъ; въ ближайшіе дни объ этомъ будетъ назначено совѣщаніе съ его тайнымъ совѣтникомъ Абдуллой-эфенди.

Послѣ этого Гольцъ долженъ былъ откланяться, и прошло еще нѣсколько дней, а Гольцъ не получалъ никакихъ извѣстій отъ хана. Въ одинъ прекрасный день отъ Крымъ-Гирея получилось извѣстіе, что онъ обсуждалъ дѣло съ своимъ тайнымъ совѣтникомъ, и они сошлись на томъ, что онъ обязательно долженъ здѣсь провести рамазанъ и байрамъ, т. е. постъ и пасху,

поэтому ранѣе перваго числа мѣсяца Шевана (24 апрѣля) не можетъ покинуть свою столицу, однако же послѣ этого — непремѣнно и навѣрное.

На другой день ханъ вновь прислалъ за Гольцемъ и повторилъ то же увѣреніе въ особой аудіенціи, при чемъ теперь еще прибавилъ, что слѣдуетъ склонить въ свою пользу помощью подарковъ татарскихъ военачальниковъ и мурзъ. Кстати Крымъ-Гирей упомянулъ, что со стороны Пруссіи было бы необходимо исходатайствовать передъ Портой особое для хана разрѣшеніе на отпускъ прусскому королю нѣсколькихъ сотенъ лошадей. Подъ этимъ предлогомъ хану представилась бы возможность отправить къ прусскому королю такое количество войскъ изъ его народа, какое король пожелалъ бы имѣть для своихъ надобностей.

Когда Гольцъ возвратился домой, онъ тотчасъ же принялся за составленіе письма на имя Рексина, прусскаго посла въ Константинополѣ, въ которомъ просилъ его предпринять необходимые шаги для проведенія предложенной ханомъ мѣры.

Только что онъ окончилъ эту депешу и передалъ ее курьеру, какъ въ лицѣ придворнаго переводчика Якуба-ага явился новый посланный отъ хана съ извѣстіемъ, что если выступленіе подъ Аккерманъ должно быть предпринято скоро, то прусское посольство имѣетъ прежде всего представить хану двѣсти кошельковъ или сто тысячъ піастровъ.

Фонъ-деръ-Гольцъ тутъ же возразилъ на это, что пока онъ уполномоченъ согласиться на это требованіе, однако съ полной увѣренностью, что ханъ вскорѣ же исполнитъ свое обѣщаніе. Послѣ этого Гольцъ снабдилъ армянскаго купца, котораго онъ нанялъ для исполненія обязанности курьера въ Константинополь и который представилъ ему надежныхъ поручителей, соотвѣтственной довѣренностью для пріема такой суммы денегъ отъ Рексина.

Между тѣмъ личныя отношенія между Гольцемъ и Боскампомъ стали не особенно пріятны. Тотъ и другой въ сущности были одинаковаго характера агентами прусскаго короля, хотя Гольцъ, которому были поручены послѣднія по времени и притомъ непосредственныя сношенія съ ханомъ, вслѣдствіе этихъ сношеній долженъ былъ пріобрѣсти извѣстныя преимущества.

Это обстоятельство съ самаго начала возбудило нѣкоторую ревность Боскампа, весьма чувствительнаго къ уколамъ его гордости, и хотя онъ нерѣдко и давалъ дѣльные совѣты, осно-

ванные на знаніи обстоятельствъ, все-таки иногда позволялъ себѣ въ отместку разнаго рода коварные поступки и учинялъ всевозможныя препятствія. Въ то же время втихомолку онъ велъ порочный образъ жизни, чего не вполнѣ могъ скрывать отъ Гольца, который жилъ въ его домѣ, и поэтому ему было весьма важно избавиться отъ свидѣтеля его нечистоплотныхъ тайнъ, причемъ этотъ свидѣтель можетъ распустить непріятную молву о немъ и даже повредить ему во мнѣніи о немъ короля.

Поэтому онъ уже нѣсколько времени тому назадъ замыслилъ затѣять интригу, для того чтобы удалить Гольца хотя бы изъ Бахчисарая и такимъ путемъ не только избавиться отъ соглядатая, но современемъ и занять мѣсто единственнаго представителя для переговоровъ.

Съ этой цѣлью онъ пользовался извѣстными связями, которыя поддерживалъ въ ханскомъ дворцѣ, для внушенія хану при удобныхъ случаяхъ, черезъ посредство пользующихся его довѣріемъ лицъ, нѣкотораго опасенія по поводу столь продолжительнаго пребыванія Гольца въ Бахчисараѣ.

Хану дано было понять, что Гольцъ слишкомъ рѣшительно и замѣтно показывается въ качествѣ прусскаго офицера и тѣмъ обнаруживаетъ переговоры между Пруссіей и Крымомъ передъ недремлющими взорами русскихъ шпіоновъ, вслѣдствіе чего всѣ планы могутъ быть разстроены.

Крымъ-Гирей легко поддался на такія представленія, и въ одно прекрасное утро неожиданно отправилъ своего толмача Якуба къ Гольцу съ порученіемъ передать ему, что ханъ считаетъ наилучшимъ, если бы Гольцъ, съ цѣлью усыпить вниманіе русскихъ и уклониться отъ ихъ подозрѣнія, удалился бы въ Молдавію, независимую отъ хана область, и остановился бы хотя бы въ Яссахъ до тѣхъ поръ, пока ханъ не соберетъ своихъ войскъ подъ Аккерманомъ. При этомъ ханъ обѣщалъ пригласить Гольца тотчасъ же въ свой лагерь и передать ему вспомогательный корпусъ, назначенный къ отправкѣ въ Силезію. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ переданъ Гольцу и многократно обсуждавшійся фирманъ на покупку и выводъ изъ страны татарскихъ лошадей, для того, чтобы снабдить его документомъ, оправдывающимъ повсемѣстное его проживаніе.

Гольцъ и не подозрѣвалъ, чтобы подобный оборотъ былъ вызванъ главнымъ образомъ хлопотами Воскампа, и онъ совѣтовался съ нимъ, слѣдуетъ ли ему принять данный ханомъ совѣтъ.

Боскампъ старался по возможности доказать ему преимущества новаго положенія, въ которомъ ему придется вести переговоры съ ханомъ изъ Яссъ, и противъ ханскаго совѣта ничего нельзя было возразить, да и вообще трудно и неудобно было противиться желанію хана, выраженному въ столь рѣшительной формѣ.

VIII.

Татарка.

Боскампъ уговаривалъ Гольца покинуть возможно скорѣе Бахчисарай еще по другой важной причинѣ. Какъ бы оказывая Гольцу особое довѣріе, онъ разсказалъ ему, что между нимъ и ханомъ, изъ-за обладанія красивой татаркой, возникъ своеобразный разладъ, могущій легко повліять на благопріятный ходъ дипломатическихъ переговоровъ и повредить имъ, если они не будутъ совершенно отдѣлены отъ личности Боскампа, а это можетъ совершиться лишь при томъ условіи, если Гольцъ уѣдетъ въ Яссы.

Гольцъ, начавшій въ послѣднее время скучать въ Бахчисараѣ, при упоминаніи о прекрасной татаркѣ выказалъ нѣкоторое волненіе, и Боскамъ, замѣтивъ это, повидимому, былъ не прочь посвятить его въ нѣкоторыя подробности своего приключенія. Чтобы показать, насколько онъ ему довѣряетъ, онъ предложилъ ему даже доставить возможность увидѣть эту даму, одаренную рѣдкими достоинствами; по его словамъ, она уже нѣсколько дней скрывается въ верхнемъ этажѣ его дома. Выйдя въ прихожую, онъ трижды хлопнулъ въ ладоши и крикнулъ нѣсколько словъ по-татарски, вслѣдъ за чѣмъ послышались на верху легкіе женскіе шаги. Вскорѣ же на ступеняхъ лѣстницы показалась граціозно движущаяся, стройная фигура женщины, и, къ великому изумленію Гольца, ему представилась одна изъ тѣхъ красавицъ, какихъ онъ до сихъ поръ только представлялъ себѣ въ восточныхъ сказкахъ и стихахъ.

Красавица, окинувшая мужчинъ томнымъ взглядомъ своихъ темныхъ глазъ, была одѣта въ короткое, плотно обхватывавшее ея члены платье, поддерживаемое расшитымъ золотомъ и серебромъ поясомъ, застегнутымъ спереди пряжкой изъ двухъ большихъ серебряныхъ бляшекъ. Широкія, стянутыя у лоды-

жекъ шальвары, видные изъ-подъ платья у колѣнъ, покрывали ея стройныя ножки, обутыя въ чулки изъ желтаго сафьяна; поверхъ чулокъ виднѣлись двойныя туфли.

Ея личико, на которомъ проглядывало спокойствіе, невинность и естественная непринужденность, а также шея были ослѣпительной бѣлизны; съ головы ниспадали черные блестящіе волосы и въ многочисленныхъ косахъ покрывали всю спину. Голова была кокетливо прикрыта алой шапочкой, украшенной въ нѣсколько рядовъ мелкими серебряными турецкими монетами, и усиливавшей впечатлѣніе смѣлости и бойкости, проглядывавшихъ во всей фигурѣ татарской дѣвушки.

Когда она замѣтила, что Боскампъ былъ не одинъ, а наблюдалъ за нею еще какой-то посторонній, она быстро повернула назадъ и съ легкимъ крикомъ бросилась на лѣстницу, не упустивъ однако случая вновь обернуться въ сторону Гольца, и такимъ образомъ простодушно доставила ему возможность вполнѣ разглядѣть очаровательныя черты ея лица. Послѣ этого она почти мгновенно исчезла, между тѣмъ какъ Боскампъ, наслаждавшійся ея бѣгствомъ, громко хохоталъ ей вслѣдъ.

Фонъ-деръ-Гольцъ былъ, повидимому, не прочь узнать подробности этого заманчиваго приключенія; на его вопросы Боскампъ разсказалъ, что эта красавица—дочь его толмача Арланда, который вчера привелъ ее сюда самъ и на которой Боскампъ теперь намѣренъ жениться. „Однако, возникло не совсѣмъ удобное обстоятельство, а именно явился конкурентъ въ лицѣ нашего досточтимаго и одареннаго, какъ и мы, нѣкоторымъ вкусомъ, хана Крымъ-Гирея“, прибавилъ Боскампъ со свойственной ему злобной улыбкой. Ханъ рѣшилъ непремѣнно украсить свой гаремъ, пополнивъ его моей красавицей Зейнебъ, о рѣдкихъ качествахъ которой онъ узналъ по слухамъ, и предлагаетъ ей поэтому первое мѣсто, если она согласится присоединиться къ числу его женъ. И мнѣ онъ дѣлалъ всевозможныя обѣщанія, но я объяснилъ ему на-отрѣзъ, что свои намѣренія не измѣню ни за какія деньги. Пока что, дѣвушка находится у меня въ безопасности; ибо, такъ какъ мы здѣсь у его татарскаго величества являемся въ нѣкоторомъ родѣ признаннымъ прусскимъ королемъ посольствомъ, онъ долженъ оказывать уваженіе этому нашему званію посольства, какъ бы это званіе плохо ни было. Онъ очень золъ на меня, эта старая лиса, но я настою на своемъ, и съ моего согласія туфельки моей Зейнебъ никогда не будутъ стучать по корридорамъ ханскаго сераля. Поэтому-то я считаю въ интересахъ начатыхъ переговоровъ, чтобы они на

нѣкоторое время продолжались изъ другого мѣста, гдѣ Крымъ-Гирей не могъ бы совмѣщать сущность переговоровъ съ моей личностью, гдѣ онъ для того, чтобы дать мнѣ почувствовать свой гнѣвъ, не могъ бы дѣйствовать во вредъ интересамъ нашего короля.

Хотя Гольцу и показалось такое объясненіе нѣсколько несоотвѣтственнымъ, такъ какъ въ переговорахъ, которые велись исключительно черезъ него, о личности Боскампа не упоминалось вовсе или очень мало, тѣмъ не менѣе онъ рѣшилъ немедленно исполнить столь категорически выраженное Крымъ-Гиреемъ желаніе, и еще въ тотъ же день испросилъ прощальную аудіенцію, при чемъ ханъ въ милостивыхъ словахъ еще разъ подтвердилъ высказанныя обѣщанія. Послѣ этого Гольцъ сталъ собираться въ путь, и въ одно прекрасное мартовское утро, когда весна уже развернулась во всей своей красѣ, разбросавъ цвѣты по горамъ и долинамъ, Гольцъ направился черезъ Перекопъ, Кинбурнъ, Очаковъ и Бендеры въ Яссы. По пути ему приходилось вновь увидѣть тѣ мѣстности, по которымъ онъ проѣзжалъ въ то время, когда между зимою и весной борьба еще не была закончена. Теперь онѣ представлялись ему въ совершенно новомъ, очаровательномъ видѣ. Миндальное дерево было уже въ цвѣту, на поляхъ и въ садахъ виднѣлось изобиліе пышныхъ и разноцвѣтныхъ растеній; на ряду съ огромными стадами и табунами паслись на необъятныхъ лугахъ верблюды.

IX.

Императоръ Петръ III.

Княжескій престолъ въ Молдавіи въ это время занималъ юный Григорій Гика, которому Гольцъ, по прибытіи въ Яссы, и поспѣшилъ представиться.

Онъ испросилъ позволенія у князя остановиться на нѣкоторое время въ Яссахъ, подъ тѣмъ предлогомъ, будто бы онъ назначенъ сюда королемъ прусскимъ для облегченія передачи переписки, возникшей между Портой и Пруссіей.

Послѣ того какъ это ему было разрѣшено со всевозможной предупредительностью и выраженіями особаго вниманія, которое въ это время оказывали имени Фридриха Великаго во всѣхъ частяхъ Европы, Гольцъ устроился настолько удобно и пріятно

въ столицѣ Молдавіи, насколько это оказалось возможнымъ въ этомъ неудобномъ и мрачномъ углу, въ которомъ Гольцу предстояло прожить значительно больше, нежели онъ первоначально предполагалъ.

Проведя здѣсь нѣсколько дней въ томительномъ бездѣльи, однажды совершенно неожиданно, черезъ прибывшаго въ Яссы прусскаго курьера, Гольцъ получилъ собственноручное письмо короля, изъ котораго съ удивленіемъ уразумѣлъ, что какъ бы однимъ мановеніемъ подготовляется измѣненіе во взаимныхъ отношеніяхъ европейскихъ государствъ.

Уже 5 января 1762 года въ С.-Петербургѣ исчезла со сцены скончавшаяся неожиданно императрица Елисавета Петровна, непримиримый врагъ короля Фридриха, и вмѣстѣ съ тѣмъ порвалась одна изъ крѣпчайшихъ нитей той мрачной сѣти, которая неудержимо стягивалась надъ головой воинственнаго короля.

Вмѣсто нея на царскій тронъ вступилъ другъ, уже давно никакъ не могшій совмѣстить войну, которую вела Россія противъ прусскаго героя и философа, съ тѣми чувствами, которыя онъ питалъ къ этому герою. Это былъ Петръ III, никогда не являвшійся въ государственный совѣтъ, когда предстояли какія-либо рѣшенія во вредъ королю, къ которому стремились его мысли, какъ къ нѣкоторому идеалу; вступивъ на престолъ, по его мнѣнію, не было болѣе настоятельной и болѣе возвышенной задачи, какъ только предложить королю Фридриху миръ, въ доказательство своей неизмѣнной дружбы. Это выраженіе своего расположенія онъ тотчасъ же и поручилъ передать черезъ своего довѣреннаго и фаворита, полковника Гудовича, въ главную квартиру короля въ Бреславлѣ.

Молва объ этомъ важномъ событіи на русскомъ престолѣ уже ранѣе донеслась сюда въ видѣ неясныхъ и сбивчивыхъ свѣдѣній, но только теперь Гольцъ усмотрѣлъ изъ письма своего монарха еще ту великую и совершенно новую связь, въ которой вполнѣ неожиданно оказались всѣ обстоятельства.

Въ этомъ письмѣ ему сообщалось о заключенномъ съ Россіею предварительномъ перемиріи и о совершившемся отозваніи отъ австрійской арміи корпуса Чернышева. Съ этимъ измѣнившимся положеніемъ находились въ связи новыя инструкціи для Гольца, которому предначертывался планъ въ переговорахъ съ ханомъ въ совершенно иномъ направленіи, а именно, ему предстояла теперь задача побудить Крымъ-Гирея къ вторженію съ его силами въ Венгрію.

Къ этому дипломатическому указанію было присоединено извѣщеніе, что царь Петръ III уже далъ королю увѣреніе въ томъ, что черезъ посла въ Константинополѣ послѣдуетъ такого рода декларація: въ томъ случаѣ, если Порта серьезно склонна вести войну съ Австріей и предполагаетъ произвести вторженіе въ Венгрію, императоръ Петръ III обѣщаетъ сохранить полный нейтралитетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Гольцу указывалось, чтобы онъ, какъ только приметъ отъ хана просимый вспомогательный корпусъ, направился бы съ нимъ черезъ Польшу со всѣми предосторожностями и избѣгая всякихъ непріязненныхъ дѣйствій противъ русскихъ и русскихъ подданныхъ. Этотъ корпусъ слѣдуетъ вести на Кашау, для соединенія тамъ съ корпусомъ Вернера*).

Такимъ образомъ, получилось совершенно новое положеніе, при которомъ Гольцъ былъ готовъ сейчасъ же проявить энергичную дѣятельность.

Между тѣмъ переговоры съ Бахчисарасмъ, совершавшіеся посредствомъ письменныхъ сношеній еще медленнѣе, чѣмъ ранѣе устно, и почти всегда отступавшіе настолько же вновь назадъ, насколько подвигались впередъ, все еще отдаляли моментъ рѣшительныхъ дѣйствій въ полную неизвѣстность.

Въ то же время появлялось множество признаковъ, по которымъ приходилось заключить, что французскій консулъ въ Бахчисараѣ напалъ на слѣдъ переговоровъ Крымъ-Гирея съ Пруссіей и о результатахъ этихъ переговоровъ сообщаетъ свѣдѣнія своему правительству.

Такого рода признаки обнаружились въ томъ, что неожиданно были приняты поспѣшныя мѣры защиты въ Венгріи и Семигоріи, при чемъ былъ собранъ корпусъ народной милиціи, который подъ начальствомъ генерала Букова занялъ горные проходы.

Изыскивая какое-нибудь занятіе, Гольцъ напалъ на мысль завербовать нѣсколько сотенъ албанцевъ, и изъ этихъ воинственныхъ людей, закаленныхъ въ непрерывныхъ возстаніяхъ противъ турецкаго владычества, составить прусскій корпусъ для дѣйствій при вторженіи въ Венгрію. При помощи стараго албанскаго офицера, служившаго въ охранномъ отрядѣ молдаванскаго господаря, въ нѣсколько недѣль удалось собрать сорокъ человѣкъ албанцевъ, при чемъ каждому изъ нихъ было выдано

*) Gesandtschaftsreise des Lieutenants von der Golz zu dem Tartar-Khan a. a. O. S. 122.

по 2 червонца въ качествѣ задатка, и обѣщано такое же мѣсячное жалованье; при этомъ они были приведены къ присягѣ на вѣрность прусскому королю, а затѣмъ Гольцъ отправилъ ихъ въ Салкуцы, въ Бессарабіи, для снабженія ихъ верховыми лошадьми.

За это Гольцъ удостоился выраженія удовольствія со стороны короля, который пожелалъ, чтобы число воинственныхъ албанцевъ въ прусской службѣ было увеличено еще болѣе.

X.

Четыре статьи договора.

Наконецъ-то Гольцъ получилъ извѣстіе изъ Бахчисарая, что Крымъ-Гирей въ концѣ мая мѣсяца выступилъ въ походъ съ шеститысячнымъ отрядомъ татаръ.

Прусскій посолъ полагалъ теперь, что настало время взяться за дѣло самому, и тотчасъ же сталъ готовиться къ отъѣзду изъ Яссъ, откуда и выѣхалъ 11 іюня, направившись черезъ Кавшаны и Шоберши на Чепчаклы, у границы Новой Сербіи. Это мѣсто было ему указано, какъ первый пунктъ, въ которомъ ханъ предполагалъ остановиться на нѣкоторое время, и онъ прибылъ сюда почти одновременно съ ханомъ, который до сихъ поръ, повидимому, подавался впередъ весьма медленно.

При первой встрѣчѣ Гольцъ увидѣлъ хана въ обществѣ Боскампа и прусскаго доктора Фрезе, который обратился за это время въ ханскаго лейбъ-медика и полевого хирурга при его войскѣ и долженъ былъ сопровождать хана и въ этомъ походѣ.

Ханъ явился въ полномъ вооруженіи и при всѣхъ знакахъ военачальника; однако и при этой обстановкѣ, при которой его крупная геройская фигура представлялась еще болѣе блестящей, на его лицѣ не исчезало выраженіе хитрости и лукавства, столь многократно сбивавшее съ толку Гольца и наводившее его на сомнѣнія.

Вообще Крымъ-Гирей казался веселѣе прежняго; подавая дружески руку Гольцу, ханъ сказалъ ему: „Вы снова видите во мнѣ здороваго человѣка, и это—благодаря любезности моего брата, великаго короля, который прислалъ мнѣ этого милаго медика, доктора Фрезе, пилюли котораго самымъ чудеснымъ образомъ побѣдили бѣса въ моемъ тѣлѣ! О если бы мнѣ уда-

лось уничтожить точно такъ же моимъ острымъ татарскимъ мечемъ всѣхъ враговъ прусскаго короля! Однако мнѣ не совсѣмъ нравится, что онъ такъ скоро помирился съ русскими, и требуетъ теперь и отъ меня, чтобы я лучше воевалъ противъ австрійцевъ, а они вѣдь—добродушный, славный народъ, и ихъ князь также не причинилъ мнѣ ни малѣйшаго зла. Русскимъ же никогда не слѣдуетъ довѣрять, хотя бы они высказали самыя пріятныя и надежныя обѣщанія, и вашъ народъ и ваша страна еще пожалѣютъ, что теперь, когда Крымъ-Гирей собрался ударить на своего исконнаго врага, его останавливаютъ и отвлекаютъ отъ намѣренія навсегда погубить Россію. Между тѣмъ я настолько люблю вашего короля, которому я также обязанъ возстановленіемъ моего здоровья, что въ случаѣ, если онъ согласится на вновь поставленныя мною условія, я готовъ принести ему жертву и пойти противъ добрыхъ австрійцевъ. Тогда я, какъ уже письменно обѣщалъ, направляюсь въ Венгрію съ 50000 войскомъ и, сверхъ того, пошлю еще королю въ Силезію отрядъ въ 8000 человѣкъ. Но мнѣ нужна увѣренность, что мои условія будутъ исполнены, и я надѣюсь, что здѣсь вы явитесь ко мнѣ, когда вами будутъ изготовлены обязательства.

Гольцъ еще не имѣлъ возможности дать сейчасъ же эти обязательства, поэтому ограничился увѣреніемъ, что отвѣта короля надо ожидать въ лагерѣ черезъ нѣсколько дней съ особымъ курьеромъ, и что, судя по дошедшимъ до него извѣстіямъ, нѣтъ основаній сомнѣваться въ согласіи короля Фридриха на поставленныя ханомъ условія.

„Пусть намъ подтвердятъ это письменно, прежде чѣмъ мы рѣшимся на дальнѣйшія дѣйствія!“ - замѣтилъ Крымъ-Гирей на это, при чемъ въ выраженіи его лица промелькнула умышленная сдержанность: „хотя намъ, сынамъ природы, и нѣтъ надобности закрѣплять письменно наше слово, ибо наша вѣра повелѣваетъ намъ соблюдать вѣрность и вѣрить слову, данному вѣрующимъ и поэтому вполнѣ надежному. Такъ, великій арабскій государственный мудрецъ Ибъ Халдунъ, который не уступитъ вашему Монтескье, сказалъ слѣдующее: „Слово вѣрующаго рѣшаетъ миръ и войну, смотря по тому, къ чему будетъ сказано; ибо сила всего созданнаго живетъ въ чистомъ словѣ вѣрующаго, изъ коего произрастаютъ государства, расцвѣтаютъ города и народы, какъ дерево отъ своего корня!“ - У васъ все произрастаетъ изъ написаннаго, и поэтому у васъ одинъ не довѣряетъ другому; ибо бумага все терпитъ и, не краснѣя, принимаетъ всякую ложь; но живое слово, осквернен-

ное дыханіемъ лжи, останавливается на устахъ. Поэтому никогда не сомнѣвайтесь въ словѣ, данномъ мною, между тѣмъ какъ ваше писаніе мнѣ приходится обсуждать день и ночь, чтобы провѣрить его при свѣтѣ солнца и луны!“.

Повидимому, въ этотъ день хану особенно хотѣлось выказать себя въ такомъ патетическомъ настроеніи, и Гольцу приходилось лишь поддерживать его подходящими выраженіями.

На другой день дѣйствительно прибылъ въ лагерь ожидаемый курьеръ, который и привезъ документъ, составленный на латинскомъ языкѣ и заключавшій четыре статьи, предложенныя ханомъ для его обезпеченія во время послѣднихъ переговоровъ. Состоялъ этотъ документъ изъ завѣренія формальнаго объявленія о нейтралитетѣ Россіи во время войны съ Австріей, далѣе, въ немъ обѣщано было, что возведенныя русскими на татарской границѣ укрѣпленія и прикрытія будутъ уничтожены, а также давалось ручательство въ томъ, что казаки, проникшіе въ предѣлы татарскихъ владѣній, возвратятся въ предѣлы своихъ прежнихъ границъ, и, наконецъ, дано было особенно важное для хана обѣщаніе, что, до начала враждебныхъ дѣйствій, ему будутъ уплачены, сверхъ уже полученныхъ 200 кошельковъ, еще 450 кошельковъ*).

Прусскій курьеръ помимо этого привезъ еще извѣстіе, что назначенный въ Константинополь русскій посолъ князь Дашковъ получилъ приказаніе прибыть въ лагерь къ хану и частью лично передать ему увѣреніе въ полнѣйшемъ нейтралитетѣ Россіи, частью же подробнѣе обсудить съ нимъ остальныя статьи. Одновременно же оба представителя Пруссіи получили секретное указаніе черезъ курьера согласиться на выдачу хану упомянутыхъ 450 кошельковъ, но не выплачивать ему таковыхъ ранѣе, какъ только на венгерской границѣ.

Тотчасъ по полученіи документа съ 4-мя статьями обезпеченія, ханъ въ отношеніи его какъ бы наложилъ на себя строжайшій обѣтъ молчанія. То онъ развлекался охотой въ окрестныхъ горахъ, то оставался въ своей палаткѣ, которая хотя и находилась вблизи палатки прусскихъ представителей, но въ то же время исключала всякую возможность приблизиться къ особѣ Крымъ-Гирея. По вечерамъ регулярно устраивались его капеллой концерты, на которыхъ въ его свитѣ появлялись Гольцъ и Боскампъ; но въ разговорѣ съ ними онъ не касался

*) Gesandtschaftsreise des Lieutenants von der Golz nach dem Tatar-Chan a. a. O. S. 124 и слѣд.

вопросовъ, стоявшихъ въ связи съ дѣловыми сношеніями, а говорилъ о музыкѣ, объ искусствахъ, о философіи, которыя, по его словамъ, составляли его конекъ, и просилъ Гольца разсказывать объ операхъ и пьесахъ, назначаемыхъ Фридрихомъ Великимъ къ постановкѣ при его дворѣ, при чемъ онъ слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ, и нѣкоторыя особенности въ передачѣ толмача заносилъ на доску, которую позади него держалъ слуга.

Какъ-то утромъ совершенно неожиданно онъ пригласилъ къ себѣ въ палатку Гольца и Боскампа и совершенно сухо и серьезно объявилъ имъ, что онъ совсѣмъ недоволенъ содержаніемъ документа, полученнаго отъ короля. На дняхъ онъ уже высказывалъ имъ, что письменные документы жителей запада, замѣняющіе у нихъ живое слово, ему приходится изслѣдовать съ крайней подозрительностью. Всю прошлую ночь онъ обдумывалъ содержаніе этого документа и нашелъ лишь то, что такъ называемыя статьи обезпеченія представляютъ собою ни что иное, какъ хрупкій, тонкій ледъ, черезъ который можно легко провалиться и утонуть. Въ заключеніе онъ строго и нахмурившись прибавилъ: Не надо забывать, что онъ зависитъ отъ Высокой Порты, и безъ ея согласія не смѣетъ начать какую-либо войну, хотя недавно и послалъ перваго своего совѣтника и министра Абдулла-эфенди въ Константинополь, чтобы выяснить взгляды султана; пока же онъ не можетъ вступить въ дальнѣйшіе переговоры съ прусскимъ королемъ, и отнынѣ будетъ смотрѣть на прусскихъ представителей не какъ на дипломатовъ, а какъ на дорогихъ гостей въ его лагерѣ, которыхъ ему пріятно видѣть у себя на концертахъ и бесѣдовать съ ними о наукахъ и искусствѣ, совершенно устраняя разговоры о политикѣ.

Такимъ образомъ, казалось, что опять все погибло, хотя снова, чтрезъ нѣсколько дней, прусскіе представители услышали отъ Крымъ-Гирея изъявленія въ томъ родѣ, что можно разсчитывать на его готовность къ выступленію, и намеки на то, что ему желательно поскорѣе услышать пріятный звонъ монетъ изъ 450 обѣщанныхъ ему кошельковъ.

О положеніи дѣла они извѣстили короля въ подробномъ донесеніи, которое долженъ былъ доставить докторъ Фрезе, собравшійся на родину 27 іюня, за окончательнымъ выздоровленіемъ хана.

Между тѣмъ ханъ сталъ подвигаться со своимъ войскомъ впередъ, и 1 іюля остановился на время у Буга. въ мѣстности Аксу.

Перемѣна въ его мнѣніяхъ проявилась въ томъ, что онъ совершенно неожиданно сталъ собирать свѣдѣнія о путяхъ сообщенія на Венгрію, и поэтому пригласилъ на совѣтъ къ себѣ Гольца и Боскампа.

При этомъ дѣйствительно дѣло дошло до обсужденія вопроса, при чемъ ханъ съ самодовольствомъ выказалъ свои познанія по географіи истратегіи и, наконецъ, рѣшился на движеніе вдоль границы Украйны внизъ по Днѣстру, черезъ Бендеры и Коханку.

Въ это же время прибылъ и прусскій маіоръ Самоги, венгерскій выходецъ, котораго Фридрихъ Великій прислалъ къ хану. выразившему настойчивое желаніе имѣть при себѣ офицера, хорошо знакомаго съ мѣстными условіями въ Венгріи.

Такимъ образомъ, въ отрядѣ Крымъ-Гирея находилось трое представителей Пруссіи, соединившіе всѣ свои старанія при помощи хитрости и убѣжденія заставить хана двинуться, хотя бы для начала, впередъ, и въ то же время отвлечь его отъ русскихъ границъ, гдѣ уже показался, для наблюденія за нимъ, летучій отрядъ отчаянныхъ казаковъ.

XI.

Подъ Кавшанами.

Походъ Крымъ-Гирея направлялся прусскими представителями настолько счастливо, что ханъ со своимъ войскомъ прибылъ уже 29 іюля къ Кавшанамъ, расположеннымъ на Ботнѣ, въ четырехъ миляхъ отъ Бендеръ, городку, въ которомъ находился недавно построенный по распоряженію хана дворецъ его, гдѣ онъ теперь и устроилъ свою главную квартиру.

Торжественно вступилъ ханъ въ этотъ устроенный съ безумною роскошью дворецъ, и вновь скрылся на нѣкоторое время отъ взоровъ представителей прусскаго короля.

Эти послѣдніе расположились въ городѣ и ограничились въ своей дѣятельности лишь непрерывнымъ наблюденіемъ происходившаго вокругъ нихъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней во дворцѣ, въ которомъ заперся Крымъ-Гирей, повидимому, происходило дѣйствительно что-то странное.

Абдулла-эфенди, до сихъ поръ находившійся въ Константинополѣ, возвратился съ извѣстіями, которыя, повидимому, на постоянно измѣнявшаго свои рѣшенія хана произвели рѣшительное дѣйствіе. Насколько можно было узнать черезъ шпіоновъ, которыхъ Боскампъ съумѣлъ найти въ ханской главной квартирѣ, въ Константинополѣ неожиданно произошла перемѣна мнѣній, вновь совершенно отстранившая налаженный вопросъ о союзѣ между Пруссіей и Портой и, кажется, сдѣлавшая совершенно невозможнымъ какое-либо, основанное на этомъ союзѣ, военное предпріятіе.

Все это было вызвано вліяніемъ французскаго посла въ Константинополѣ, который, уже давно зная о возникшемъ между Пруссіей и Крымомъ тайномъ военномъ соглашеніи, воспользовался удобнымъ случаемъ оказать рѣшающее дѣйствіе на мягкій характеръ мечтательнаго султана Мустафы III.

Главный фаворитъ султана, отъ исполненія просьбы котораго султану не такъ-то легко удавалось отдѣлаться, согласился провести памѣченный планъ за огромную взятку, и набрался смѣлости въ тотъ день, когда было назначено подписаніе договора между Пруссіей и Портой, броситься въ ноги султану, со слезами умоляя его отказаться отъ союза съ Пруссіей и тѣмъ устраниться отъ осложненія, которое можетъ повлечь за собою страшную опасность для Турціи и нанести ей вредъ и вовлечь ее въ столько же дорогую, насколько не обѣщающую никакихъ выгодъ войну.

Хотя великій визирь Гамидъ Гассанъ-паша и муфтій Бекиръ эфенди Заде Ахмедъ, оба обѣщавшіе содѣйствовать заключенію союза, употребляли все свое вліяніе въ пользу союза, но султанъ какъ бы мгновенно отказался отъ этого намѣренія и вновь обратился къ своимъ любимымъ занятіямъ литературой, а также продолженіемъ начатыхъ построекъ, не выказывая ни малѣйшаго интереса къ какимъ бы то ни было представленіямъ, связаннымъ съ военными дѣйствіями.

Такого рода извѣстія произвели удивительное дѣйствіе на непостояннаго и легко возбуждающагося хана. Къ этому присоединилось еще одно обстоятельство, вызвавшее его гнѣвъ, именно противъ Боскампа, благодаря чему онъ позволилъ себѣ относиться оскорбительно и пренебрежительно къ прусскимъ представителямъ.

Имѣя привычку совершать вечернія и ночныя прогулки въ одиночествѣ и инкогнито, какъ-то Крымъ-Гирей прогуливался и по улицамъ Кавшанъ и, привлеченный громкимъ смѣ-

хомъ и возгласами, раздававшимися изъ оконъ одного изъ домовъ, съ любопытствомъ остановился передъ этимъ домомъ.

Вскорѣ же послышался женскій голосъ, и подъ акомпаниментъ цитры раздалось увлекательное пѣніе татарской пѣсенки; Крымъ-Гирей, питавшій слабость ко всякаго рода приключеніямъ, не могъ удержаться, чтобы быстрымъ движеніемъ не подняться на карнизъ дома съ цѣлью бросить взглядъ въ окно, на половину прикрытое занавѣской.

Однако видѣннаго было достаточно для того, чтобы возбудить въ немъ необычайную ярость, и съ большимъ трудомъ удалось ему подавить ее.

Ханъ замѣтилъ, что онъ находится подлѣ дома, занимаемаго Боскампомъ. Къ своему крайнему неудовольствію, Крымъ-Гирей увидѣлъ, что очаровательная дочь толмача Арманда, изъза которой нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ между ними произошла размолвка, послѣдовала за Боскампомъ въ лагерь подъ Кавшанами, что рѣшительно противорѣчило поставленному заранѣе условію.

Въ то время Крымъ-Гирей изъявилъ готовность отказаться отъ намѣренія пріобрѣсти очаровательную Зейнебъ для своего гарема, подъ условіемъ, что и Боскампъ откажется отъ желанія обладать хорошенькой татаркой и, такимъ образомъ, избѣжитъ публичнаго нарушенія обычаевъ страны.

Это соглашеніе, достигнутое ханомъ не безъ труда, оказывалось теперь явно нарушеннымъ со стороны Боскампа, который, повидимому, настолько прочно привязалъ къ себѣ татарскую красавицу, что заставилъ ее теперь послѣдовать за собой даже въ далекій военный лагерь.

Зрѣлище, представившееся Крымъ-Гирею, отнюдь не могло содѣйствовать укрѣпленію равнодушія въ сердцѣ хана по отношенію къ прелестямъ татарки. За веселымъ ужиномъ со своимъ другомъ татарка представлялась ему еще привлекательнѣе и очаровательнѣе, чѣмъ когда бы то ни было раньше.

Сегодня на ея блестящихъ, живописно заплетенныхъ волосахъ красовался въ видѣ тюрбана черный съ красными рисунками платокъ, придававшій ей особенно кокетливый видъ; плотно прилегавшая одежда обрисовывала изящные контуры ея тѣла. На шеѣ и на груди блестѣли дорогія бездѣлушки, еще болѣе выдѣлявшія ея красоту. Она пѣла и танцовала подъ звуки цитры, при чемъ обнаруживался такой избытокъ прелести и беззаботнаго лукавства, что Крымъ-Гирей, наконецъ, не будучи въ силахъ болѣе оставаться въ качествѣ простого зрителя,

съ проклятіями отскочилъ отъ окна. Онъ спѣшно возвращался теперь во дворецъ, поклявшись немедленно же отомстить за представившееся ему зрѣлище.

Онъ далъ волю своей ярости еще дорогою, при провѣркѣ часовыхъ, которыхъ онъ нашелъ заснувшими, съ длинными чубуками въ зубахъ, подлѣ своихъ верблюдовъ. Послѣднихъ онъ вспугивалъ нѣсколькими ударами сабли плашмя, при чемъ они шумно вскакивали и далеко отбрасывали отъ себя прислонившихся къ нимъ сонныхъ солдатъ. Среди возникшей паники раздался лишь громкій хохотъ Крымъ-Гирея, какой только иногда удавалось слышать въ минуты сильнаго его раздраженія, а затѣмъ онъ исчезъ въ темнотѣ по направленію къ дворцу.

Только что возвратившись во дворецъ, ханъ потребовалъ своего брадобрея Мустафу, пользовавшагося исключительнымъ его довѣріемъ въ извѣстныхъ случаяхъ и во время похода, и поручилъ ему немедленно отправиться съ носилками и въ сопровожденіи отряда тѣлохранителей къ жилищу Боскампа, и въ носилкахъ отправить оттуда въ дворцовый гаремъ находящуюся у Боскампа дочь Арманда, насильно и не взирая на какое бы то ни было сопротивленіе. Одновременно же поручалось брадобрею передать представителямъ прусскаго короля, что ханъ, желая утромъ принять ихъ въ аудіенціи, проситъ ихъ явиться для этого во дворецъ.

На утро Гольцъ, Боскампъ и маіоръ Самоги въ назначенный часъ явились во дворецъ и были приняты ханомъ, который оказался въ такомъ настроеніи, что надо было ожидать мало хорошаго. Боскампъ рѣшилъ предупредить начинавшуюся грозу и попросилъ позволенія сначала принести жалобу на то, что во вчерашнюю ночь освященный во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ обычай неприкосновенности жилища былъ нарушенъ насильственнымъ вторженіемъ къ нему вооруженныхъ дворцовыхъ тѣлохранителей. Нанесенное ему оскорбленіе тѣмъ больше, что при этомъ одновременно произведено разбойное похищеніе особы, ему весьма близкой, на которую у него имѣются неоспоримыя права.

Крымъ-Гирей сначала выслушивалъ его молча, но съ такимъ уничтожающимъ взглядомъ, что въ непріятно сверкавшихъ бѣлкахъ его глазъ, казалось, отражались всѣ ужасы принятыхъ имъ рѣшеній.

Но затѣмъ, послѣ продолжительнаго, мучительнаго молчанія, онъ сказалъ: „Это ошибка, если вы здѣсь еще почитаете

себя за уполномоченныхъ моего добраго брата, короля прусскаго. Уже давно я объяснилъ вамъ, что могу смотрѣть на васъ, какъ на гостей или мустафировъ; ибо по части политики и войны мнѣ съ вами не особенно везетъ, господа, и въ Константинополѣ теперь вѣтеръ дуетъ настолько сильно съ французской стороны, что я подвергъ бы себя и мой народъ большой опасности, если бы, вопреки категорическимъ указаніямъ моего повелителя, пожелалъ начать войну. Но какъ моимъ гостямъ, я оказалъ вамъ соотвѣтствующее уваженіе; я поэтому и надѣялся, что вы съ достаточнымъ уваженіемъ будете относиться какъ къ обычаямъ моей страны, такъ и ко мнѣ. Между тѣмъ одинъ изъ васъ, которому я сейчасъ наклоненіемъ головы выражаю свое неодобреніе, насмѣялся надо мной, оскорбилъ меня и даже нарушилъ данное мнѣ слово. Ему я поэтому приказываю еще сегодня, и даже въ этотъ часъ, въ эту минуту, покинуть Кавшаны, и подъ страхомъ смертной казни болѣе не показываться въ моихъ владѣніяхъ!“.

При этихъ словахъ Крымъ-Гирей сдѣлалъ движеніе рукой, показавшееся Боскампу столь угрожающимъ и презрительнымъ, что онъ, пораженный, отказался отъ всякаго дальнѣйшаго сопротивленія.

Не обращая на него болѣе вниманія, ханъ обратился съ предупредительной любезностью къ двумъ другимъ посламъ и просилъ ихъ безбоязненно пользоваться гостепріимствомъ при его дворѣ и на дальнѣйшее время, не принимая происшедшаго случая во вниманіе.

Фонъ-деръ-Гольцъ съ своей стороны объяснилъ, что это становится невозможнымъ, такъ какъ вчера ими получена депеша съ личнымъ приказаніемъ короля Фридриха безотлагательно собраться въ обратный путь.

Когда ханъ услышалъ это, въ обращеніи его съ полной силой проявилось вновь его добродушіе, представлявшее существенную черту его характера.

Подавая имъ руку, онъ объяснилъ имъ, что съ нескрываемымъ сожалѣніемъ разстается съ Гольцемъ и маіоромъ Самоги и утѣшаетъ себя лишь тѣмъ, что они лучше всѣхъ съумѣютъ выразить ихъ великому королю чувства его удивленія и дружбы. Одновременно онъ просилъ Гольца принять отъ него въ подарокъ двухъ черкесскихъ жеребцовъ съ сѣдлами и снаряженіемъ, которыхъ приказалъ тотчасъ же вывести на показъ. Затѣмъ онъ прибавилъ, что до польской границы ихъ будетъ сопровождать охрана.

При этомъ прощаніи Гольцъ былъ чрезвычайно тронутъ, видя неподдѣльное чувство хана.

Отъѣздъ былъ назначенъ на другой же день. Всѣ трое представителей прусскаго короля отправились вмѣстѣ черезъ Яссы до Чернокуца, гдѣ Боскампу предстояло остаться въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій короля. Гольцъ и Самоги направились черезъ Польшу и Силезію на Лейпцигъ, куда и прибыли 15 декабря 1762 года, чтобы лично представить находившемуся тамъ королю свои доклады.

Этимъ заканчивается замѣчательная миссія у крымскаго хана, при помощи которой Фридрихъ Великій, на основаніи смѣло задуманнаго плана, мечталъ связать съ катастрофой на Востокѣ разрѣшеніе европейскихъ событій и уничтоженіе сначала Россіи, а затѣмъ и Австріи.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Борьба съ Россіей.

I.

Мысли султана Мустафы о Польшѣ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ описанныхъ событій и Крымъ-Гирею, воинственному татарскому хану, пришлось испытать на себѣ рѣдкія перемѣны дипломатической интриги.

При константинопольскомъ дворѣ не могли забыть, что Крымъ-Гирей былъ выпесенъ на крымскій тронъ на волнахъ революціи, и непрерывно тамъ выжидали благопріятнаго случая, чтобы избавиться отъ человѣка, во многихъ отношеніяхъ неудобнаго и возбуждавшаго къ себѣ недовѣріе, особенно вслѣдствіе его независимаго характера и свободомыслія.

Предлогомъ къ этому долженъ былъ послужить несчастливый походъ хана противъ черкесовъ. Совершенно неожиданно Порта прекратила выдачу 50000 піастровъ, ежегодно выплачиваемыхъ на содержаніе татарскихъ войскъ, и Крымъ-Гирей, уже предвидѣвшій скрытыя противъ него намѣренія, поднялъ на свою защиту возстаніе во всей странѣ, въ особенности же неспокойное племя ногаевъ.

Ежегодно турецкимъ султаномъ присылался крымскому хану, при особомъ посольствѣ, подтвержденный фирманъ съ обычными подарками.

Въ 1764 году фирманъ былъ присланъ безъ сабли и куньей шубы, безъ обоихъ султановъ и безъ звонкаго подарка въ нѣсколько тысячъ цехиновъ.

По всему было видно, что на этотъ разъ въ фирманѣ заключается не утвержденіе, а отставка хана. Замѣчательно и неожиданно было поведеніе Крымъ-Гирея при этомъ случаѣ.

Если на третій день послѣ того, какъ не оказывалось обычныхъ подарковъ отъ султана, ханъ не собирался къ выѣзду, то этимъ онъ ставилъ себя въ положеніе мятежника. Крымъ-Гирей сдѣлалъ всѣ приготовленія къ возникновенію страшнаго возстанія, и уже воинственные ногайцы толпами спускались съ горъ по направленію къ городу, когда разошлась молва о томъ, что посланный отъ Порты прибылъ, но безъ подарковъ отъ султана.

Когда же насталъ третій день, ханъ появился въ сопровожденіи нѣсколькихъ приближенныхъ, покидая древній ханскій дворецъ и молча раскланиваясь своимъ бывшимъ подданнымъ передъ отъѣздомъ въ изгнаніе въ Румелію. Тамъ находились наслѣдственныя имѣнія Гиреевъ, куда обычно направлялись ханы, впавшіе въ немилость.

Между тѣмъ въ Константинополѣ обстоятельства запутывались такъ, что все болѣе и болѣе между Портой и Россіей предвидѣлась война, которой султанъ Мустафа столь долго сопротивлялся.

Новое избраніе короля въ Польшѣ, постоянно раскидывавшее во всѣ стороны горючій матеріалъ, послѣ смерти короля Августа III вызвало вновь тренія среди перепутанныхъ вліяній Россіи, Пруссіи, Австріи и Франціи, и породило опасную искру, при возникновеніи которой и Порта оказалась не въ силахъ сохранить свое созерцательное спокойствіе.

Въ совѣтѣ султана пришли къ тому справедливому и мудрому заключенію, что всѣ свободы Польши должно поддержать и охранить отъ всякаго вмѣшательства со стороны всѣхъ другихъ государствъ. Избраніе Понятовскаго, геніальнаго и милаго фаворита императрицы Екатерины II, тѣмъ не менѣе произошло подъ защитою русскаго оружія и по совмѣстной политикѣ Россіи съ Пруссіей, поддержанной также Англіей и Даніей; предлогомъ къ ихъ вмѣшательству во внутреннія дѣла Польши послужило въ особенности дѣло диссидентовъ.

Народные и католическіе элементы начали собираться противъ Понятовскаго, который въ качествѣ главы государства дѣйствовалъ въ пользу уравненія правъ диссидентовъ. Во всѣхъ частяхъ государства стали возникать могучія конфедераціи и вызвали гражданскую войну, направленную противъ молодого трона.

Между тѣмъ Россія отправила свои войска, которыя уже перешли польскую границу и ускореннымъ маршемъ направились на Варшаву.

Польскіе патріоты, какъ называла себя возставшая народная партія, думали искать помощи у Порты и составили посланіе, которое, при препроводительномъ письмѣ ихъ вожака, главнокомандующаго Браницкаго, направили къ польскому резиденту Станкевичу для представленія въ Константинополѣ.

Въ убѣдительныхъ выраженіяхъ посланія указывалось, что Польша, лишенная независимости, можетъ подпасть подъ власть Россіи, и что вслѣдствіе этого должны возникнуть обстоятельства, угрожающія и самой Портѣ.

Между тѣмъ Порта, находясь подъ разнообразными вліяніями, долго колебалась, прежде чѣмъ придти къ опредѣленному рѣшенію.

Боскампъ, за это время перешедшій на службу въ Польшу и неожиданно появившійся въ Константинополѣ съ посланіемъ, извѣщавшимъ объ избраніи короля, нашелъ здѣсь для своей дѣятельности, которую онъ проявлялъ въ качествѣ агента Понятовскаго и въ качествѣ орудія русской интриги, даже большій просторъ, чѣмъ ожидалъ.

Между тѣмъ Боскампу не удавалось достигнуть своей истинной цѣли—занять мѣсто посла Польши при Портѣ; этому препятствовали въ Константинополѣ воспоминанія о его дѣятельности въ Крыму, гдѣ онъ, въ качествѣ консула и агента Фридриха Великаго, старался побудить хана Крымъ-Гирея занять независимое отъ Порты положеніе.

Хотя въ совѣтѣ султана и не думали о томъ, чтобы избѣжать явныхъ и скрытыхъ враждебныхъ дѣйствій между Россіей и Турціей, но поводы къ этому пробивались сквозь всю дипломатическую воздержность и оказались болѣе сильными, чѣмъ вся государственная мудрость Турціи. Даже народное суевѣріе, неизвѣстно почему, указывало на то, что предстоитъ великая война съ Россіей, и ее настойчиво предсказывали, когда въ 1767 году, во время большого пожара въ Перѣ, погибъ въ огнѣ и домъ русскаго посольства.

Въ душѣ самого султана Мустафы необходимость войны съ Россіей вкоренялась все сильнѣе, и его мысли настолько близко и прочно стали держаться этого предмета, что уже не покидали его и во снѣ, какъ и на яву, во время разнообразнѣйшихъ разговоровъ, невольно напоминали о себѣ.

Съ недавнихъ поръ султанъ сталъ оказывать большое довѣріе нѣмцу, по фамиліи Гобисъ, поступившему къ нему на службу въ качествѣ лейбъ-медика; ему впервые султанъ открылъ схему своихъ плановъ войны съ Россіей.

Однажды, когда Гобисъ появился въ гаремѣ, гдѣ ему приходилось лѣчить отъ эпилепсіи фаворитку султана, султанъ присѣлъ подлѣ кровати больной и пустился въ продолжительный разговоръ о политическомъ положеніи въ Европѣ.

Онъ объяснилъ врачу, что никого на свѣтѣ ненавидитъ такъ, какъ Россію, и что его ненависть къ этому государству, которое не даетъ свободно дышать всѣмъ другимъ народамъ, лишила его спокойнаго сна. Но мысль о Польшѣ вызываетъ на глаза его слезы, и мечъ въ его ножнахъ со дня на день становится все нетерпѣливѣе. За дѣйствія Россіи, нарушающія миръ съ Польшей, а также за Грузію онъ давно объявилъ бы ей войну, если бы его улемы, подкупленные Россіей, не оказывали ему столь упорнаго противодѣйствія. Между тѣмъ онъ надѣется, что вскорѣ сломитъ это противодѣйствіе, и тогда разсчитываетъ на соглашеніе съ Австріей, которая отказалась отъ всякаго союза съ Россіей; тогда-то онъ отзовется на призывъ Польши о помощи и направитъ всѣ свои силы противъ царя!

Докторъ Гобисъ, находившійся въ тайныхъ сношеніяхъ съ австрійскимъ интернунціемъ Броньяромъ, тотчасъ же извѣстилъ послѣдняго о столь неожиданныхъ откровеніяхъ, предварительно однако разспросивъ о намѣреніяхъ султана карлика Мустафу, въ дѣйствительности перваго султанскаго фаворита, и убѣдившись изъ его отвѣтовъ въ существованіи столь воинственныхъ намѣреній его повелителя.

Къ тому же султанъ распорядился относительно изготовленія нѣсколькихъ сотенъ императорскихъ шатровъ, которые якобы предназначались къ торжествамъ по случаю предстоящаго обрѣзанія наслѣдника престола Селима, между тѣмъ какъ докторъ Гобисъ выяснилъ въ гаремѣ, что объ упомянутой церемоніи разговоры еще весьма далеки, и поэтому заключилъ, что шатры обозначаютъ лишь начало приготовленій къ войнѣ.

II.

Объявленіе Портою войны Россіи.

Дипломатическія сношенія съ Россіей вскорѣ стали запутываться все болѣе и болѣе, и началась скрытая игра въ вопросы и отвѣты, при чемъ Порта въ качествѣ новой причины неудовольствія выставила вступленіе русскихъ войскъ въ Поль-

шу, между тѣмъ какъ русскій резидентъ Обрѣзковъ то никакихъ свѣдѣній не имѣлъ объ этомъ событіи, то разъяснялъ, что вступленіе русскихъ войскъ въ Польшу имѣетъ единственной цѣлью въ дѣлѣ диссидентовъ поддержать ихъ свободу и религіозныя права.

Русская и прусская дипломатія совмѣстно разыграли здѣсь комедію, въ которой, при ловкомъ распредѣленіи ролей, были всякими способами отклонены и подверглись осмѣянію честныя стремленія султана вступиться за Польшу и отстранить руку Россіи, протянутую для завладѣнія ею.

Благородный султанъ Мустафа однако сталъ принимать такое положеніе со дня на день все ближе къ сердцу, и его гнѣвъ усиливался еще вслѣдствіе новыхъ насилій и промаховъ, которые приходилось приписывать интригамъ и почину Россіи.

Къ нимъ отнесены были также бунты, возникшіе среди подданныхъ Молдавіи по подстрекательству русскихъ монаховъ, и возстаніе черногорцевъ, устроенное явно агентами Россіи.

Султанъ теперь уже рѣшился уничтожить послѣднее препятствіе, остававшееся на пути къ объявленію войны Россіи.

Для этого необходимо было отставить отъ службы Мухсинзаде, бывшаго до тѣхъ поръ въ должности великаго визиря; въ день Рикіабъ, когда министры стоятъ у стремени султана, Мухсинзаде неожиданно получилъ отставку.

Этотъ великій визирь, который на послѣднемъ засѣданіи совѣта перешелъ на сторону улемовъ—противниковъ войны, долженъ былъ отправиться въ изгнаніе на Тенедосъ, и въ качествѣ провожатаго въ путешествіи туда ему былъ назначенъ слуга, котораго онъ могъ видѣть около себя не иначе, какъ только со скорбною мыслью о своей смерти, ибо это былъ тотъ самый слуга, который сопровождалъ его предшественника, Бахира Мустафу, въ Митилену и возвратился оттуда съ его головой.

Теперь на должность великаго визиря былъ назначенъ человѣкъ съ рѣшительнымъ и предпріимчивымъ характеромъ, начальникъ города Айдина, Хамза-паша, двадцать пять лѣтъ тому назадъ явившійся въ гаремъ въ видѣ пятнадцатилѣтняго кондитера и начавшій свою карьеру въ качествѣ пажа, а затѣмъ непрерывно переходившій отъ одной почетной должности къ другой.

Послѣ этого снова былъ созванъ совѣтъ, и наконецъ, 4-го октября 1768 года, на немъ была рѣшена война съ Россіей и признана законной, при чемъ, въ числѣ причинъ ея, въ коихъ

указывались и нѣкоторыя нарушенія Россіей территоріальныхъ правъ Турціи, главною считалось нарушеніе правъ Польши вторженіемъ въ ея предѣлы русскихъ войскъ.

Однако предполагалось, что посредствомъ переговоровъ новаго великаго визиря съ русскимъ посланникомъ будетъ сдѣлана послѣдняя попытка склонить Россію къ измѣненію ея политики.

Обрѣзковъ уже нѣсколько ранѣе этого хлопоталъ о назначеніи тайныхъ переговоровъ. Теперь же онъ былъ приглашенъ къ обсужденію нужныхъ вопросовъ при общемъ собраніи министровъ, въ большомъ залѣ дивана.

Русскій посланникъ облекся въ парадную форму, предполагая при этомъ случаѣ кстати выразить свои пожеланія великому визирю, по случаю его вступленія на высокую должность.

Однако его заставили обождать въ пріемной комнатѣ цѣлыхъ полчаса, прежде чѣмъ ввести въ залъ, да и ввели-то безъ всякой торжественности. Его удивленіе возросло еще болѣе, когда онъ увидѣлъ, что великій визирь отнюдь не торопится сдѣлать ему какой-либо знакъ привѣтствія или подняться съ софы, на которой онъ сидѣлъ или скорѣе полулежалъ въ такой позѣ, которую можно бы назвать не только небрежной, но даже неприличной и вызывающей *).

Такое положеніе, которое только въ позднѣйшее время было возмѣщено въ обратномъ отношеніи ставшимъ столь роковымъ пальто князя Меньшикова, повидимому, лишало русскаго посла его хладнокровія. По нѣкоторомъ размышленіи онъ, однако, счелъ за наилучшее сдѣлать видъ, что не замѣчаетъ вызывающаго обращенія великаго визиря, и началъ-было говорить свою заранѣе предположенную рѣчь.

Но только что успѣлъ онъ сказать нѣсколько словъ, какъ великій визирь съ недовольнымъ видомъ прервалъ его рѣчь и далъ ему понять, что уже вполнѣ достаточно тѣхъ словесныхъ и письменныхъ сношеній, какими до сихъ поръ взаимно обмѣнивались Россія и Порта. Послѣ этого великій визирь развернулъ передъ русскимъ посланникомъ документъ; это было письменное обязательство, выданное четыре года тому назадъ Обрѣзковымъ отъ имени русскаго правительства въ томъ, что составъ русскихъ войскъ въ Польшѣ будетъ сокращенъ до семи тысячъ человѣкъ.

*) Сравни: Hammer, Geschichte des osmanischen Reiches. VIII, 314.

Великій визирь хлопнулъ рукою какъ разъ по тому мѣсту документа, на которомъ было написано это число, и съ сильнымъ удареніемъ прибавилъ, что въ настоящее время въ Польшѣ находится уже тридцать тысячъ русскихъ солдатъ!

Обрѣзковъ смущенно замѣтилъ, что можетъ признать лишь двадцать пять тысячъ.

„Итакъ, вы сами признаетесь въ вашемъ вѣроломствѣ!“— съ гнѣвомъ крикнулъ ему въ отвѣтъ великій визирь. „Вы признаетесь, что вы измѣнникъ, клятвопреступникъ! И неужели вы не краснѣете при мысли о тѣхъ ужасахъ, которые чинятъ ваши войска въ странѣ, вамъ не принадлежащей? Можете ли вы найти оправданіе тому, что въ послѣднее время русскіе отряды напали даже на Балту, наслѣдственное имѣніе татарскаго хана, и выжгли ее?“.

Посланникъ растерянно молчалъ.

Послѣ этого великій визирь предложилъ ему выработанныя въ совѣтѣ условія, которыя слѣдовало посланнику подписать отъ имени его правительства; въ противномъ случаѣ война между Портой и Россіею считается рѣшенною безповоротно.

Условія эти касались главнымъ образомъ самостоятельности Польши и содержали обязательства Россіи отнынѣ болѣе не вмѣшиваться ни въ избраніе польскихъ королей, ни въ споры польскихъ религіозныхъ партій, вывести изъ Польши свои войска и оставить неприкосновенными свободу и независимость ея.

Обрѣзковъ объяснилъ, что относительно принятія этихъ условій онъ не можетъ высказаться, такъ какъ для этого не имѣетъ рѣшительно никакихъ полномочій.

Только теперь наконецъ поднялся великій визирь со своего мѣста на софѣ, каковое до сихъ поръ занималъ не измѣняя положенія, и громкимъ голосомъ воскликнулъ: „Такимъ образомъ война со стороны высокой Порты въ эту минуту объявлена Россіи!“.

На это посланникъ спокойно возразилъ: „Россія не желала этой войны; если же она ему объявлена, то Россія принимаетъ вызовъ и будетъ вести эту войну“!

Послѣ этого Обрѣзкова вновь проводили въ пріемную комнату, гдѣ ему приходилось ожидать до окончанія доклада великаго визиря султану о происшедшемъ и выслушать окончательное по этому дѣлу рѣшеніе султана. Ожиданіе продолжалось съ 11 ч. утра до 3 ч. пополудни.

Наконецъ изъ гарема пришелъ отвѣтъ. Заключался онъ прежде всего въ томъ, что появился штабъ-профосъ (Муширъ-ага), чтобы отпустить назначавшуюся состоять при посланникѣ охрану изъ янычаръ, при чемъ онъ объяснилъ, что теперь при посланникѣ начинается его, профосса, служба.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого появились въ пріемной толмачъ-привратникъ и церемоніймейстеръ и объявили русскому резиденту, что согласно приказу султана онъ долженъ быть отведенъ въ семибашенную темницу.

Обрѣзковъ замѣтилъ, что ему не остается больше ничего, какъ подчиниться силѣ. Онъ просилъ лишь позволить ему пользоваться нѣсколькими лицами изъ его свиты. Ему позволено было взять съ собой одного секретаря, двухъ толмачей и семерыхъ слугъ, которые и были отведены съ нимъ въ тюрьму. Его лошади были отосланы въ Перу *).

III.

Крымъ-Гирей въ качествѣ главнокомандующаго противъ Россіи.

Въ этотъ рѣшительный моментъ, когда дѣятельность султана была обращена во всѣ стороны, мысли его какъ бы мгновенно сосредоточились вновь на человѣкѣ, величіе, храбрость и сила воли котораго никогда не оказывались султану болѣе желательными и полезными, какъ теперь, когда султанъ намѣревался начать съ Россіей столь долго ожидавшуюся войну.

То былъ отставленный четыре года тому назадъ отъ службы ханъ татарскій Крымъ-Гирей, одно имя котораго уже было непріятно русскимъ, который за всю свою предшествующую жизнь, какъ нѣкій догматъ, внѣдрилъ въ сердца своихъ воинственныхъ народовъ ненависть къ Россіи.

Черезъ недѣлю послѣ объявленія войны Россіи Крымъ-Гирей получилъ отъ султана изложенное въ самыхъ ласковыхъ выраженіяхъ предложеніе вернуться изъ ссылки и вновь занять ханскій престолъ въ Крыму, послѣ того какъ послѣдній ханъ, поклонникъ поэзіи, Максудъ-Гирей, былъ принужденъ отправиться на покой на свой фундуклійскій хуторъ,

*) Сравни: Hammer, Geschichte des osmanischen Reiches. VIII, 315.

Крымъ-Гирей, дотолѣ въ уединеніи предававшійся своимъ любимымъ занятіямъ, поспѣшилъ возвратиться на арену жизни, дававшей ему возможность прославиться. Сначала онъ появился въ Константинополѣ, куда его призывалъ къ себѣ султанъ для того, чтобы съ нимъ въ интимной бесѣдѣ обсудить планъ дѣйствій противъ Россіи и воспользоваться его содѣйствіемъ при установленіи первыхъ военныхъ мѣропріятій.

Посолъ султана, доставившій великому ненавистнику русскихъ саблю и поясъ, лукъ и колчанъ, колпакъ и султанъ и самаго лучшаго коня, какъ знаки его утвержденія, передалъ ему также бумажникъ съ сорока тысячами дукатовъ, которые, повидимому, особенно способствовали появленію у Крымъ-Гирея хорошаго расположенія духа.

Едва только Крымъ-Гирей прибылъ въ константинопольскій сераль, онъ увидѣлъ, что къ его торжественному пріему на колахъ красовалось сорокъ головъ черногорскихъ воиновъ, которые только что были привезены и представляли собою отбитые у русскихъ трофеи.

Первое постановленіе, къ которому султанъ пришелъ въ совѣщаніи съ ханомъ, состояло въ томъ, что Крымъ-Гирей назначается главнокомандующимъ и предпринимаетъ большой походъ съ цѣлью совершеннаго разоренія и опустошенія Новой Сербіи.

Ханъ съ одушевленіемъ объяснялъ, что для этого нельзя терять времени, и просилъ, чтобы султанъ разрѣшилъ ему, вмѣсто того, чтобы сначала отправиться въ Крымъ для торжественнаго вторичнаго вступленія на престолъ, немедленно поспѣшить въ Бендеры и тамъ созвать войска, предназначенныя для губительнаго вторженія въ русскія владѣнія.

Расположенный вблизи Бендеръ, принадлежавшій Крымъ-Гирею дворецъ въ Кавшанахъ, въ Бессарабіи, былъ избранъ въ качествѣ центра, изъ котораго должно было начаться движеніе и куда сначала должны были направляться со всѣхъ сторонъ всѣ боевыя силы и средства.

Крымъ-Гирей быстро собралъ достаточную и соотвѣтствующую его новому положенію свиту и спѣшно отправился въ Бессарабію.

Уже во время пути восторженные крики его подданныхъ доказывали, насколько воодушевляющее и воспламеняющее дѣйствіе произвело его появленіе, и какое невѣроятное движеніе вызвалъ его призывъ къ бою съ Россіей, неоднократно обращенный имъ лично къ толпѣ.

Молва о возвращеніи Крымъ-Гирея къ власти обратила на себя въ высокой степени вниманіе также и дипломатическихъ представителей различныхъ странъ, въ особенности же Франціи, которые стали проявлять усиленную дѣятельность, съ цѣлью обезпечить себѣ вліяніе у хана и раздуть пламя войны съ Россіей до такой силы, какая только была возможна.

Въ этихъ видахъ состоявшій при французскомъ посольствѣ въ Константинополѣ баронъ Тоттъ, находившійся въ послѣднее время въ Бахчисараѣ, услышавъ, что Крымъ-Гирей въ качествѣ сборнаго пункта избралъ Бессарабію, послалъ ему курьера съ привѣтствіемъ и самъ направился туда.

Черезъ этого же курьера поручено было узнать, можно ли будетъ отправиться до Дуная, на встрѣчу хану, чтобы привѣтствовать его и выразить ему добрыя пожеланія Франціи.

Крымъ-Гирей принялъ курьера весьма милостиво, однако тотчасъ же отправилъ его обратно съ отвѣтомъ, что онъ, прося барона Тотта принять увѣреніе въ его благорасположеніи, освобождаетъ его отъ церемоніи встрѣчи. Тѣмъ не менѣе онъ былъ бы очень радъ, по своемъ прибытіи, увидѣть барона въ своей свитѣ, такъ какъ придаетъ особое значеніе выраженнымъ ему дружественнымъ чувствамъ Франціи и, какъ извѣстно, давно уже принадлежитъ къ числу почитателей французской націи и ея удивительнаго ума. Но онъ къ тому же не меньшій поклонникъ и французской кухни, и поэтому проситъ французскаго уполномоченнаго озаботиться относительно ужина въ кавшанскомъ дворцѣ, въ день прибытія туда хана. Ему отнюдь не желательно обременять барона особенными хлопотами, прибавилъ онъ съ улыбкой. Онъ особенно хотѣлъ бы рыбы, которую онъ очень любитъ, но которую его повара никогда не приготовляютъ достаточно хорошо. Онъ съ удовольствіемъ отвѣдалъ бы и хорошаго французскаго соусу; французы умѣютъ вѣдь готовить соусы лучше всѣхъ на свѣтѣ. Французы— народъ горчицы и соуса. Они не только умѣютъ подать ко всему свою горчицу, но и умѣютъ ко всему приготовить соусъ и тѣмъ придать превосходный вкусъ разнообразнѣйшимъ вещамъ.

Со своей многочисленной и блестящей свитой, которая возрастала по мѣрѣ присоединенія къ ней высшихъ представителей отъ попутныхъ городовъ и мѣстечекъ, ханъ прибылъ, наконецъ, къ воротамъ Кавшанъ, гдѣ были сдѣланы приготовленія къ самой торжественной его встрѣчѣ.

Здѣсь ханъ сошелъ съ коня, чтобы на минутку войти въ раскинутую тутъ палатку, въ которой онъ могъ бы перемѣнить

костюмъ. Черезъ короткое время онъ вышелъ изъ нея, съ надѣтою на головѣ татарской шапкой, украшенной двумя султанами, на которыхъ сверкали алмазы. Вооруженный лукомъ и колчаномъ, съ торжественной осанкой двинулся онъ пѣшкомъ къ своему дворцу.

Впереди шли его тѣлохранители въ роскошныхъ праздничныхъ костюмахъ; тутъ же вели нѣкоторое число наилучшихъ его верховыхъ коней, головы которыхъ были также украшены султанами изъ перьевъ.

Непосредственно позади хана несли знамя пророка, а затѣмъ слѣдовали всѣ придворные хана, въ праздничныхъ одѣяніяхъ, сверкавшихъ золотомъ и серебромъ *).

Когда во главѣ этого торжественнаго шествія Крымъ-Гирей достигъ своего дворца, онъ прошелъ въ залу засѣданій, поднялся на тронъ и сталъ принимать поздравленія всѣхъ высшихъ представителей, подходившихъ къ нему для этого поочередно.

Эта церемонія, при которой произносилось много рѣчей, продолжалась до времени, назначеннаго для ужина, котораго ханъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ, такъ что замѣтно сталъ сокращать всѣ формальности при церемоніи.

За столомъ замѣтно было соревнованіе между французской и татарской кухнями, на которое вызвалъ самъ ханъ.

Поваръ французскаго агента, барона Тотта, хотя и получилъ предпочтительное порученіе приготовить ужинъ, тѣмъ не менѣе ханскіе повара, почувствовавъ опасность при такой конкуренціи, стали просить позволенія отличиться при этомъ исключительномъ случаѣ. Такимъ образомъ завязалась борьба, въ которой одно произведеніе кулинарнаго искусства противоставлялось другому, окончательная же побѣда французской кухни въ глазахъ хана все время была внѣ сомнѣній. Баронъ Тоттъ, который представился хану еще у городскихъ воротъ и встрѣтилъ наилучшій пріемъ среди его окружающихъ, сидѣлъ за столомъ рядомъ съ ханомъ и своимъ живымъ разговоромъ, пробуждавшимъ любознательность хана, вскорѣ вполнѣ завладѣлъ его вниманіемъ. Во время ужина остроумному французу приходилось направлять вниманіе хана также и на подаваемыя произведенія французскаго кулинарнаго искусства, въ числѣ которыхъ крупная днѣстровская рыба, приготовленная на пре-

*) Сравни: Mémoires du Baron de Tott sur les Turcs et les Tatares. I. 237.

восходномъ винѣ, а также нѣкоторыя блюда изъ зелени были оцѣнены ханомъ по достоинству. Однако высшею степенью искусства Крымъ-Гирей нашелъ французскіе соусы на винѣ, и со своей юмористической манерой толковалъ, что тайна цивилизаціи на самомъ дѣлѣ заключается въ соусѣ. Тѣмъ не менѣе, прибавилъ онъ многозначительно, съ Россіей, пожалуй лучше будетъ драться острымъ татарскимъ мечемъ, нежели французскимъ соусомъ!

По окончаніи обѣда артистами Крымъ-Гирея, которые обязательно сопровождали его даже въ походахъ, была поставлена новая татарская комедія, основанная на смѣшныхъ положеніяхъ и запутанныхъ приключеніяхъ.

Французскій дипломатъ, столь рѣшительно завладѣвшій расположеніемъ хана, долженъ былъ и на этомъ представленіи сидѣть рядомъ съ ханомъ и отвѣчать на его непрерывные вопросы о французскомъ театрѣ, въ особенности же о произведеніяхъ Мольера, о которыхъ ему приходилось много слышать.

То, что при этомъ говорилъ баронъ Тоттъ о правилахъ драматическаго искусства, о законахъ приличія и вѣроятности, съ которыми считались на французскомъ театрѣ, повидимому сейчасъ же внушало умному хану все большее неуваженіе къ еще весьма дикимъ зрѣлищамъ у турокъ.

Однако во время этого разговора Крымъ-Гирей показалъ, что нѣкоторыя комедіи Мольера хорошо ему извѣстны какъ по сюжету, такъ и по искусству ихъ обработки. Особенно зналъ онъ о Тартюфѣ, личностью котораго много занимался. Онъ высказалъ замѣчаніе, что въ каждой странѣ имѣются свои Тартюфы, и, вѣроятно, въ татарскихъ странахъ имѣются свои, поэтому ему доставило бы особенное удовольствіе, если бы баронъ Тоттъ заказалъ для него переводъ этой превосходной комедіи *).

Уже на слѣдующій день было приступлено къ приготовленіямъ къ новому походу. Со всѣхъ сторонъ съѣзжались послы, придворные, должностныя лица, и дворецъ въ Кавшанахъ, казалось, былъ переполненъ пріѣзжими, которые черезъ короткое время частью вновь разъѣзжались, въ качествѣ пословъ и уполномоченныхъ исполняя распоряженія хана.

---

*) О переводѣ Мольеровскаго Тартюфа на татарскій или турецкій языкъ баронъ Тоттъ доносилъ въ Парижъ, и Руффину, секретарю и переводчику Людовика XV; дѣйствительно эта работа была поручена, но не была исполнена. Ср. Memoires du Baron de Tott. II, 116.

Отъ польской конфедераціи также былъ присланъ въ Кавшаны посолъ, чтобы выразить хану особыя пожеланія по случаю выступленія его въ походъ, который, имѣя цѣлью опустошительное вторженіе въ Новую Сербію, легко могъ коснуться и польской Украйны, и поэтому вызвалъ необходимость установленія нѣкоторыхъ предварительныхъ соглашеній.

Но такъ какъ полномочія польскаго делегата были признаны недостаточными, время же для выступленія не терпѣло, поэтому на барона Тотта, какъ знакъ особаго довѣрія Крымъ-Гирея, было возложено порученіе отправиться въ Хотинъ и отъ имени хана договориться съ прибывшими туда начальниками польской конфедераціи.

Послѣ того какъ баронъ Тоттъ, исполнивъ порученіе къ полному удовольствію хана, возвратился, Крымъ-Гирей спросилъ его, можетъ ли онъ разсчитывать, что Тоттъ будетъ сопровождать его въ предстоящемъ походѣ? Тоттъ отвѣтилъ, что выбора у него въ этомъ случаѣ нѣтъ, потому что, имѣя честь состоять при особѣ хана отъ имени французскаго короля, онъ это обстоятельство считаетъ возлагающимъ на него обязанность никогда не отлучаться отъ особы хана.

Крымъ-Гирей выслушалъ это объясненіе своего новаго любимца съ искреннимъ удовольствіемъ, и сказалъ: „Превосходно! Однако то званіе, въ которомъ вы состоите при мнѣ, налагаетъ и на меня не меньшую обязанность позаботиться о томъ, чтобы вы благополучно отправились въ походъ и благополучно вернулись бы изъ него обратно. На походѣ намъ предстоитъ переносить ужасный холодъ, и мнѣ уже становится холодно, видя васъ въ вашемъ легкомъ французскомъ одѣяніи. Вамъ слѣдуетъ одѣваться по-татарски, другъ мой, и объ этомъ необходимо позаботиться скорѣе, потому что время дорого, и не далѣе, какъ черезъ недѣлю, начнется выступленіе всѣхъ нашихъ войскъ. Скажу вамъ, армія будетъ огромная. Вы пойдете со мною; я же во главѣ стотысячной арміи вступлю прямо въ Новую Сербію. Двѣ другія арміи, въ сорокъ и въ шестьдесятъ тысячъ, должны одновременно продвинуться одна—къ малому Дону (Донцу?), другая—по лѣвому берегу Борисѳена (Днѣпра) черезъ Орель. Не правда ли, это будетъ хорошимъ началомъ для того, чтобы показать русскимъ, что ихъ старый врагъ Крымъ-Гирей еще живъ и здоровъ?“.

Въ это время вошелъ церемоніймейстеръ съ двумя камеръ-пажами, принесшими дорогую лапландскую шубу изъ свѣтлаго волчьяго мѣха, отороченную бѣличьимъ мѣхомъ.

Ханъ приказалъ барону Тотту надѣть эту шубу въ его присутствіи, и когда это было исполнено, онъ отъ удовольствія захлопалъ въ ладоши и воскликнулъ: „Посмотрите, вѣдь это — татарское жилище, которое я отдаю вамъ для жилья, и желаю, чтобы вы въ немъ чувствовали себя хорошо. У меня совершенно подобная вещь, и въ такомъ обмундированіи, которое я придумалъ для насъ, мы будемъ добрыми товарищами. Теперь мы еще закажемъ для васъ татарскую одежду, и, сверхъ того, я пришлю вамъ десять черкесскихъ коней и три верблюда для вашей надобности; ибо вашихъ чудныхъ арабскихъ жеребцовъ, которыми я восхищался, не слѣдуетъ брать въ столь тяжелый походъ!“.

IV.

Походъ въ Новую Сербію.

Съ обычной веселой улыбкой на лицѣ, какъ бы играя, ханъ тѣмъ не менѣе, почти незамѣтно, съ безпримѣрной быстротой окончилъ начатыя имъ приготовленія по снаряженію въ походъ.

7 января 1769 года выступилъ онъ со своей гвардіей, нѣсколькими султанами, принявшими на себя командованіе подъ его начальствомъ, со всѣми своими министрами, оберъ-офицерами и со многими мурзами, добровольно явившимися для участія въ походѣ; армія двигалась къ Днѣстру.

По пути въ различныхъ мѣстахъ примыкали къ ней отдѣльные отряды, предназначавшіеся на службу подъ знаменами хана. Далѣе уже армія двигалась форсированнымъ маршемъ, то затруднявшимся обильно выпавшимъ снѣгомъ, то облегчавшимся и сокращавшимся переходомъ черезъ окончательно замерзшія рѣки, если онѣ представляли достаточно прочный покровъ.

Въ расположенномъ на польской границѣ городкѣ Балтѣ, уже испытавшемъ первый ударъ со стороны русскихъ, Крымъ-Гирей засталъ отрядъ спаговъ въ десять тысячъ человѣкъ, предназначенный Портою къ присоединенію на этотъ походъ къ татарской арміи и шедшій до сихъ поръ на встрѣчу хана.

Это обстоятельство вмѣстѣ съ тѣмъ было причиною и первой досады Крымъ-Гирея; этотъ родъ турецкой кавалеріи, какъ

онъ замѣтилъ, представлялъ собою плохо дисциплинированную толпу, ослабленную продолжительнымъ миромъ, плохо одѣтую и мало приспособленную къ сопротивленію морозу и трудностямъ похода, такъ что и на храбрость и поддержку этихъ людей въ бою трудно было разсчитывать. Помимо того, не только городокъ Балта, въ которомъ они пробыли всего лишь нѣсколько дней, былъ ими почти опустошенъ, но и всѣ окрестныя деревни и мѣстечки во время прибытія Крымъ-Гирея представляли собою пожарища, будучи сначала разграблены ими, а затѣмъ подожжены.

При ужасно усилившейся стужѣ армія хана продолжала свое движеніе къ Бугу и, перейдя его ледяной покровъ, сдѣлала первый продолжительный привалъ въ запорожскихъ степяхъ.

До сихъ поръ ханъ обыкновенно былъ на походѣ въ хорошемъ расположеніи духа; но иногда на него нападала хандра, и въ мрачномъ настроеніи, какъ бы предчувствуя недоброе, онъ молча вперялъ свой неподвижный взглядъ въ сумрачную даль.

Въ такихъ случаяхъ, казалось, единственнымъ отвлекающимъ средствомъ являлся оживленный разговоръ съ барономъ Тоттомъ, который никогда не смѣлъ удаляться далеко отъ хана и только и могъ, въ такіе неудачные періоды времени, возвращать хану обычное беззаботное расположеніе духа. Крымъ-Гирей, любившій разбираться въ вопросахъ философіи и весьма остроумно спорить о разнообразныхъ, часто совершенно отвлеченныхъ предметахъ, въ бесѣдѣ съ находчивымъ и изобрѣтательнымъ французомъ старался найти успокоеніе.

Среди невообразимаго лагернаго шума онъ иногда возбуждалъ вопросы по общимъ понятіямъ, о свободѣ и чести, о законодательствѣ и основахъ управленія, въ особенности же часто пускался въ разсужденія на свою любимую тему—о вліяніи климата на характеръ и нравы.

Поэтому шатеръ барона Тотта долженъ былъ ставиться непосредственно рядомъ съ ханскимъ шатромъ, обитымъ внутри красной матеріей и обыкновенно настолько помѣстительнымъ и комфортабельно обставленнымъ, что вокругъ разложеннаго въ немъ огня могло расположиться довольно многочисленное общество.

Обыкновенно же ханъ оставался наединѣ съ барономъ Тоттомъ, которому приходилось проводить съ нимъ время до полуночи, а иногда и долѣе, такъ какъ Крымъ-Гирей обыкновенно

спалъ ночью только всего три часа, и частенько, даже удалившись уже на покой, неожиданно чувствовалъ потребность поговорить, и барону приходилось наскоро возвращаться къ хану.

Въ подобныхъ случаяхъ они усаживались одинъ противъ другого, закутанные въ свои шубы, на мягкихъ тахтахъ, въ то время какъ двое пажей непрерывно старались поддерживать огонь, при всемъ ихъ стараніи едва достаточный для того, чтобы не чувствовать ужасной стужи.

Между тѣмъ армія Крымъ-Гирея непрерывно двигалась на сѣверъ, съ цѣлью вступить въ Новую Сербію и начать опустошительное нападеніе на русскія владѣнія и русскихъ подданныхъ.

Возвышенность, господствовавшая надъ всей равниной, навела хана на мысль устроить отсюда смотръ своей арміи. Онъ приказалъ остановить полки и, расположивъ ихъ въ боевомъ порядкѣ, поднялся со своей ближайшей свитой на возвышенность.

Темныя одежды татаръ представляли чудный контрастъ на бѣломъ фонѣ снѣговыхъ массъ, при чемъ ясно выдѣлялись всѣ подробности картины.

Безъ какого бы то ни было опредѣленнаго сигнала, какъ бы сама собой, вся армія разбилась на двадцать отдѣльныхъ колоннъ, выровнявшихся достаточно чисто. Отдѣльныя, составлявшія ихъ части отличались между собою развѣвавшимися надъ ними значками. Каждый султанъ-сераскиръ, во главѣ своего отряда, окруженный небольшой свитой, представлялъ отдѣльную живописную группу. Въ центрѣ всей линіи находилась избранная колонна, подчиненная непосредственно хану и представлявшая теперь, въ своемъ, отличномъ отъ другихъ, блестящемъ боевомъ вооруженіи, живописный и въ то же время воинственный видъ. Сорокъ эскадроновъ конницы, состоявшіе каждый изъ сорока всадниковъ, построившись въ двѣ колонны, при чемъ въ каждой было по четыре всадника въ ряду, двинулись впередъ съ развѣвавшимися надъ ними пестрыми значками. Непосредственно позади ихъ показался оберъ-шталмейстеръ хана, за которымъ вели двѣнадцать верховыхъ коней и слѣдовали открытыя сани; затѣмъ находился довольно многочисленный отрядъ конницы, обыкновенно окружавшій хана.

Послѣ этого показалось знамя пророка, торжественно поддерживаемое эмиромъ. Почти рядомъ съ нимъ развѣвались значки слѣдовавшихъ за нимъ Игнацъ-казаковъ, присоединенныхъ къ ханской охранѣ или гвардіи и замыкавшихъ шествіе.

Съ видимымъ удовольствіемъ ханъ окончилъ смотръ и, въ заключеніе, обращаясь къ окружающимъ его султанамъ и придворнымъ, съ улыбкой спросилъ, удалось ли имъ на только что произведенномъ смотру высмотрѣть храбрѣйшаго изъ всей арміи.

Когда же всѣ съ удивленіемъ молчали, Крымъ-Гирей со свойственной ему улыбкой отвѣтилъ: „храбрѣйшій изъ всѣхъ — ни я, ни вы, ни даже какой-либо изъ воиновъ, вооруженныхъ отъ головы до ногъ. Храбрѣйшій среди насъ—нашъ баронъ Тоттъ, рѣшившійся идти на войну безъ оружія и не имѣющій при себѣ хотя бы ножа, чтобы имѣть возможность поразить русскаго. Вся суть во французской любезности, которая однимъ своимъ появленіемъ побѣждаетъ все!“.

При этихъ словахъ Крымъ-Гирей разсмѣялся не то весело, не то вызывающе, что обыкновенно въ его характерѣ выказывало странное смѣшеніе добродушія и ироніи. Послѣ этого онъ отдалъ приказаніе вновь двинуться всей арміи далѣе, чтобы до наступленія ночи еще достигнуть запорожской равнины.

Это шествіе часто напоминало какую-то веселую авантюру, однако вскорѣ же обнаружившую весь скрывавшійся за нею ужасный фонъ. Какъ всѣ полководцы, ханъ съ величайшей беззаботностью, при неизмѣнно веселомъ настроеніи, шелъ на встрѣчу опасности, которая уже сама собою возникала при вступленіи въ совершенно незнакомую страну. Такъ, однажды утромъ замѣтили, что, когда собирались снимать шатры для дальнѣйшаго слѣдованія, вся армія оказалась расположившеюся на ночлегъ на ледяной поверхности озера, при чемъ не особенно прочный покровъ этотъ при болѣе продолжительномъ пребываніи на немъ могъ бы поглотить всю армію. Между шатрами оказались даже значительныя проруби, устроенныя ближними жителями для того, чтобы брать воду, но незамѣченныя вечеромъ утомленными татарами. Однако это открытіе сопровождалось лишь всеобщимъ хохотомъ, начиная съ хана и кончая послѣднимъ его обознымъ.

Такое веселое настроеніе не было нарушено даже при появленіи нѣсколькихъ турецкихъ солдатъ, которые, давно понявъ, что имъ далѣе не подъ силу безпрерывныя трудности этого похода, въ отчаяніи, совершенно для всѣхъ неожиданно стали бросаться въ эти проруби, чтобы покончить съ собой. Это случилось даже на глазахъ у хана, который слѣдилъ за происходившимъ съ величайшимъ спокойствіемъ и даже запретилъ мѣшать имъ.

„Уважайте независимость того, кто хочетъ умереть!“ сказалъ онъ глубокомысленно. „Человѣкъ, желающій подвергнуть себя смерти, знаетъ того, кто можетъ ему помочь, лучше всѣхъ, и цари уже не имѣютъ власти надъ нимъ. Предоставимъ же имъ свободу дѣйствій!“

Послѣ этого онъ отдалъ приказъ о выступленіи, и при возобновившемся громкомъ хохотѣ всей массы вся армія вновь двинулась въ путь. Вскорѣ послышались низкія ноты татарскихъ пѣсенъ, и казалось, что вся движущаяся масса войскъ великаго хана состоитъ изъ шумнаго веселья. Такимъ образомъ путь продолжался непрерывно въ направленіи къ сѣверу, къ берегамъ Ингула, истоки котораго находятся на сѣверо-западъ отъ Елисаветграда и который изливается въ Черное море.

Только здѣсь былъ окончательно установленъ планъ военныхъ дѣйствій. Треть всей арміи подъ начальствомъ одного султана и нѣсколькихъ мурзъ была отряжена для немедленнаго перехода черезъ рѣку съ цѣлью вторженія въ Новую Сербію нѣсколькими отдѣльными отрядами. Заданіе этого корпуса заключалось исключительно въ томъ, чтобы сжечь всѣ села и деревни, уничтожить накопленные запасы хлѣба и взять въ плѣнъ жителей, захвативъ ихъ стада и имущество.

Этотъ корпусъ уже къ полуночи приготовился къ переходу черезъ Ингулъ. Къ вечеру страннымъ образомъ какъ-то вдругъ стало теплѣе, и явилось опасеніе наступленія оттепели. Уже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на льду рѣки стала показываться вода, и, повидимому, для перехода всей арміи надо было торопиться. Татары, наиболѣе привычные къ подобнаго рода походамъ, совершили переходъ съ величайшей легкостью. Держась одинъ отъ другого на извѣстномъ разстояніи, они легкой рысцой какъ бы скользили по ледяной поверхности и счастливо достигли противоположнаго берега.

Однако спаги на такую ловкость оказывались неспособны. Эта турецкая конница, поддаваясь обуявшему ее страху, сбивалась въ плотныя массы и старалась подаваться впередъ медленно и твердо ступая. Трескъ льда подъ ногами усиливалъ страхъ, всадники ежеминутно останавливались, и за такую медлительность почти всѣ они должны были заплатить жизнью. Одинъ за другимъ исчезалъ въ болѣе и болѣе расширявшихся полыньяхъ, и вскорѣ большая часть этой турецкой конницы погибла на глазахъ у остальныхъ.

На другомъ берегу рѣки сдѣлали привалъ, чтобы утомленнымъ людямъ дать отдыхъ. Оказалось, что изъ шеститысячнаго

турецкаго отряда конницы, выступившаго въ походъ подъ знаменами Крымъ-Гирея, пережили опасность только немногіе. Нѣкоторые изъ оставшихся въ живыхъ спаговъ съ громкими воплями оплакивали ужасную судьбу ихъ погибшихъ товарищей. Изъ этихъ послѣднихъ особенно вспоминали объ одномъ, который нашелъ погибель на днѣ Ингула, имѣя при себѣ значительную сумму денегъ, предназначавшуюся для того, чтобы составить счастье оставшагося въ живыхъ сына.

Одинъ изъ храбрыхъ Игнацъ-казаковъ, во всякое время готовыхъ къ какимъ-либо предпріятіямъ, только что услышалъ объ этомъ, какъ уже и предложилъ извлечь со дна Ингула кошелекъ, всего за два цехина. Его предложеніе было принято съ восторгомъ, и храбрый сынъ Кубани раздѣлся, между тѣмъ какъ ему точно указали полынью, въ которой погибъ товарищъ съ тяжелой мошной. Казакъ нырнулъ и оставался подъ водою такъ долго, что зрители стали уже безпокоиться за его участь. Черезъ нѣсколько минутъ онъ однако появился на поверхности, съ торжествующимъ видомъ поднимая надъ головою сокровище, отнятое имъ у бездны. Этотъ поступокъ ободрилъ товарищей погибшаго, и они стали выражать сожалѣніе о прекрасныхъ пистолетахъ съ серебряной насѣчкой, торчавшихъ за поясомъ погибшаго спага. Безстрашный казакъ тотчасъ же выразилъ готовность отправиться вторично на дно рѣки, не повышая ранѣе выговоренной платы. Вскорѣ онъ опять появился и съ обоими пистолетами, съ улыбкой получилъ свои два цехина, одѣлся въ свое платье и бѣгомъ помчался къ своему полку *).

V.

Походныя приключенія.

Въ то время какъ отрядъ, предназначенный для опустошенія русскихъ владѣній, подавался впередъ усиленными переходами, Крымъ-Гирей съ оставшимися подъ его начальствомъ частями слѣдовалъ за нимъ не спѣша. Путеводителемъ служило ему зарево пожаровъ, возникавшихъ вдали во всѣхъ направленіяхъ и свидѣтельствовавшихъ объ удачныхъ дѣйствіяхъ передового отряда.

*) Tott. Memoires sur les Turcs et les Tatares. I. 265. Lagorio. Abrégé historique des révolutions de la Tauride. 152.

Казалось, что среди пламени, вскорѣ охватившаго весь горизонтъ, несутся вопли и стоны страданій народа, погибающаго почти безъ сопротивленія, пока дымъ не поднялся такимъ могучимъ столбомъ, что небо и земля покрылись непроницаемой пеленой и казалось, что онъ совершенно заглушилъ отдаленный крикъ отчаянія народной толпы.

Въ то время какъ орды Крымъ-Гирея устраивали эти убійственные пожары и предоставляли пламени работать за себя, съ другой стороны морозъ дѣйствовалъ не менѣе разрушительно въ ихъ собственныхъ рядахъ. За короткое время морозъ сталъ настолько невыносимъ, что у Крымъ-Гиреевыхъ людей кровь пошла носомъ, и отъ дыханія на бородѣ и усахъ наростали такія тяжеловѣсныя ледяныя сосульки, что причиняли невыносимыя страданія.

Турецкія вспомогательныя войска, которыя Крымъ-Гиреемъ были признаны совершенно непригодными для боя, были настолько пришиблены стужей, что многіе отказывались отъ дальнѣйшаго похода, и большая часть осталась погребенной среди льда и снѣга.

Крымъ-Гирей, страдавшій при видѣ страны, погибающей въ пламени пожаровъ, съ возрастающей день ото дня злобой слѣдилъ за гибелью турокъ, и при всякомъ удобномъ случаѣ срывалъ на нихъ свою досаду.

Особенно же возмущался онъ ихъ обычаемъ отрубать своимъ плѣннымъ головы и преподносить ихъ ему въ качествѣ трофеевъ, сопровождая подношеніе напыщенными благопожеланіями.

Въ свою очередь ловкость и простодушіе татаръ иногда вызывали веселыя зрѣлища. Особенно любопытно было наблюдать, насколько легко и просто они обращались со своей добычей и транспортированіемъ своихъ плѣнныхъ.

Достаточно было одного человѣка для того, чтобы сопровождать пятерыхъ или шестерыхъ плѣнныхъ всякаго возраста, отъ пятидесяти до шестидесяти барановъ и десятка два быковъ, притомъ вполнѣ спокойно и въ порядкѣ. Изъ мѣшка, подвѣшеннаго у сѣдла, торчатъ головы ребятъ. Впереди татарина сидитъ плѣнная дѣвушка, и онъ поддерживаетъ ее лѣвой рукой, Позади него помѣщается ея мать. Отецъ сидитъ на одной запасной лошади, сынъ на другой. Быки и бараны шествуютъ впереди, и вся группа подвигается впередъ спокойно и въ полномъ порядкѣ подъ зоркимъ и внимательнымъ наблюденіемъ татарина. Собрать то, что начинаетъ разсѣиваться, во всякое

время дать почувствовать энергичное руководительство, заботиться о томъ, чтобы плѣнные не нуждались въ необходимомъ и чувствовали себя возможно лучше, если бы приходилось даже обойти каждаго изъ нихъ, сойдя для этого съ коня; утѣшить унывающихъ и поддержать утомленныхъ, и при всемъ этомъ оставаться въ центрѣ въ качествѣ повелителя и стража,—все это сплошь и рядомъ представлялось дѣломъ одного мгновенія и совершалось съ изумительной быстротой и притомъ до крайности простодушно.

Между тѣмъ стужа вновь усилилась до такой степени, что войску Крымъ-Гирея вторично приходилось выносить неимовѣрныя страданія, и продолженіе похода казалось почти невозможнымъ. Когда войска были уже по близости укрѣпленія Св. Елисаветы съ сильнымъ гарнизономъ, всѣ заботы были направлены лишь къ тому, чтобы во время ночной вылазки изъ крѣпости все утомленное войско не подверглось уничтоженію. Во избѣжаніе такого случая, Крымъ-Гирей обратился къ военной хитрости, распорядившись черезъ мурзъ составить отборный отрядъ въ триста наѣздниковъ, которые съ заходомъ солнца приблизились къ крѣпости съ такимъ видомъ, какъ будто бы, при поддержкѣ всей находившейся позади ихъ арміи, предполагали открыть наступленіе на крѣпость. Вся эта демонстрація была произведена настолько искусно, что гарнизону не оставалось ничего болѣе, какъ принять всѣ необходимыя мѣры къ всесторонней оборонѣ крѣпости. Неожиданное появленіе непріятеля вызвало въ крѣпости столь сильное замѣшательство, что ханская конница даже осмѣлилась проникнуть въ предмѣстья, между тѣмъ какъ вся армія могла отдохнуть и послѣ усиленныхъ за послѣдніе дни трудовъ привести себя въ порядокъ.

Однажды, когда Крымъ-Гирей со своимъ войскомъ подошелъ къ границѣ Польской Украйны, онъ былъ верхомъ, въ обществѣ барона Тотта, и отдавалъ распоряженія относительно наступленія на деревню Красниковъ, жители которой при содѣйствіи нѣсколькихъ сотенъ солдатъ построили редутъ и рѣшили оказывать упорное сопротивленіе.

Крымъ-Гирей предполагалъ оставшимся въ живыхъ спагамъ доставить удобный случай отличиться безъ особаго труда, и приказалъ собрать ихъ къ наступленію; но только что они сдѣлали по нѣскольку выстрѣловъ изъ своихъ ружей, какъ тотчасъ же отступили и укрылись въ сосѣднемъ лѣсу.

Въ то же мгновеніе выдѣлился отрядъ Игнацъ-казаковъ, державшихся вблизи хана, и сталъ просить разрѣшенія хана продолжать наступленіе. Когда разрѣшеніе имъ было дано, они съ быстротой молніи соскочили съ коней и бросились на редутъ, который взяли въ короткое время, выведя изъ строя около сорока человѣкъ его защитниковъ и потерявъ со своей стороны отъ восьми до десяти человѣкъ убитыми *).

Ханъ уже собирался вмѣстѣ съ барономъ Тоттомъ направиться верхомъ въ деревню, и только съ возмущеніемъ выражалъ свое неудовольствіе по поводу недостойнаго поведенія турецкихъ солдатъ, какъ увидѣлъ турка изъ поколѣнія эмировъ, который спѣшно приближался къ нему пѣшкомъ и несъ въ рукѣ отрубленную голову.

„Вы видите этого негодяя?“ съ досадой обратился ханъ къ барону. „Онъ хочетъ испортить мнѣ аппетитъ къ ужину. Однако посмотрите внимательнѣе, какъ онъ въ то же время труситъ и еле рѣшается прикоснуться къ головѣ, которую только что отрубилъ!“.

Эмиръ приблизился теперь къ хану и съ торжественнымъ жестомъ бросилъ голову къ ногамъ его лошади, въ то же время выражая пожеланіе, чтобы всѣ враги хана подверглись той же участи, какъ и только что испустившій послѣдній вздохъ.

Крымъ-Гирей направилъ свой проницательный взглядъ на лежащую передъ нимъ голову и тотчасъ же по лицу узналъ памятнаго ему казака его отряда.

„Несчастный!“ еле удерживая свой гнѣвъ, крикнулъ ханъ: „неужели ты думаешь похвалиться, что убилъ этого человѣка? Уже будучи мертвецомъ, онъ видимо тебѣ страшенъ; если бы онъ былъ живъ, онъ бы разорвалъ и съѣлъ бы тебя. Вѣдь это одинъ изъ моихъ Игнацъ-казаковъ, убитыхъ при нападеніи на деревню: я его знаю слишкомъ хорошо. Другой, который хотѣлъ тебѣ помочь обмануть меня, вѣроятно отрубилъ голову отъ туловища, ибо у тебя самого врядъ ли для этого хватитъ духу“.

Турокъ, видимо испугавшись, старался защищаться при помощи всевозможныхъ увѣреній; однако ханъ приказалъ осмотрѣть его оружіе, но ни на его ножѣ, ни на саблѣ, ни на его пистолетахъ не оказалось никакихъ слѣдовъ, которые указывали бы на совершеніе имъ кровопролитія.

„Убейте этого лже-героя!“ крикнулъ ханъ дрожа отъ злобы.

*) Mémoires du Baron de Tott. II. 156.

Изъ числа тѣлохранителей хана выдѣлился офицеръ и, чтобы тотчасъ же до извѣстной степени удовлетворить злобѣ Крымъ-Гирея, ударилъ эмира нѣсколько разъ своей ногайкой не особенно сильно, можетъ быть думая этимъ спасти несчастному его жизнь.

Но, несмотря на опасное положеніе, въ немъ заговорила гордость эмира, хотя и въ Турціи положеніе эмира не пользуется никакимъ инымъ преимуществомъ, какъ только тѣмъ, что ранѣе, чѣмъ подвергнуть его ударамъ, ему съ извѣстной почтительностью снимаютъ головной уборъ.

Когда же эмиръ съ безстыдной рѣзкостью сталъ выражать свое возмущеніе по поводу посягательства на его особу, Крымъ-Гирей не сталъ скрывать своей злобы.

„Разрубить этому мерзавцу его зеленый тюрбанъ нагайками на его собственной головѣ, пока не останется однихъ клочьевъ“! крикнулъ ханъ страшнымъ голосомъ.

Это жестокое приказаніе, которому уже никто не рѣшился противиться, было тотчасъ же исполнено съ ужасной пунктуальностью, имѣвшей слѣдствіемъ быструю смерть несчастнаго*).

Ханъ равнодушно отвернулся и, приглашая барона Тотта ѣхать далѣе, перемѣнилъ разговоръ. Какъ часто бывало въ его разговорахъ, безъ всякой послѣдовательности, Крымъ-Гирей неожиданно задалъ барону нѣсколько вопросовъ о папѣ римскомъ и апостолѣ Петрѣ, о личности коихъ и ихъ значеніи въ христіанскихъ государствахъ и народахъ онъ желалъ получить самыя подробныя свѣдѣнія.

Такого рода бесѣды не окончились однако въ теченіе цѣлаго дня, а продолжались и позднею ночью, и когда были разбиты шатры, барону Тотту приходилось въ непрерывныхъ сообщеніяхъ о сущности и устройствѣ христіанской церкви оставаться у хана до полуночи.

Такое положеніе было связано съ большими непріятностями, чѣмъ прежде, такъ какъ мѣстность, на которой въ этотъ разъ былъ устроенъ ночлегъ, была плохо защищена отъ стужи и непогоды, и, сверхъ того, истощившіеся запасы продовольствія даже въ ханскомъ шатрѣ на этотъ разъ дали возможность поужинать не слишкомъ сытно и роскошно.

Когда Тоттъ наконецъ получилъ позволеніе удалиться на покой въ свой шатеръ, онъ засталъ тамъ своихъ двухъ секретарей почти застывшими отъ голода и стужи. Но только что

*) Mémoires du Baron Tott. II. 158.

онъ, закутавшись въ свою шубу, улегся съ ними, дѣля съ ними ложе, большею частью состоявшее изъ снѣга и льда, какъ въ дверяхъ шатра показался ханскій пажъ, который внесъ на блюдѣ тщательно завернутый предметъ и объявилъ, что ханъ прислалъ подарокъ. Онъ поставилъ блюдо въ ногахъ постели и тотчасъ же удалился.

Одинъ изъ секретарей, Кустилье, который страдалъ отъ голода до потери сна, ни минуты не сомнѣвался въ томъ, что подарокъ состоитъ изъ чего-нибудь съѣдобнаго, и попросилъ своего товарища, лежавшаго ближе къ блюду, поднять его и изслѣдовать.

Со сна и съ холоду этотъ сначала не могъ рѣшиться и, наконецъ, оставаясь съ головой подъ шубой, высунулъ руку къ пакету. Онъ схватился за что-то волосатое, приподнялъ, при чемъ почувствовалъ, какъ по тѣлу пробѣжали муравки, и жадному взгляду голоднаго товарища, при свѣтѣ висящаго въ шатрѣ фонаря, представилась человѣческая голова съ неподвижнымъ, потухшимъ взглядомъ.

Страшный крикъ обоихъ товарищей заставилъ проснуться и барона Тотта, который узналъ голову казака, послужившую эмиру въ качествѣ средства столь жестоко отомщеннаго обмана. Только что было сдѣлано это открытіе, какъ оба секретаря, какъ бы подгоняемые злыми духами, вскочили съ постели и, вмѣстѣ схвативъ голову, выбросили ее изъ шатра, сопровождая это громкими ругательствами на стужу, голодъ и дурныя шутки татарскаго хана.

Крымъ-Гирей двигался теперь со своей арміей вдоль польской границы, взявъ направленіе на небольшіе городки Сибиловъ и Боуки. Татарамъ, постоянно рыскавшимъ во всѣхъ направленіяхъ въ поискахъ добычи, трудно было внушить болѣе точное усвоеніе польскихъ границъ, однако крайне строгія мѣры, принятыя ханомъ въ защиту польскихъ владѣній, вскорѣ же привели къ установленію извѣстнаго порядка. Главную часть арміи ханъ обыкновенно останавливалъ на привалъ вблизи деревень, и въ такихъ случаяхъ войска принуждены были жить на счетъ собственныхъ продовольственныхъ средствъ. Турки, которые не были въ состояніи противустоять желанію учинять пожары, а затѣмъ и грабежи, подвергались жесточайшимъ наказаніямъ.

Вскорѣ однако армія Крымъ-Гирея могла подаваться впередъ лишь весьма медленно, такъ какъ чрезвычайное обиліе всякой добычи, которую тащили съ собой, представляло страш-

ный тормозъ. Число плѣнныхъ, взятыхъ арміею въ Новой Сербіи, превышало двадцать тысячъ, а количество разнаго рода скота, окруженнаго плѣнными, было безъ счета и казалось необозримымъ.

Крымъ-Гирей распорядился, чтобы его армія подвигалась теперь впередъ, раздѣлившись на семь отдѣльныхъ отрядовъ, полагая, что при такомъ дѣленіи ему легче будетъ слѣдить за возможными уклоненіями своихъ воинственныхъ племенъ. Движеніе совершалось теперь настолько быстро, насколько это допускали стада. Однако татарская жадность къ добычѣ старалась всѣми способами обмануть бдительность хана и пользоваться всякой подходящей минутой для разбоя и грабежа. Но темно-бурый цвѣтъ татарской одежды слишкомъ рѣзко выдѣлялся на бѣлоснѣжномъ фонѣ мѣстности, и отъ изощреннаго взгляда Крымъ-Гирея не укрывалось даже на большомъ разстояніи ни малѣйшее подозрительное движеніе въ его ордахъ.

Однажды нѣсколько татаръ изъ племени ногаевъ потихоньку отдѣлились отъ своей части съ цѣлью пограбить въ польской деревнѣ, показавшейся имъ особенно для этого заманчивой, и позади которой они только что хотѣли укрыться, когда ханъ, проѣзжая по опушкѣ лѣса, вдругъ поднялся на возвышенность, откуда онъ могъ обозрѣть всю долину, замѣтилъ также и любителей чужой собственности прячущимися за плетнями.

Онъ приказалъ тотчасъ же остановиться и послалъ своего селиктара (оруженосца) съ четырьмя солдатами обыскать деревню и немедленно же доставить къ нему всякаго найденнаго ими за грабежомъ. На его лицѣ проступила при этомъ извѣстная уже мрачная, наводящая ужасъ черта, всегда свидѣтельствовавшая, что ханъ обдумывалъ строгое и жестокое рѣшеніе, отъ котораго его никогда уже не удавалось отклонить.

Селиктаръ, поспѣшно удалившись, возвратился вскорѣ съ татариномъ, укравшимъ въ деревнѣ кусокъ полотна и нѣсколько клубковъ хлопчатой бумаги. Будучи приведенъ къ хану, несчастный сейчасъ же признался въ своемъ преступленіи, прибавивъ, что зналъ о всей строгости объявленнаго запрета и что къ своему оправданію ничего сказать не можетъ. Онъ и не пытался даже выставить кого-либо своимъ защитникомъ или просить милости хана, а стоялъ съ ледянымъ спокойствіемъ, неподвижно ожидая приговора.

Взоры всѣхъ присутствующихъ были направлены на Крымъ-Гирея, который крикнулъ своимъ громовымъ голосомъ: „Приказать ему слѣзть съ коня и привязать его къ конскому хвосту!

Пусть волочится до послѣдняго издыханія! Рядомъ съ нимъ пусть идетъ глашатай для объявленія всей арміи о причинахъ такого наказанія!*.

Какъ только ханъ объявилъ свой приговоръ, татаринъ спокойно, не издавъ ни малѣйшаго звука, соскочилъ съ сѣдла. Такъ же спокойно отдался онъ въ распоряженіе солдатъ, которымъ предстояло связать его. Но случилось такъ, что не было приготовлено для этого ни веревки, ни ремня.

Пока стали разыскивать необходимое, фонъ-Тоттъ сдѣлалъ попытку испросить у хана помилованіе несчастнаго. Вмѣсто всякаго отвѣта Крымъ-Гирей, нетерпѣніе котораго стало замѣтно по наливщимся на лбу жиламъ, во избѣжаніе потери времени, приказалъ воспользоваться для этого тетивой отъ лука.

Ему возразили, что она для этого коротка.

„Такъ пусть же негодяй продѣнетъ голову между лукомъ и тетивой!— крикнулъ ханъ, досадливо топнувъ ногой,— и пусть такъ волочится позади коня!“.

Татаринъ молча выслушалъ и это приказаніе. На его коня садится другой наѣздникъ, и онъ спокойно и безъ всякаго сопротивленія дастъ увлечь себя. А такъ какъ вскорѣ послѣ этого онъ уже не въ состояніи успѣвать за бѣгомъ лошади, то падаетъ на землю, и шея его при этомъ освобождается изъ ярма.

Съ пѣною у рта ханъ замѣтилъ это новое препятствіе. На одно мгновеніе онъ задумался, кусая нижнюю губу. Затѣмъ съ ужасной улыбкой онъ объявилъ: „Пусть преступникъ еще разъ продѣнетъ свою голову между лукомъ и тетивой и сжимаетъ ихъ своими руками до тѣхъ поръ, пока не умретъ!“

Теперь татарину было ясно, что ему предстоитъ быть своимъ собственнымъ палачомъ, и тутъ же онъ показалъ примѣръ безпрекословнаго подчиненія распоряженію своего повелителя. Онъ тотчасъ же скрестилъ накрѣпко свои руки на груди и такимъ способомъ держалъ лукъ, черезъ который была продѣта его голова и который вновь прикрѣпили къ хвосту коня.

Наѣздникъ пустилъ теперь своего коня полнымъ карьеромъ, и вскорѣ же пришло извѣстіе, что татаринъ, въ послѣднемъ, предсмертномъ послушаніи не измѣнившій своего положенія, разбился на смерть о выступъ скалы *).

Съ подобными приключеніями армія добралась до Брацлава, гдѣ предстоялъ раздѣлъ добычи, возросшей до такихъ неимовѣрныхъ размѣровъ, что трудно было съ ней справляться. Раз-

*) Mémoires du Baron de Tott. II, 7.

дѣлъ совершился въ порядкѣ и съ точностью, подъ строгимъ руководствомъ хана и при участіи его изумительной силы воли, хотя его татары и здѣсь неоднократно проявляли свою хитрость и плутоватость для сокрытія слѣдовъ всевозможной добычи. Несмотря на многократный обманъ, на долю хана тѣмъ не менѣе въ концѣ концовъ пришлось до двухъ тысячъ рабовъ, которыхъ онъ, не придавая имъ никакой цѣны, сталъ отдавать въ подарокъ всякому, кто только былъ подлѣ него.

Баронъ Тоттъ, долго удивлявшійся столь чрезмѣрной расточительности хана, рѣшился наконецъ замѣтить, что если ханъ будетъ такъ продолжать, то очень скоро источникъ его изсякнетъ. Но въ этотъ день Крымъ-Гирей былъ опять въ своемъ грустно-юмористическомъ настроеніи, которое по временамъ посѣщало этого могучаго сына природы, и въ продолженіе этого похода нерѣдко вызывало въ немъ какое-то необычайное волненіе.

„Милый другъ“, возразилъ онъ на это замѣчаніе француза, „съ годами жажда обладанія уменьшается сама собою; вы же молоды еще, вы еще можете находить въ этомъ удовольствіе, поэтому будетъ справедливо, если и вамъ дать вашу долю отъ избытка нашей добычи. Удаленный отъ вашего гарема, вы дѣлили со мною всѣ невзгоды во время странствованія. За это я предназначилъ для васъ шестерыхъ мальчиковъ, красивыхъ лицомъ и чуднаго тѣлосложенія, при чемъ выбиралъ ихъ какъ бы для себя“.

„При такомъ подаркѣ я оказываюсь въ крайне затруднительномъ положеніи!“ возразилъ Тоттъ съ удивленіемъ. „Притомъ я даже не знаю, какую бы я могъ извлечь пользу изъ этого дара, который къ тому же ставитъ меня и въ крайне неловкое положеніе. Вѣдь всѣ ваши рабы — русскіе; какъ же мнѣ совмѣстить мое положеніе съ владѣніемъ и пользованіемъ юными русскими, являющимися подданными державы, которая находится до сихъ поръ въ дружбѣ съ моимъ государемъ; и уже сама дипломатія воспрещаетъ мнѣ предъявлять къ нимъ какія бы то ни было права“.

Крымъ-Гирей смѣясь посмотрѣлъ на него и сказалъ: „Ну, тогда за шестерыхъ русскихъ я дамъ вамъ шестерыхъ же мальчиковъ изъ Грузіи, и ваша западная дипломатія, въ концѣ концовъ представляющая собою одно притворство и педантство, не встрѣтитъ затрудненій и не помѣшаетъ принять подарокъ отъ друга“.

„И все-таки не совсѣмъ такъ, какъ это кажется Вашему Высочеству!“ возразилъ Тоттъ робко. „Остается еще одно препятствіе, серьезно мѣшающее въ этомъ дѣлѣ. Это — религія“.

„А“, воскликнулъ Крымъ-Гирей съ лукавой улыбкой, „это щекотливый пунктъ, и я не буду касаться его. И я опасаюсь, что баронъ фонъ-Тоттъ не желаетъ имѣть рабовъ. Но что бы вы сказали, если бы я шестерыхъ русскихъ мальчиковъ обратилъ въ шесть русскихъ дѣвочекъ или шестерыхъ грузинцевъ обратилъ во столько же грузинокъ и этотъ обмѣненный подарокъ вновь предложилъ бы вамъ? Была ли бы ваша дипломатія или религія уступчивѣе къ вашимъ собственнымъ желаніямъ?“

„Долженъ признаться“, отвѣтилъ французъ довѣрчиво, что „противъ такого искушенія я былъ бы плохо вооруженъ, и возможно, что какъ въ дипломатическомъ, такъ и въ религіозномъ отношеніи я былъ бы сговорчивѣе, если бы вы мнѣ предложили шесть красивыхъ дѣвушекъ!“

„Вотъ видите“, смѣясь воскликнулъ Крымъ-Гирей, „какъ обстоитъ дѣло съ вашими хвалеными принципами на западѣ! Вотъ вы каковы, добродѣтельные и честные то изъ дипломатическихъ, то изъ религіозныхъ побужденій! И все-таки вы были бы въ большой модѣ, если бы привезли съ собою тайно въ Парижъ цѣлый отрядъ тайныхъ рабынь, будь то русскія или грузинки, между тѣмъ какъ вамъ кажется неполитичнымъ или противурелигіознымъ показываться въ обществѣ въ качествѣ побѣдителя шести русскихъ, которые безусловно должны называть васъ господиномъ. Но видите ли, добрый другъ, и у меня вѣдь своя религія, и если бы я съ удовольствіемъ приготовилъ вамъ какое-либо пріятное искушеніе, то именно религія моя воспрещаетъ мнѣ присвоить христіанину что-либо иное, какъ только рабовъ—мужчинъ, между тѣмъ какъ мнѣ она предписываетъ оставлять женщинъ для себя, съ цѣлью ихъ обращенія“.

„Развѣ мужчины“, возразилъ Тоттъ, „кажутся вамъ менѣе достойными труда для ихъ обращенія? Вы позволите мнѣ думать, что лишь красивыя дѣвушки нравятся вамъ больше и вы желаете ихъ лучше оставлять для себя!“

„Вовсе нѣтъ“, отвѣчалъ Крымъ-Гирей, „я подчиняюсь лишь мудрости пророка! Мужчина даже въ рабствѣ остается существомъ, болѣе или менѣе независимымъ, и его обращеніе представляется нѣкотораго рода чудомъ. Въ свою очередь, обращеніе женщинъ—самое простое и естественное явленіе. Ибо женщина всегда будетъ вѣровать въ то, во что вѣруетъ ея любовникъ, и будетъ слѣдовать любви, какъ великому миссіонеру, которому невозможно противиться“ *).

*) Mémoires du Baron de Tott. II. 10.

На этомъ Крымъ-Гирей прекратилъ разговоръ и продолжалъ распредѣленіе плѣнныхъ и плѣнницъ, пока не избавился отъ послѣдняго изъ нихъ.

VI.

Возвращеніе.

Только въ рѣдкія минуты Крымъ-Гирей проявлялъ тотъ веселый задоръ, который ранѣе составлялъ главную черту его характера. По мѣрѣ продолженія похода, разсчитаннаго только на рядъ ужасовъ и опустошеній, онъ со дня на день становился односложнѣе, мрачнѣе и унылѣе.

Когда же одинъ день, вслѣдствіе безпримѣрной стужи, обошелся ему въ три тысячи человѣкъ и тринадцать тысячъ лошадей, погибшихъ отъ мороза, Крымъ-Гирей съ громкимъ воплемъ покрылъ свою голову. Это было въ первый разъ, что онъ такъ отдавался скорби у всѣхъ на глазахъ.

Сто пятьдесятъ городовъ, селъ и деревень во время этого похода были обращены въ пепелъ. Подъ конецъ воздухъ казался насыщеннымъ частицами золы, взлетѣвшей во время пожаровъ, и запахомъ угара и испареній, образовавшихся при таяніи снѣга отъ жары на пожарищахъ. На крыльяхъ сѣраго тумана двигалась эта туча въ ужасныхъ массахъ впередъ и далеко заходила за границы Польши, являясь какъ бы вѣстникомъ военныхъ подвиговъ татаръ. *)

Подъ впечатлѣніемъ самыхъ разнообразныхъ настроеній Крымъ-Гирей отдалъ распоряженіе къ возвращенію своей на значительную часть сократившейся арміи; и самъ онъ чувствовалъ, что изнемогъ душевно и тѣлесно, когда вновь достигъ Бендеръ и при громѣ всей своей артиллеріи прибылъ во дворецъ въ Кавшанахъ, за послѣднее время ставшій его любимымъ мѣстопребываніемъ.

Онъ предполагалъ отдохнуть здѣсь лишь нѣсколько дней въ обыденномъ образѣ жизни, чтобы затѣмъ съ новыми силами вести свое войско, предварительно соединившись на берегу Дуная съ турецкой арміей, о выступленіи которой онъ получилъ уже извѣстіе изъ Константинополя.

*) Siestrzencewicz, Histoire du Royaume de la Chersonèse Taurique, p. 413.

Своеобразное недомоганіе, мучившее хана уже на пути и сначала выражавшееся въ сильнѣйшихъ припадкахъ ипохондріи, стало теперь проявляться въ сильнѣйшей степени, сопровождаясь подозрительными явленіями.

Однажды онъ весьма серьезно совѣтовался съ французскимъ резидентомъ о состояніи своего здоровья и о средствахъ къ его исправленію; французъ внушалъ ему искреннее довѣріе и въ этомъ отношеніи давалъ ему неоднократно полезные совѣты.

Въ эту минуту хану доложили о прибытіи человѣка, о которомъ уже ранѣе при его дворѣ шла молва, какъ о величайшемъ цѣлителѣ, которому доступны также всѣ тайныя силы природы.

То былъ Сирополо, грекъ родомъ изъ Корфу, состоявшій на службѣ у юнаго Александра Гика, отставленнаго валахскаго князя, въ качествѣ врача и одновременно политическаго агента; повидимому, онъ пользовался большимъ вниманіемъ среди вліятельныхъ придворныхъ Крымъ-Гирея.

Они наконецъ добились того, что ханъ вызвалъ его къ себѣ, съ цѣлью довѣрить ему поправленіе своего разстроеннаго здоровья.

Сирополо вошелъ теперь въ комнату съ робкимъ и въ то же время нахальнымъ видомъ, что сразу же произвело на барона Тотта весьма непріятное впечатлѣніе, и предложилъ хану, который какъ разъ въ это время ужасно страдалъ въ судорогахъ, воспользоваться его искусствомъ, при чемъ высказалъ увѣренность, что будетъ достаточно единственнаго пріема приготовленной имъ и отнюдь не непріятной на вкусъ микстуры для того, чтобы ханъ тотчасъ же и совершенно избавился отъ всѣхъ своихъ страданій.

Безъ всякихъ дальнѣйшихъ размышленій Крымъ-Гирей далъ свое согласіе и совѣтовалъ врачу лишь приняться поскорѣе за дѣло. Сирополо тотчасъ же и удалился для того, какъ онъ заявилъ, чтобы собрать въ горахъ необходимыя цѣлительныя травы.

На лицѣ барона Тотта, повидимому, отразились нѣкоторое смущеніе и озабоченность, показавшіяся хану странными.

„Неужели, другъ мой“, обратился къ нему Крымъ-Гирей, и на его лицѣ вновь появилась улыбка, „вы боитесь и даже, какъ мнѣ кажется, вы чуть ли не дрожите? Неужели это изъза меня?“

„Конечно!“ отвѣчалъ Тоттъ. „Вы рѣшаетесь довѣриться человѣку, о положеніи и обстоятельствахъ котораго стоитъ лишь

вспомнить, чтобы изъ-за этого возникли самыя основательныя опасенія. Не забывайте, Государь, что этотъ Сирополо находится на службѣ у человѣка, удаленіе котораго съ княжескаго стола въ Валахіи вы поставили въ условіе, когда вновь были призваны на ханство".

„Вы страдаете ипохондріей сильнѣе моего, другъ мой!" смѣясь возразилъ ханъ. „Когда обѣщанная микстура мнѣ поможетъ, я васъ заставлю, чтобы вамъ избавиться отъ такихъ мрачныхъ мыслей, немножко попробовать ея. Вы еще разъ взгляните на него, на татарскаго хана, и судите потомъ, можно ли допустить, чтобы человѣкъ, подобный Сирополо, рѣшился предпринять что-либо противъ татарскаго правителя?"

На всѣ дальнѣйшія увѣщанія онъ не обращалъ уже никакого вниманія.

На другое утро грекъ появился вновь и своей изумительной ловкостью и услужливостью съумѣлъ снискать полное довѣріе хана, чѣмъ еще въ большей степени усилилась къ нему подозрительность барона Тотта.

Крымъ-Гирей принялъ лѣкарство изъ рукъ Сирополо и большими, жадными глотками опорожнилъ кубокъ.

Послѣдовавшее вслѣдъ затѣмъ его дѣйствіе казалось уже сомнительнымъ и возбуждало опасенія. Ханъ почувствовалъ ужасную слабость, которая съ часу на часъ усиливалась.

Сирополо объяснилъ, что это цѣлительный кризисъ, ручался за успѣхъ исцѣленія и казался чрезвычайно веселымъ и довольнымъ.

Баронъ Тоттъ старался склонить ханскихъ министровъ къ тому, чтобы они не упускали изъ виду грека и жизнь его поставили бы въ зависимость отъ жизни хана.

Но и среди нихъ онъ встрѣчалъ отчасти какую-то странную холодность въ этомъ отношеніи; съ другой стороны, подозрительный химикъ былъ настолько увѣренъ въ себѣ, что не поддавался дѣйствію никакихъ угрозъ.

VII.

Смерть Крымъ-Гирея.

Роковая слабость Крымъ-Гирея усилилась до такой степени, что онъ не только уже не могъ показываться среди народа, но и не въ состояніи былъ покинуть свой гаремъ.

Его друзья и почитатели при дворѣ утратили всякую надежду; въ особенности же баронъ Тоттъ отчаявался, что уже не увидитъ хана и не поговоритъ съ нимъ.

Но вотъ его извѣстили, что ханъ желаетъ его видѣть, и барона, по этому особому случаю, провели въ самыя сокровенныя помѣщенія гарема.

Въ первомъ покоѣ, въ который ему пришлось войти, онъ увидѣлъ группу красивыхъ и разукрашенныхъ женщинъ, которыя однако были настолько опечалены судьбою ихъ повелителя, что забыли при появленіи барона обратиться въ бѣгство.

Да и самъ онъ былъ не въ такомъ настроеніи, чтобы оказать должное вниманіе обворожительнымъ красавицамъ, явившимся ему безъ всякаго надзора. Только искренняя и глубокая печаль, отразившаяся на ихъ лицахъ и во всей ихъ внѣшности, казалась ему въ это мгновеніе особенно привлекательной.

Особенно отличалась между ними юная татарка своей выдающейся красотой и необыкновенной силой своихъ страданій. То была Зейнебъ, дочь толмача Арманда изъ Бахчисарая, не только ставшая съ тѣхъ поръ, какъ ханъ вырвалъ ее силою изъ рукъ прусскаго резидента Боскампа, украшеніемъ гарема, но и привязавшаяся со страстной нѣжностью къ личности Крымъ-Гирея и завоевавшая себѣ мѣсто главной его фаворитки.

Ея страданія выражались столь бурно, что окружающіе стали опасаться за ея участь, а подруги стали участливо ухаживать за нею.

Барона Тотта ввели въ покой, въ которомъ лежалъ Крымъ-Гирей.

Ханъ только что окончилъ совѣщаніе со своимъ диванъ-эфенди *) и указалъ барону на бумаги, лежавшія вокругъ него на постели.

„Взгляните“, сказалъ онъ громкимъ голосомъ, которому, видимо, старался придать еще больше свѣжести и полноты: „это моя послѣдняя работа! А вамъ я посвящаю мои послѣднія мгновенія,—вѣдь я васъ любилъ!“

Когда же ханъ замѣтилъ, что баронъ Тоттъ отдался безграничной скорби и что его стараніе казаться сильнымъ и несокрушимымъ все-таки неспособно ослабить горестное чувство его друга, онъ еще разъ сердечно подалъ ему руку и многократно пожалъ руку барона.

---

*) Секретарь иностранныхъ дѣлъ. *Примѣч. переводчика.*

Затѣмъ онъ весело сказалъ: „Намъ лучше разстаться, другъ мой: ваше волненіе могло бы меня ослабить, между тѣмъ я долженъ видѣть, что остаюсь сильнымъ и могу уснуть, сохраняя веселое настроеніе“.

Когда послѣ послѣдняго прощальнаго привѣтствія баронъ Тоттъ удалился, ханъ подалъ знакъ, по которому поднялись шестеро музыкантовъ, остававшихся до тѣхъ поръ въ другомъ концѣ покоя, и начали чудно звучавшій концертъ, пьесы для котораго были заранѣе намѣчены Крымъ-Гиреемъ.

Тихое довольство разливалось по блѣднѣющему лицу хана при этихъ сладкихъ звукахъ инструментовъ. Все жаднѣе склонялъ онъ свою голову въ сторону звуковъ, какъ будто стремясь утолить ими свою жажду, и, видимо, тѣлесныя страданія какъ будто отступали передъ волшебствомъ гармоніи.

Счастливая, задорная, полунасмѣшливая, нѣсколько добродушная улыбка, рѣдко исчезавшая съ лица Крымъ-Гирея, теперь вновь запечатлѣлась вокругъ его рта, принявъ выраженіе какъ-бы восхищенія, между тѣмъ какъ на высокомъ челѣ его отражалось ясное спокойствіе.

При непрерывныхъ звукахъ музыки черезъ полчаса ханъ испустилъ свой послѣдній вздохъ.

Вѣсть о смерти Крымъ-Гирея, какъ только распространилась по Кавшанскому дворцу, породила ужасъ и замѣшательство.

При дворѣ и среди правительства въ первое время замѣчалось всеобщее отчаяніе и безутѣшное состояніе. Между тѣмъ собрался диванъ, отправилъ курьеровъ во всѣ страны свѣта, сдѣлалъ распоряженія относительно торжественнаго погребенія Крымъ-Гирея и временно вручилъ управленіе страною одному изъ султановъ.

Но ничего не показалось барону Тотту, внимательно слѣдившему за всемъ происходящимъ вокругъ него, столь подозрительнымъ, какъ то, что грекъ Сирополо безъ всякихъ затрудненій получилъ свой паспортъ и свидѣтельство на право пользованія почтовымъ сообщеніемъ и безпрепятственно могъ слѣдовать въ Валахію.

Тѣмъ не менѣе, когда приступили къ бальзамированію тѣла хана, яснымъ и безспорнымъ оказалось то, что Крымъ-Гирей былъ отравленъ. Однако диванъ, повидимому, не считалъ выгоднымъ для себя изслѣдовать въ этомъ чью-либо вину или требовать наказанія виновнаго. *)

*) Mémoires du Baron de Tott. II. 201.

При торжественной и блестящей обстановкѣ, какъ это обыкновенно принято у татаръ въ подобныхъ случаяхъ, тѣло Крымъ-Гирея было перевезено въ Крымъ: оно было установлено на колесницѣ, обитой чернымъ сукномъ; колесницу везла шестерка лошадей въ черныхъ длинныхъ попонахъ. Пятьдесятъ всадниковъ, нѣкоторое число мирзъ и султанъ, командовавшій почетнымъ конвоемъ, одѣтые въ глубокій трауръ, сопровождали въ Бахчисарай печальное шествіе.

На нѣкоторомъ разстояніи позади него слѣдовала еще колесница, менѣе торжественная, съ тѣломъ бездыханной Зейнебъ, нѣжная душа которой отъ избытка страданій по любимомъ господинѣ покинула ея тѣло въ самый же день его смерти. И для нея была приготовлена могила на дворцовомъ кладбищѣ въ Бахчисараѣ, рядомъ съ фаворитками крымскихъ хановъ. *)

Такъ закончилъ свою жизнь Крымъ-Гирей, послѣдній великій ханъ, правившій Таврическимъ полуостровомъ предъ тѣмъ, какъ имъ завладѣла императрица Екатерина.

*) Различныя легенды, пріуроченныя къ одному изъ надгробныхъ памятниковъ на бахчисарайскомъ дворцовомъ кладбищѣ, указываютъ то на прекрасную графиню Потоцкую, состоявшую въ дивной любовной связи съ однимъ изъ послѣднихъ хановъ, незадолго до взятія Крыма русскими (1783), то на послѣднюю фаворитку Крымъ-Гирея. Пушкинъ заканчиваетъ свою поэму о бахчисарайскомъ фонтанѣ слезъ указаніемъ на этотъ памятникъ, слѣдуя традиціи, по которой онъ присвоенъ Маріи Потоцкой. Памятникъ этотъ состоитъ изъ прямоугольнаго основанія, заканчивающагося вверху восьмиугольникомъ, и покрытъ треугольнымъ куполомъ, опирающимся на 8 сторонъ постройки. Памятникъ помимо того украшенъ колоннами и нишами и небольшой аванзалой, такъ что производитъ впечатлѣніе обширной постройки. Сравни: Revue de l'Orient. V. 231.

ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ СТѢНА ХЕРСОНЕСА.

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

къ плану юго-западнаго участка оборонительной стѣны древняго Херсонеса

М. И. Гарабурды.

Съ предисловіемъ и примѣчаніями М. И. Скубетова.

Предисловіе.

Открытыя раскопками послѣднихъ годовъ стѣны Херсонеса естественно обратили вниманіе ученыхъ и на обслѣдованіе фортификаціонныхъ сооруженій въ Херсонесѣ, и въ этомъ отношеніи особенно цѣнны труды неутомимаго изслѣдователя древностей Крыма, А. Л. Бертье-Делагарда. Но не безполезнымъ для науки дѣломъ будетъ, по нашему мнѣнію, опубликованіе и находящагося въ нашихъ рукахъ труда покойнаго военнаго инженера Михаила Ивановича Гарабурды, строителя нынѣшнихъ херсонесскихъ батарей. Скромный, но вдумчивый человѣкъ, стремившійся къ изученію классическихъ древностей, особенно въ отношеніи военнаго дѣла, покойный М. И. Гарабурда съ большимъ интересомъ слѣдилъ за раскопками въ Херсонесѣ; всегда его можно было видѣть у мѣста раскопокъ заносящимъ что-либо въ свою записную книгу; отъ вниманія его не ускользала ни одна мелочь. Къ сожалѣнію, преждевременная смерть въ 1895 году прервала его дѣятельность, которая, безъ сомнѣнія, принесла бы большую пользу наукѣ. Изученіе имъ херсонесскихъ раскопокъ продолжалось всего около года. Сообщаемыя здѣсь его черновыя записки, представляю-

щія цѣнный матеріалъ для детальнаго изученія оборонительныхъ средствъ Херсонеса, онъ подарилъ пишущему эти строки. вмѣстѣ съ чертежами, въ 1894 году, во время нашей совмѣстной работы въ Херсонесѣ. Чертежи эти извѣстны и А. Л. Бертье-Делагарду. Нѣкоторыя соображенія М. И. Гарабурды не оправдались послѣдующими раскопками, но въ общемъ они свидѣтельствуютъ о тонкомъ пониманіи имъ защитныхъ средствъ древняго Херсонеса.

Мартинъ Скудетовъ.

Прежде изложенія нѣкоторыхъ соображеній, являющихся результатомъ данныхъ, полученныхъ при раскопкахъ въ Херсонесѣ въ 1894 году, считаю долгомъ оговорить слѣдующіе условные знаки, принятые мною при прилагаемомъ планѣ:

1) *Косымъ штрихомъ слѣва направо* обозначены оборонительныя стѣны и вообще каменныя сооруженія, обнаруженныя мною и затѣмъ, по съемкѣ ихъ плана. разобранныя, при чемъ, если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ штриховка прерывается, то значитъ здѣсь *недостаетъ* участка сооруженія, или, наоборотъ, сооруженіе хотя и есть, но оно въ развалинахъ, и возстановить его видъ я не нахожу возможнымъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда несомнѣнно *планъ* сооруженія можетъ быть возстановленъ, я показываю его *пунктиромъ—тире и точка.*

2) Пунктиромъ—тире и 2-мя точками показаны тѣ части, на которыя есть намеки въ развалинахъ.

3) Знакомъ (?) обозначена комбинація стѣнокъ, показанныхъ у точки *А* пунктиромъ изъ 2-хъ точекъ и тире. но не по раскопкамъ, а лишь *по моимъ догадкамъ.*

4) *На профиляхъ* пунктиромъ изъ точекъ показаны мои попытки возстановить видъ оборонительной стѣны, участки которой, покрытые косымъ штрихомъ, *дѣйствительно* существовали или еще и теперь существуютъ.

Оборонительная стѣна Херсонеса.

1) Какъ видно изъ плана, направленіе оборонительной стѣны Херсонеса отъ круглой [1]) фланговой башни къ морю вполнѣ опредѣлилось, при чемъ выяснились такія подробности, что можно уже судить о силѣ сопротивленія непріятелю различныхъ ея участковъ, а также и о томъ, откуда больше всего грозила Херсонесу опасность. Всѣ эти особенности вызваны мѣстностью впереди стѣнъ и состояніемъ въ то время военнаго искусства,—а именно:

а) въ юго-восточномъ участкѣ, между круглой фланговой [2]) башней и Херсонесскимъ монастыремъ (надъ раскапываемымъ некрополемъ), нельзя было подвозить по крутизнамъ стѣнобитныхъ машинъ, а потому необходимо было обезпечить городъ лишь отъ штурма, что достигалось только *толстой и высокой стѣной*,—толстой потому, что участокъ этотъ близокъ къ сердцу города, а слѣдовательно и долженъ былъ быть особенно надежнымъ. Это соображеніе вытекаетъ изъ сравненія его съ такимъ же участкомъ по крутому обрыву (профиль № 5) у моря, гдѣ стѣна *втрое тоньше* (всего 0,50 саж. вмѣсто 1,50);

б) въ южномъ участкѣ, между фланговой круглой башней и угловой башней [3]), какъ видно изъ профили № 3, мѣстность почти ровная, немного понижающаяся отъ непріятеля къ городской стѣнѣ; при чемъ это единственное мѣсто вокругъ всего Херсонеса, по которому непріятель могъ вести правильную атаку Херсонеса, подводя стѣнобитныя машины и развертываясь довольно широкимъ фронтомъ (въ 55 саж.). Прекрасно понимая опасность, которая грозила Херсонесу въ этой именно (повторяю—единственной) сторонѣ, жители позаботились придать этому участку особенную фортификаціонную силу, создавши, во-первыхъ, двойную линію [4]) стѣны; во-вторыхъ, поставивши башни (притомъ громадныя по величинѣ) *гораздо чаще*, чѣмъ на юго-восточномъ участкѣ (разстояніе между башнями здѣсь около 14 саженъ, а въ юго-восточномъ участкѣ около 26 саженъ, т. е. *почти вдвое больше*); если принимать во вниманіе дальность полета стрѣлы около 30 саженъ, то на разстояніи 14 саженъ защитники могли бить непріятеля во флангъ, какъ говорится, „на выборъ“ и „безъ промаху“, между тѣмъ какъ на юго-вос-

[1]) Одиннадцатигранной съ лица, а внутри круглой. *М. С.*
[2]) Одиннацатигранной. *М. С.*
[3]) Угловая башня съ полукруглымъ лицомъ. *М. С.*
[4]) На самомъ дѣлѣ и здѣсь опредѣлено существованіе двойной стѣны. *М. С.*

точномъ участкѣ разстояніе между башнями въ 26 саженъ приближалось къ предѣльному, и, конечно, здѣсь не могло быть такого дѣйствительнаго пораженія непріятеля;

в) отъ угловой башни городская стѣна поворачиваетъ почти на сѣверъ и на протяженіи около 50 саженъ идетъ по краю значительной крутизны. Характеръ фортификаціонной силы здѣсь рѣзко мѣняется: за угловой башней стѣна опять не двойная, а *одиночная* [1]), при чемъ особенно замѣчательно слѣдующее обстоятельство: близъ угловой башни на протяженіи 5—10 саженъ, гдѣ крутизна не велика и гдѣ предпріимчивый непріятель рискнулъ бы даже сдѣлать насыпь, для помѣщенія на ней стѣнобитныхъ машинъ (подобну Владиміру), стѣна *сплошь изъ громаднаго штучнаго камня и толщиною до 1,70 сажени;* далѣе же крутизна слишкомъ велика, и трудно допустить, чтобы непріятель рѣшился здѣсь на подобное предпріятіе,- и стѣна, *сохраняя ту же толщину*, имѣетъ уже другую, менѣе солидную конструкцію, а именно: наружная сторона стѣны толщиною въ 0,70 сажени и внутренняя въ 0,35 сажени, а промежутокъ между ними заполненъ.... сырцовой кладкой. Это несомнѣнно свидѣтельствуетъ о томъ, что, возводя громадныя по величинѣ и стоимости стѣны, Херсонесцы даромъ денегъ не тратили, и, гдѣ было возможно, умѣли быть экономными. Это дѣлается болѣе яснымъ, если обратить вниманіе еще и на то, что наружная стѣна толщиною въ 0,60 сажени *только облицована* на толщину 0,20 штучнымъ камнемъ, а остальная ея часть, толщиною 0,40, сдѣлана *изъ бута на извести*, что до сихъ поръ ни въ юго-восточной, ни въ южной части еще не встрѣчалось. [2])

2) Дальнѣйшій участокъ, имѣя направленіе почти на западъ, а потомъ опять на сѣверъ, остается еще нетронутымъ. Онъ идетъ тоже по значительной крутизнѣ и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ аттака совершенно почти невозможна, а сообразно съ этимъ и стѣна имѣетъ слабую профиль, представляя простую ограду высотою въ 2,50 сажени и толщиною въ 0,50, при чемъ рѣшительно нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы здѣсь были какія-нибудь приспособленія для помѣщенія на стѣнѣ защитниковъ; другими словами, городъ съ этой стороны считалъ себя совершенно обезпеченнымъ и не заботился даже объ устройствѣ помѣщенія для

---

[1]) Дальше я привожу мой взглядъ на систему оборонительной ограды, теперь же лишь указываю въ общихъ чертахъ на относительную силу этого участка. *Примѣч. автора.*

[2]) Кромѣ дуговой стѣны у фланговой круглой башни, у участка между башнями № 1 и № 2, но объ этомъ будетъ сказано дальше. *Прим. автора.*

карауловъ, хотя возможно, что одиночные люди могли помѣщаться за зубцами стѣны (она вѣдь толщиною въ 0,50 сажени). *Стѣна изъ бута и была облицована штучнымъ камнемъ.* Слѣдовательно эта часть стѣны *оборонительнаго значенія* уже *не имѣетъ* и служила лишь *простой оградой*, т. е. имѣла охранительное назначеніе.

Изъ этого описанія слѣдуетъ, что *сила фортификаціонныхъ сооруженій Херсонеса была строго соображена съ опасностью, которая грозила городу въ каждомъ мѣстѣ.*

Переходимъ затѣмъ къ подробному описанію системы оборонительной стѣны.

1) *Юго-восточный участокъ.* Стѣна изслѣдована на всю глубину до скалы, и вездѣ оказалась кладка изъ штучнаго камня (иногда длиною до $^3/_4$ сажени). Въ срединѣ между фланговой круглой [1]) башней и малой четыреугольной находится, отысканная на глубинѣ одной сажени, повидимому, *сточное отверстіе въ стѣнѣ;* находка эта драгоцѣнна потому, что показываетъ приблизительно *горизонтъ* земли, существовавшій въ то время, когда строилась стѣна, при чемъ скала начиналась на 0,20 саж. ниже этого отверстія. Упомянемъ кстати, что нашлась и другая подобная же точка, а именно: *поверхность щебеночнаго слоя шоссейной дороги въ точкѣ А на планѣ,* но точка эта выше предыдущей почти на 0,60 сажени, т. е. болѣе чѣмъ на $1^3/_4$ аршина при разстояніи между этими точками въ 10 саженъ.

2) *Южный участокъ.* Было уже упомянуто, что съ этой стороны только и возможна была постепенная аттака крѣпостной (городской) стѣны, и что поэтому фортификаціонная сила этого участка наибольшая сравнительно со всѣми прочими участками херсонесской стѣны. Было упомянуто и о сдвоенныхъ стѣнкахъ ея. Является существенный вопросъ: что это за сдвоенная стѣнка? Можно относительно этого сдѣлать два предположенія: а) что *обѣ стѣнки* (подобно тому, какъ въ древней Византіи даже три стѣнки одна за другой) *были оборонительными* и б) что *передняя стѣнка была контръ-эскарпомъ рва* [2]). Постараемся разобраться въ этомъ вопросѣ на основаніи результатовъ раскопокъ.

---

[1]) Одиннадцатигранной. *М. С.*

[2]) Въ дѣйствительности контръ-эскарпа въ Херсонесѣ не существовало, а была протехизма, периволъ. См. планъ. *М. С.*

Во-первыхъ, какъ видно изъ профили № 3, *внутренняя стѣна*, состоящая сплошь изъ штучнаго камня [1]), откопана *не на всю глубину*, слѣдовательно нельзя сказать, гдѣ начинается ея фундаментъ и гдѣ, слѣдовательно, былъ и какой вообще, горизонтъ земли у ея подошвы: если же съ этимъ сопоставить то обстоятельство, что на юго-восточномъ участкѣ такая же кладка продолжалась внизъ лишь на 0,20 саж. отъ сточнаго отверстія, обозначающаго горизонтъ, а также остальныя доказательства экономности строителей, то можно допустить, что безъ надобности Херсонесцы не стали бы тратить деньги на возведеніе *въ землѣ* кладки изъ штучнаго камня съ правильными швами и изъ отдѣльныхъ штукъ столь грандіозныхъ измѣреній, какъ указано выше; слѣдовательно, если при раскопкахъ до показанной на профили глубины правильная кладка не кончилась еще, то надо допустить, что не только на всю эту глубину кладка *не была въ землѣ*, а была открыта, но что *открытая* кладка продолжалась еще на большую глубину, гдѣ, наконецъ, окажется *какой-то горизонтъ земли у подошвы этой стѣны*. (Что это за горизонтъ, я укажу дальше). Далѣе, при раскопкахъ въ этомъ мѣстѣ обнаружена гробница съ двускатной крышей, примѣрно на глубинѣ 0,30 отъ показаннаго на профили *дна* раскопокъ. Трудно, конечно, а въ особенности мнѣ, какъ не спеціалисту, опредѣлить, къ какой эпохѣ относится эта гробница [2]), но надо полагать, что по времени она близка ко времени по-

---

[1]) Отсюда получились наибольшіе камни, длиною до 1 сажени, взятые въ музей. *Примѣч. автора.*

[2]) На глубинѣ 2 арш. 4 верш. гробница сложена изъ каменныхъ плитъ, крытая на два ската (см. Отчетъ Имп. Арх. Комм. за 1894 г., стр. 60, рис. 79-ый). Способъ погребенія—трупосожженіе. Внутри гробницы по тремъ сторонамъ, у стѣнъ: юго-западной, сѣверо-западной и юго восточной, стояли восемь глиняныхъ урнъ, одна двурукая и семь одноручныхъ. Гробница по находкамъ и монетамъ можетъ быть отнесена къ римской эпохѣ, ко второй половинѣ I-го вѣка по Р. Хр.

Что же касается сооруженія крѣпостной стѣны, находившейся наверху частью разобранной древнегреческой стѣны, то и она относится къ указанной выше римской эпохѣ. Когда нашли нужнымъ воспользоваться, какъ фундаментомъ, древнегреческой городской оборонительной стѣной, то, разобравши ее на опредѣленный уровень высоты, произвели поверху наращеніе или надстройку стѣны изъ большихъ по размѣрамъ камней прямоугольной формы, положенныхъ ложками съ лица и внутренней стороны, чередуясь узкими тычками какъ совнѣ, такъ и снаружи. Затѣмъ толщь стѣны забучивалась, и потомъ все заливалось известью особенно хорошаго качества. (Аналогичный случай уже встрѣченъ при раскопкѣ въ 1907 г. въ преторіи, у южной стѣны, идущей отъ фланговой башни (у скотнаго двора) къ Карантинной бухтѣ;

строенія стѣнъ, потому что если допустить противное, то вмѣстѣ съ тѣмъ надо было бы допустить и то, что эта гробница устроена на необычайной глубинѣ, чуть ли не въ $1^1/_2$ сажени; да при такомъ устройствѣ ея и при необходимости проникать туда [1]), она должна была бы имѣть какой-нибудь входъ, ступеньки или какой-нибудь люкъ, но ничего подобнаго не оказалось [2]). Изъ этого я вправѣ вывести заключеніе, что показанный на профили горизонтъ раскопокъ *близокъ къ тому горизонту* (какому-то пока), *который былъ у подошвы этой стѣны*.

2) Что касается до *наружной стѣны*, то прежде всего слѣдуетъ указать, что она *вдвое тоньше* внутренней, а кромѣ того (что, по-моему, самое главное), кладка ея сравнительно съ внутренней чрезвычайно ненадежная и сложена такъ: въ одномъ мѣстѣ изъ штучнаго камня (между башней № 2 и угловой), въ остальныхъ же мѣстахъ *бутъ на извести*, сложенъ притомъ *безъ особенной тщательности и даже безъ облицовки*. Изъ этого я вправѣ вывести заключеніе, что *не имѣлось въ виду, чтобы стѣнка эта могла подвергаться ударамъ стѣнобитныхъ машинъ*, потому что въ другихъ мѣстахъ, гдѣ удары ожидались, стѣна имѣетъ грандіозную прочность. Если же эта стѣнка не была оборонительной (т. е. боевой позиціей), то, по своему положенію, она могла быть *только подпорной*, и именно- *стѣной контръ-эскарпа рва* [3]).

также виденъ разломъ у угла башни, равно и разборка стѣны съ башней у берега бухты).

М. И. Гарабурда пишетъ, что отсюда получались „наибольшіе“ камни, длиною до 1-ой сажени, взятые въ музей. Дѣйствительные размѣры ихъ таковы: длина 3 арш. 8 вершк., ширина 1 арш. 4 вершка, толщина $6^1/_2$ вершк. Не лишнимъ будетъ указать здѣсь размѣры камней римской кладки. По херсонесскимъ раскопкамъ 1899 г., слѣва проѣзда къ музею, стѣна А: длина камней 3 арш. $13^1/_2$ вершк., ширина 1 арш. $1^1/_2$ вер., толщина 10 вершк.; изъ раскопокъ 1900 г., справа проѣзда, въ уширенной части A^1: длина камней 3 арш. 6 вер., шир. 1 арш. 4 вер., толщ. $6^1/_2$ вер.; изъ раскопокъ 1906 г., въ прибухточной части береговой стѣны A^2: длина камней 3 арш. 14 вер., ширина 1 арш. 1 вер., толщина $7^1/_4$ вер. Таковы размѣры камней римской поры. Византійская кладка стѣнъ приближалась почти къ кубической формѣ камней, удаляясь отъ прямоугольной, а потому ихъ перевязь была очень плохая: они скоро вываливаются изъ толщи стѣны, что и теперь можетъ быть легко наблюдаемо въ стѣнѣ при въѣздѣ черезъ проломъ къ музею. Дальнѣйшія раскопки стѣнъ въ Херсонесѣ должны дать много новаго по вопросу о строительствѣ городской ограды. *М. С.*

[1]) Въ ней были и жженныя кости и не жженныя, что, *по моему мнѣнію*, значитъ, что ею пользовались не разъ въ разное время. *Прим. автора.*

[2]) Раскопками опредѣлено, что въ гробницу былъ ходъ съ сѣверо-востока. *М. С.*

[3]) Это протехизма, какъ и выше. *М. С.*

Такимъ образомъ заключеніе, къ которому я могу прійти, разсматривая лишь результатъ раскопокъ, можно выразить такъ: *на южномъ участкѣ городская стѣна имѣетъ впереди себя ровъ шириною въ 5,25 сажени съ контръ-эскарпной стѣнкой* [1]).

Это заключеніе противорѣчитъ мнѣнію г. Бертье-Делагарда[2]), который утверждаетъ, что укрѣпленія Херсонеса рвовъ не имѣли, а потому хочется лишь еще указать, что по состоянію тогдашняго военнаго искусства разрушеніе стѣнъ, чтобы по пролому ворваться въ городъ, возможно было лишь громоздкими стѣнобитными машинами, передвигаемыми на колесахъ или каткахъ по настилу. Спрашивается, что могли представить непріятелю большее сопротивленіе: передняя ли, слабая по конструкціи (какъ указано) стѣнка, или широкій и глубокій ровъ, который надо было засыпать, чтобы по образованной насыпи подвести стѣнобитныя машины? Мнѣ кажется несомнѣннымъ, что ровъ представляетъ большее препятствіе, и потому слѣдуетъ допустить, что въ опаснѣйшемъ мѣстѣ херсонесскихъ стѣнъ были примѣнены и самыя дѣйствительныя препятствія движенію непріятеля, въ данномъ случаѣ—*ровъ, а не двойная* оборонительная стѣнка, и что поэтому стѣна имѣла представляемый нами видъ (смотри перспективный видъ фронта стѣны). [3])

Городскія ворота.

Для сужденія о мѣстѣ городскихъ воротъ Херсонеса имѣются слѣдующія данныя:

1) Вдоль стѣнки *Г* шелъ водопроводъ, показанный на профили № 1, а параллельно ему, между стѣнками *Г* и *Д*, другой водопроводъ яйцевиднаго сѣченія (профиль № 2). Оба они значительнаго діаметра и для уменьшенія сопротивленія движенію воды гладко оштукатуренные цемяночной штукатуркой. Далѣе же къ центру города этихъ (назовемъ ихъ—магистралями) магистралей мною не найдено, но зато найдены двѣ параллельныя сѣти изъ гончарныхъ трубъ небольшого діаметра (4″—6″ и 7″) [4]). Но *замѣчательнѣе всего слѣдующее обстоятельство,* обнаруженное при разборкѣ стѣны: водопроводъ профили № 1,

---

[1]) См. планъ. Впереди протехизмы рва не было. *М. С.*

[2]) А. Л. Бертье-Делагардъ вполнѣ правъ, что здѣсь рва не существовало. *М. С.*

[3]) Междустѣнное пространство (протехизма) представляло не меньшую опасность для непріятеля. *М. С.*

[4]) Найдены трубы и большого и малаго діаметра. См. планъ. *М. С.*

дойдя вдоль стѣнки *Г* до городской стѣны, повернулъ подъ прямымъ угломъ въ стѣнку *Г* и прошелъ всю ея толщу. Дальнѣйшее его направленіе не могло быть опредѣлено въ 1894 г., но во всякомъ случаѣ самъ собою является вопросъ: отчего же онъ не прошелъ по прямому направленію сквозь городскую стѣну, а проведенъ *насквозь* же, но только черезъ точку *Г*. Разница въ толщинѣ стѣны незначительна, всего $1^1/_4$ аршина, слѣдовательно, это обстоятельство не могло вліять. Такъ отчего же этотъ водопроводъ уклонился отъ прямой линіи и старается приблизиться къ другому водопроводу (профили № 2)?

Я бы объяснилъ такъ причину этого явленія: во-первыхъ, за городской стѣной шелъ *ровъ*[1]), и надо было устраивать для магистрали или акведукъ черезъ ровъ или сифонъ надъ дномъ рва, но и то и другое неудобно на главной оборонительной линіи (легко могло быть разрушено непріятелемъ), и, во-вторыхъ, между фланговой круглой башней и башней № 1 *были городскія ворота*, черезъ которыя, а затѣмъ и далѣе по *мосту*, проходили *оба водопровода*. Это первое. [2])

2) На мѣстности впереди городской стѣны меня интересовалъ рядъ камней, торчащихъ изъ земли, и завѣдывающій раскопками г. Косцюшко-Валюжиничъ объяснилъ мнѣ, что это остатокъ отъ древняго шоссе, направлявшагося, очевидно, къ городскимъ воротамъ, и притомъ къ этому именно мѣсту, между башнями № 1 и круглой фланговой.

3) Самое же главное доказательство моей мысли въ слѣдующемъ: въ точкѣ *А* между стѣнками *Г* и *Д*, и притомъ ближе къ стѣнкѣ *Г*, рядомъ почти съ яйцевиднымъ водопроводомъ (профиль № 2)[3]), я обнаружилъ старое шоссе на глубинѣ около 1– 2 аршинъ отъ поверхности земли, *мощнымъ слоемъ почти въ 0,30 сажени* щебня, чего теперь не бываетъ. Не могу только не упомянуть объ одномъ непріятномъ обстоятельствѣ, а именно: въ точкѣ *А* шоссе почти горизонтально, а для того, чтобы пройти

---

[1]) Косвенное подтвержденіе моего вывода о существованіи рва. *Примѣч. автора.*

[2]) Моста не было, а водопроводъ былъ пущенъ просто черезъ протехизму подъ мостовой. *М. С.*

[3]) Этотъ цемянковый яйцевидный водопроводъ (профиль № 2) шелъ вдоль нынѣшняго батарейнаго рва и прослѣженъ мною на протяженіи 250 саженъ, считая отъ городскихъ воротъ. Интересно для опредѣленія херсонесской водопроводной сѣти открытіе въ августѣ 1908 года на хуторѣ Іамана водопровода изъ гончарныхъ трубъ, изслѣдованнаго уже на протяженіи 120 саженъ. *М. С.*

черезъ ворота и мостъ (при условіи достаточно глубокаго рва), подъемъ шоссе долженъ быть очень крутъ, чуть ли не въ 0,15 на 1 сажень длины. Вообще въ видахъ выясненія этого пункта не могу не высказать, что я не имѣю еще достаточно данныхъ для опредѣленнаго сужденія о профили стѣны между башнями № 1 и фланговой круглой, но надѣюсь въ 1895 году выяснить этотъ вопросъ вполнѣ раскопками въ точкѣ *А*.

4) Мною открыты участки, покрытые штриховкой, стѣнъ *Г* и *Д* и участокъ тонкой поперечной стѣнки. Невольно напрашивается комбинація, обозначенная мною пунктиромъ и знакомъ ?,—а тогда это не что иное, какъ ретраншаментъ у воротъ, что встрѣчается часто въ древнихъ укрѣпленіяхъ.

Вотъ, пока, всѣ данныя, на основаніи которыхъ я заключаю, что *городскія ворота Херсонеса были между башнями № 1 и фланговой* [1]). Но еще разъ повторяю, что есть сомнѣнія, которыя разсѣются лишь при раскопкахъ въ точкѣ *Б*, когда несомнѣнно обнаружится, какъ присутствіе городскихъ воротъ, такъ и существованіе или отсутствіе рва *въ этомъ мѣстѣ*, а значитъ существованіе или отсутствіе моста черезъ ровъ, по которому могли быть проведены водопроводныя трубы.

Въ заключеніе не могу не указать на слѣдующее обстоятельство:

За угловой башней, въ томъ мѣстѣ, гдѣ сплошная стѣна переходитъ въ двойную стѣнку, съ заполненной внутри ея сырцовой кладкой, показанъ перерывъ стѣны въ двѣ пунктирныя (тире и точка) линіи. Въ этомъ мѣстѣ не было никакихъ признаковъ стѣны [2]), между тѣмъ какъ и вправо и влѣво развалины стѣнъ поднимались на высоту не меньше 1 сажени, а вообще гораздо больше.

Въ своемъ мѣстѣ я указалъ, почему, по моему мнѣнію, стѣна у угловой башни имѣла солидный характеръ, а далѣе была болѣе слабой; кромѣ того, угловая башня совершенно разрушена, такъ что не было никакой возможности возстановить ея планъ [3]). Не указываетъ ли это все вмѣстѣ на то, что на этотъ именно пунктъ Владиміръ Святой велъ аттаку? Это

---

[1]) Это предположеніе вполнѣ подтвердилось найденными при раскопкахъ мраморными пятами для вращенія створокъ воротъ, одной съ надписью; равно подтвердилось существованіемъ воротъ въ протехизмѣ. *М. С.*

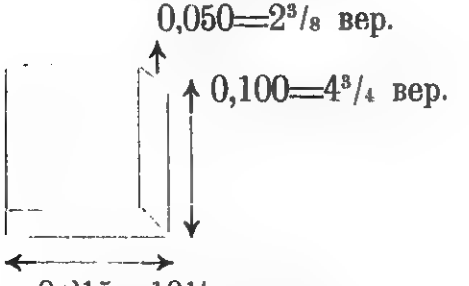
[2]) Въ декабрѣ 1907 г. мною здѣсь была открыта античная стѣна. *М. С.*

[3]) Теперь вполнѣ выяснилась башня съ круглымъ лицомъ, а внутри прямоугольная, со слѣдами ступенекъ, сооруженная на развалинахъ древнегреческой башни. *М. С.*

тѣмъ болѣе мнѣ кажется вѣроятнымъ, что позади двойной стѣнки есть значительная присыпка земли, похоронившая *внутреннюю стѣнку изъ штучнаго камня*. А я уже указывалъ раньше, что не слѣдуетъ допускать, чтобы херсонесцы безъ надобности дѣлали такую кладку въ землѣ, да еще на глубинѣ $1^1/_2$ сажени. Я бы охотно допустилъ, что внутренняя стѣнка изъ штучнаго камня была сначала открытой, а только *впослѣдствіи* къ ней присыпали землю, вынимаемую (согласно лѣтописцу), изъ подкопа изъ насыпи, которую возводилъ Владиміръ снаружи стѣны [1]).

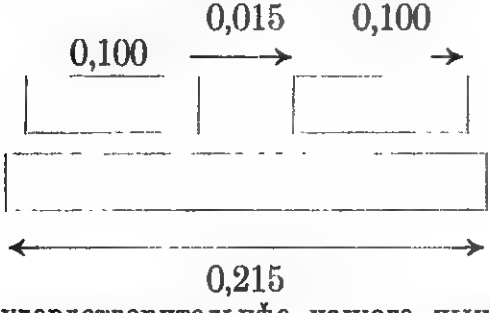
Сырецъ.

Еще одно замѣчаніе о размѣрахъ сырца. Они таковы:



длина	0,215=	$10^1/_4$ вершк.
ширина	0,100=	$4^3/_4$ вершк.
толщина	0,050=	$2^3/_8$ вершк.

Изъ этого видно, что размѣры въ длину и ширину давали возможность правильной перевязки швовъ (чего нѣтъ, напримѣръ, у насъ при нашихъ размѣрахъ кирпича) при толщинѣ шва въ 0,015=ок. $^3/_4$ вершка.



Я это замѣчаніе сдѣлалъ къ тому, что возможно допустить, что для формовокъ этого сырца употреблялись тѣ же формы, что и для жженаго кирпича, значитъ и жженый кирпичъ былъ удовлетворительнѣе нашего нынѣшняго.

---

[1]) Въ западной части стѣны есть пробоина, черезъ которую херсонесцы могли проносить землю въ городъ. Впослѣдствіи эта пробоина была заложена грубымъ сводомъ, сложеннымъ насухо, но не на извести, а внутри заложена была бутомъ. *М. С.*

ПЛАНЪ

Югозападнаго участка оборонительной стѣны

ДРЕВНЯГО

ХЕРСОНИСА,

раскопанной М. И. Гарабурдой работами Военно-Инженернаго Вѣдомства въ 1894 году.

Изъясненіе:

В. Окно на 0,25 выше уступа въ стѣнѣ надъ поломъ башни.

ЕЕЕЕЕЕ. Мѣсто раскопокъ М. И. Скубетова въ декабрѣ 1907 г., результатомъ которыхъ было открытіе античной стѣны.

ЖЖ. Раскопъ вдоль протихизмы, доведенный до скалы, которымъ выяснено, что рва не существовало.

ЗЗЗ. Междустѣнное пространство (перивол).

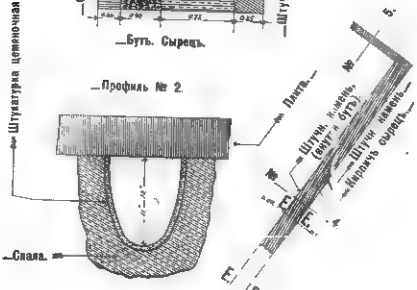
ИИИ. Протихизма (передовая стѣна).

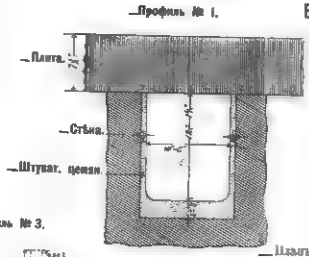
Планъ Четырехъ-абсидной церкви съ позднѣйшимъ поломъ.

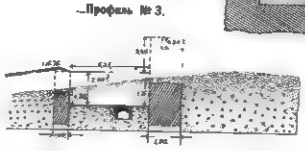
IIII. Стѣны раскопаны работами Военно-Инженернаго Вѣдомства въ 1893 году.

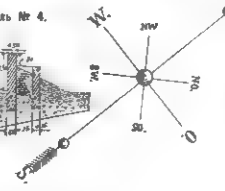
Въ лѣтописи Нестора названо рвомъ, междустѣнное пространство.З.

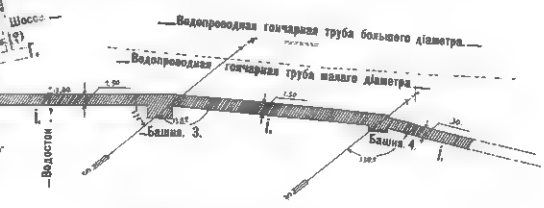
К. Калиточка для вылазокъ.











Масштабъ для плана.

Масштабъ для профилей.

Копія съ рукописнаго плана, составленнаго М. И. Гарабурдой.

Чертилъ и надписывалъ М. И. Скубетовъ.

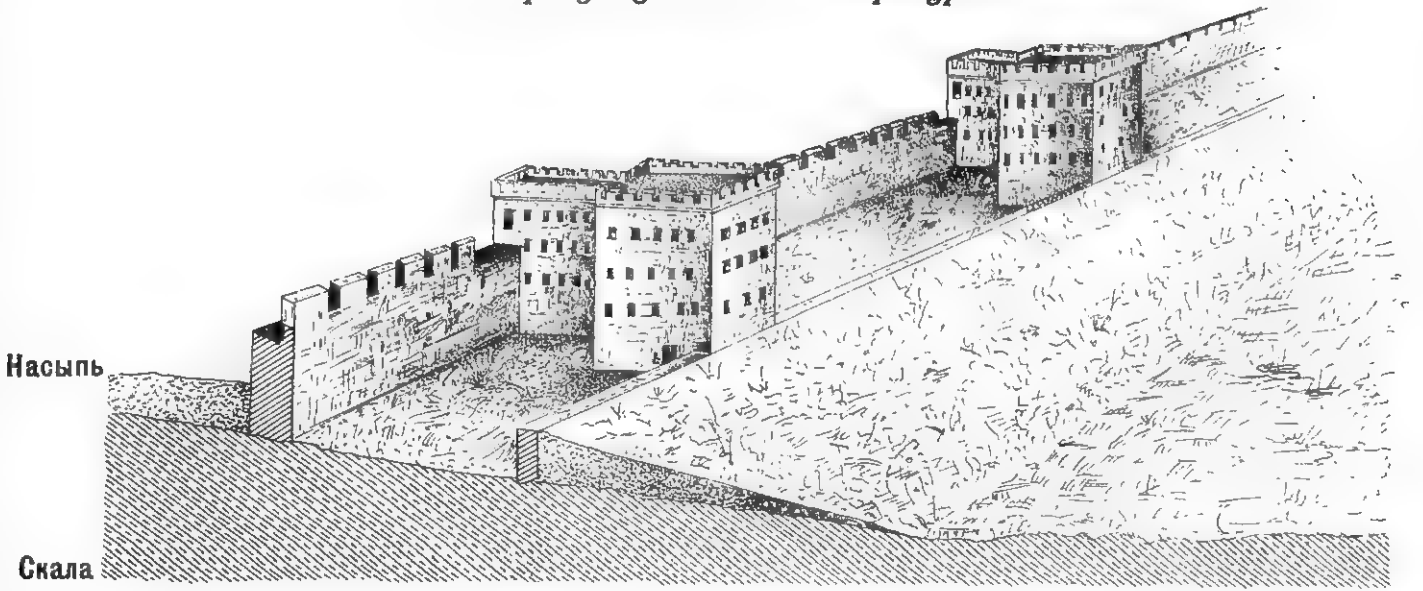
Херсонесъ-Таврическій

Литогр. В. И. Якубанина, Симф.

Юго-западный участокъ оборонительной стѣны древняго

ХЕРСОНИСА.

По рисунку М. К. Гарабурды.



Рисовалъ М. И. Скубетовъ.

ТАРАКТАШСКІЙ КЛАДЪ.

3 іюля 1908 г. въ дер. Малый Таракташъ. при постройкѣ дома во дворѣ поселянина Ибрамъ Селимъ оглу, найденъ былъ кладъ мѣдныхъ Босфорскихъ и Римскихъ монетъ. Монеты были сложены въ небольшой ямкѣ, обмазанной бѣлой глиной, на глубинѣ не болѣе четверти аршина отъ поверхности. Такъ какъ дома поселянъ Малаго Тараташа расположены на довольно крутомъ склонѣ горы Бака-ташъ. то весьма вѣроятно, что землю смыло дождями, и потому кладъ оказался такъ близко къ поверхности. Всѣхъ монетъ, по словамъ очевидцевъ, было около двухъ тысячъ, и онѣ были тотчасъ же расхищены рабочими и дѣтьми, ибо постройка возводилась среди деревни. При осмотрѣ мѣста находки я уже не могъ видѣть самой ямки,—все было перерыто и сглажено. Мнѣ говорили, что съ монетами былъ найденъ кусокъ какой-то ткани, которая однако не сохранилась.

Въ сосѣднемъ дворѣ, шагахъ въ 20-ти отъ мѣста находки, растетъ простая шелковица (Morus alba), стволъ которой, аршина два въ діаметрѣ, корявый и полугнилой, свидѣтельствуетъ о томъ, что мѣстность эта была обитаема очень давно, ибо шелковицѣ этой навѣрное болѣе тысячи лѣтъ.

Изъ числа найденныхъ монетъ я пріобрѣлъ около 600 шт., да имѣлъ возможность просмотрѣть еще около 200; остальныя находятся въ разныхъ рукахъ. И теперь еще мальчишки предлагаютъ ихъ купить проѣзжающимъ въ большомъ числѣ. Сверхъ того, около 400 штукъ продано кому-то въ Карасубазарѣ по 10 коп. штука.

Монеты эти, несмотря на хорошую сохранность, имѣютъ значеніе только по мѣсту нахожденія, ибо до сего времени мнѣ въ Судакѣ и Тараташѣ не попадались Босфорскія монеты, а тѣ, которыя приносили татары, привозились изъ Керчи.

Громадное большинство монетъ принадлежитъ Рискупорису VI-му съ 619 по 628 годъ Босфорской эры. Затѣмъ по количеству слѣдуютъ монеты Θеοδορα, съ 583 по 600 г., еще

меньше Радамсадиса, 607—616 г. Весьма немного монетъ Теирана, 573—576 г., и Савромата, 572, и, наконецъ, только одна Рискупориса III, 507 г. [1])

Римскихъ монетъ гораздо меньше, именно: немного императоровъ Максиміана, Максенція, Максимина, Лициніа и больше всего Константина.

Изъ нижеслѣдующаго перечня монетъ можно, кажется, предположить, что кладъ этотъ относится къ первой половинѣ четвертаго вѣка по Р. Хр.

а) Босфорскія монеты.

Названіе монетъ.		Число монетъ.
1. Рискупорисъ III, 507 г.	. . . . .	1
2. Савроматъ	572 г. Босфорской эры, 4 разновид.	5
3. Теиранъ	573 г. пять, 575 г. двѣ, 576 г. одна	8
4. Θеοδοрсъ	583 г. двѣ разновидности	4
	584 г. двѣ разновидности	7
	586 г.	2
	587 г.	4
	588 г.	1
	590 г. двѣ разновидности	6
	591 г. двѣ разновидности	4
	592 г. двѣ разновидности	6
	593 г. четыре разновидности . .	7
	594 г. три разновидности	9
	595 г. три разновидности	14
	596 г.	10
	597 г. три разновидности	8
	598 г.	5
	599 г.	5
	600 г.	2
	Разныхъ годовъ	5
	Неразобранныхъ	35
5. Радамсадисъ	607 г.	2
	608 г. двѣ разновидности	5
	609 г.	1
	611 г.	4
	612 г.	2
	615 г. другой портретъ царя, 2 разн.	5

*) Въ книгѣ Бурачка его воцареніе отнесено къ 508 г.

Радамсадисъ	616 г. двѣ разновидности	4
	619 г.	1
	Разныя	3
	Неразобранныхъ	8
6. Рискупорисъ	615 г.	2
	616 г. шесть разновидностей . .	11
	617 г. двѣ разновидности	14
	618 г. три разновидности	16
	619 г. четыре разновидности . .	19
	620 г. три разновидности	39
	621 г. четыре разновидности . .	25
	622 г. девять разновидностей . .	36
	623 г. шесть разновидностей . .	20
	Разныхъ годовъ	20
	Неразобранныхъ	131

б) Римскія монеты.

1. Максиміанъ	1
2. Максентій	1
3. Максиминъ	7
4. Лициній	26
5. Константинъ, 7 разновидностей	30
Неразобрана	1
Всего монетъ . . .	582

Для тогдашняго времени кладъ этотъ имѣлъ нѣкоторую цѣнность. Не занесъ ли его въ наши горы какой-либо бѣглецъ изъ Босфорскаго царства при нашествіи гунновъ?

Эти монеты заслуживаютъ болѣе тщательнаго обслѣдованія. Одна монета Рископориса III, повидимому, разрѣшаетъ сомнѣніе Бурачка о годѣ его воцаренія; затѣмъ двѣ монеты—Савромата IV и Теирана—572 и 573 г. Понтійской эры устанавливаютъ время ихъ царствованія.

А. Стевенъ.

Вновь открытый пещерный храмъ

въ Георгіевскомъ Балаклавскомъ монастырѣ.

Въ началѣ 1908 года, при расконкѣ подъ огородъ и для устройства келіи склона берега, на которомъ стоитъ Георгіевскій монастырь, саженяхъ въ двѣнадцати ниже монастырской кухни, открыто было монахами нѣсколько пещеръ, заваленныхъ въ очень давнее время обрушившеюся частью скалы или ея оползнями.

Раньше всего открыта была часть высѣченной въ скалѣ лѣстницы, съ 13 или 14 ступеньками и ясно замѣтнымъ дверным заплечикомъ, ведшая, какъ оказалось далѣе, откуда-то къ пещерному храму. По бокамъ лѣстницы высѣчены были мѣста для отдыха вродѣ лежанокъ. Нижняя часть этой лѣстницы сползла или обрушилась.

Далѣе открыта была маленькая пещерная церковь. Уцѣлѣлъ алтарь и большая часть храма. Храмъ обращенъ почти къ востоку, на 70° отъ N къ оси алтаря. Абсида алтаря полукруглая. Къ ней вплотную примыкаетъ престолъ, отдѣляясь отъ нея лишь узкимъ выступомъ, идущимъ вдоль абсиды, на которомъ могли стоять иконы, священные сосуды, подсвѣчники и разныя принадлежности богослуженія. Абсида и потолокъ надъ престоломъ были оштукатурены, при чемъ известь употреблена была особенно высокаго качества.

Престолъ каменный, выдолбленный изъ цѣльной массы и старательно обработанный. Верхняя часть престола покатая; въ ней четыре пиррона въ $^5/_8$ дюйма, служившіе очевидно для прикрѣпленія каменной (по всей вѣроятности мраморной) плиты. Высота престола 1 арш. $3^3/_4$ вер., длина $12^1/_2$ в., ширина $13^1/_2$ вер. Съ лѣвой стороны престола выемка въ стѣнѣ—очевидно для жертвенника, а съ правой стороны другая выемка, въ видѣ сидѣнія. Надъ престоломъ въ стѣнѣ пирронъ, несомнѣнно остатокъ крючка, на которомъ висѣла лампада.

Алтарь отдѣленъ отъ церкви каменной преградой, цѣльной и также вырубленной въ той же скалѣ, съ царскими вратами посрединѣ. Полъ алтаря поднимается на ступеньку, находящуюся въ царскихъ вратахъ. Ширина врать 1 арш. $2^3/_4$ вер. Высота преграды 1 арш. 9 в. Въ алтарной преградѣ нѣсколько выбитыхъ углубленій, одно изъ нихъ сквозное; такія же углубленія въ южной сторонѣ храма. Вѣроятно, въ нихъ вставлены были деревянныя пробки, къ которымъ прикрѣплялись иконы и другіе предметы. Надъ царскими вратами пирронъ для лампады. Глубина алтаря отъ царскихъ врать 2 арш. $10^1/_4$ вер., ширина 2 арш. $10^3/_4$ вер. Храмъ представляетъ форму трапеціи. Ширина его 5 арш., длина уцѣлѣвшей части $4^1/_2$ арш. Алтарь повернутъ немного вправо, болѣе къ востоку, сравнительно съ линіей храма, и несомнѣнно умышленно. Въ южной и сѣверной стѣнахъ храма высѣчены скамьи въ одну ступень, или сѣдалища. Высота храма 3 арш. 4 в., высота алтаря 2 ар. 13 вер. Разница въ высотѣ церкви и алтаря наблюдается во всѣхъ пещерныхъ нашихъ храмахъ; она происходитъ отъ того, что алтарь на ступеньку выше церкви.

Судя по пятнамъ краски въ алтарной части, можно думать, что здѣсь были фресковыя изображенія, но отвалились.

Никакихъ предметовъ при открытіи этого храма не было обнаружено.

По аналогіи съ долбленными храмами въ другихъ мѣстахъ Крыма, эту церковь можно отнести приблизительно къ IX вѣку. По внутреннему устройству алтарной части она весьма напоминаетъ пещерную церковь въ Черкесъ-Керменѣ.

Вправо отъ пещерной церкви открыта непосредственно примыкающая къ ней большихъ размѣровъ пещера, съ тремя нишами въ задней стѣнѣ на разной высотѣ, но ближе къ потолку. Эта пещера могла быть трапезной. Въ правой сторонѣ пещеры слѣды столба изъ плитняка, подпиравшаго пещеру, въ соотвѣтствіе къ природному выступу съ лѣвой стороны ея. Вѣроятно, въ эту пещеру велъ и особый ходъ, уничтоженный оползнемъ скалы. Съ храмомъ (южной стороной его) она сообщалась особой дверью. Внутренность этой пещеры еще не расчищена отъ обвалившейся массы скалы, образовавшей крѣпкую толщу, почему нельзя пока дать полнаго ея описанія.

Съ лѣвой стороны церкви, гдѣ нынѣ келія монаха, открыта жилая пещера со слѣдами костылей въ стѣнѣ или пирроновъ для устройства деревянныхъ перегородокъ или другихъ надобностей.

Очевидно, здѣсь существовала цѣлая киновія. Въ Георгіевскомъ монастырѣ и раньше было открыто нѣсколько пещеръ на склонѣ берега: въ одной помѣщается монастырская кладовая, въ другой—столярная мастерская. Теперь же открыта *первая* пещерная церковь въ Георгіевскомъ монастырѣ. Нынѣ существующая въ монастырѣ церковь, именуемая пещерною, названа такъ по недоразумѣнію, такъ какъ въ ней не было никакихъ признаковъ церкви.

Между тѣмъ извѣстно, что пещерная церковь въ полугорѣ послужила основаніемъ нынѣшнему Георгіевскому монастырю. „Эту пещерную церковь, говорится въ брошюрѣ „Георгіевскій монастырь въ Крыму“ Ѳ. В. Ливанова, высѣченную въ скалѣ, видѣли еще недавно, именно въ 1814 г., при закладкѣ нынѣшняго храма стараніями бывшаго министра духовныхъ дѣлъ кн. А. Н. Голицына. Очень жаль, что ее срыли, хотя алтарь церкви пещерной виденъ въ скалѣ и доселѣ“. Не эта ли древнѣйшая въ Георгіевскомъ монастырѣ церковь и открыта теперь? Характерно, что открытая пещерная церковь выдолблена какъ разъ противъ той скалы въ морѣ, на которой, по преданію, явлена была икона св. Георгія.

Во всякомъ случаѣ, открытая пещерная церковь въ Георгіевскомъ монастырѣ заслуживаетъ полнаго вниманія и сохраненія, а прилегающая къ ней мѣстность расчистки и изслѣдованія.

Въ заключеніе этой замѣтки считаю долгомъ выразить искреннюю благодарность спутнику моему при осмотрѣ открытой пещерной церкви въ Георгіевскомъ монастырѣ, художнику М. И. Скубетову, прекрасные чертежи котораго иллюстрируютъ мое сообщеніе.

Арсеній Маркевичъ.

ОСТРОВОКЪ ВЪ КАЗАЧЬЕЙ БУХТѢ,

какъ предполагаемое мѣсто кончины

св. Климента, папы римскаго.

„Если вспомнить, что въ Крыму всѣ безъ исключенія событія церковной исторіи, съ необычайною легкостью пріуроченныя къ разнымъ мѣстамъ, безъ малѣйшаго даже признака какого-либо доказательства, вызвали однако возстановленіе или построеніе мнимыхъ памятниковъ, то нельзя не пожелать, чтобы и нашъ островокъ (въ Казачьей бухтѣ), единственный обладающій не только логическими, но и документальными доказательствами на вѣроятность мученія здѣсь св. Климента и несомнѣнность нахожденія тутъ его мощей, не остался заброшенной и даже не очищенной развалиной; это мѣсто должно быть священнымъ для насъ".

Такъ писалъ извѣстный изслѣдователь древностей Крыма А. Л. Бертье-Делагардъ въ 1893 году въ своей книгѣ „Раскопки Херсонеса" [1]). Прошло пятнадцать лѣтъ, и пожеланіе почтеннаго ученаго близко къ исполненію. Въ № 31 „Таврическаго Церковно-Обществ. Вѣстника" за 1908 г. напечатанъ рапортъ настоятеля Херсонесскаго монастыря архимандрита Мелхиседека Преосвященному Таврическому, съ указаніемъ возможности пріобрѣтенія въ собственность Херсонесскаго монастыря этого островка съ колодцемъ, въ видѣ древняго водоема, современникомъ св. Климента, и необходимымъ для устройства дороги къ колодцу количествомъ земли у владѣльца островка отставного адмирала Баля за 800 руб., на что Его Преосвященство Епископъ Алексій изволилъ дать свое разрѣшеніе.

Въ виду важности, которую представляетъ островокъ въ Казачьей бухтѣ, это по истинѣ „священное" мѣсто въ Крыму, и новой стадіи въ его судьбахъ, не будетъ, намъ кажется, из-

[1]) Матеріалы по археологіи Россіи, изд. Императорскою Археологическою Коммиссіею. № 12.

лишнимъ представить здѣсь сводъ свѣдѣній о пребываніи въ этомъ мѣстѣ св. Климента, папы римскаго, нахожденіи мощей его Константиномъ-Философомъ и дальнѣйшихъ событіяхъ въ исторіи этого островка.

Въ концѣ перваго вѣка Херсонесъ сталъ мѣстомъ ссылки христіанъ, почему въ немъ весьма рано возсіялъ свѣтъ христіанства. Въ царствованіе императора Траяна, въ 94 году, сюда былъ сосланъ св. Климентъ, епископъ римскій, третій преемникъ апостола Петра. Въ сказаніяхъ о мученіи св. Климента (по рукописямъ XI, XII и XIII в.в.) говорится, что эта ссылка вызвана была успѣхами его проповѣди въ Римѣ и совершенными имъ чудесами, вызвавшими волненіе въ Римѣ. Императорскій указъ гласилъ: „Пусть Климентъ или принесетъ жертву отеческимъ богамъ, или пусть удалится изъ Рима на вѣчную ссылку за море, въ какой-нибудь пустынный городъ изъ принадлежащихъ къ Херсону". Мѣстомъ ссылки св. Климента, по житіямъ, была мраморная каменоломня. По тѣмъ же сказаніямъ, св. Климентъ удалился изъ Рима со многими послѣдователями и, по прибытіи на мѣсто ссылки, нашелъ въ мраморной каменоломнѣ занятыми работою болѣе 2000 содержавшихся въ этомъ мѣстѣ христіанъ. Св. Климентъ открылъ здѣсь источникъ прѣсной воды, по видѣнію агнца, бившаго ногой въ землю, и продолжалъ свою проповѣдь. Въ мѣстности этой, прилегавшей къ Херсонесу, онъ построилъ, по словамъ житій, 75 церквей и уничтожилъ языческія капища и рощи, вѣроятно и капище богини-дѣвственницы на мысѣ Партеніонъ, находившемся, по Страбону, въ 100 греч. стадіяхъ отъ Херсонеса и пріурочиваемое учеными къ мысу Фіоленту или мысу св. Георгія. Тогда присланный изъ Рима игемонъ приказалъ вывести Климента далеко въ море и, привязавъ ему на шею желѣзный якорь, опустить на дно морское, чтобы и тѣло его не могло достаться христіанамъ. Но само море отступило отъ береговъ почти на двѣнадцать стадій, и христіане, прошедши по сухому дну его, нашли скалу, подобную храму, и лежащее въ ней свѣтлое тѣло мученика, а вблизи скалы былъ и тяжелый якорь. При этомъ ученикамъ Климента было видѣніе не переносить съ этого мѣста мощей его. И каждый разъ, говорятъ житія его, ко дню кончины мученика отступаетъ море на семь дней, открывая доступъ для приходящихъ къ мощамъ [1]).

---

[1]) Русскія древности въ памятникахъ искусства, изд. графомъ И. И. Толстымъ и Н. П. Кондаковымъ. Т. IV, стр. 3—4; 10.

Легенда о томъ, что мѣстомъ ссылки св. Климента былъ Херсонесъ, гдѣ онъ и претерпѣлъ мученическую кончину, сложилась гораздо ранѣе того времени, къ которому относятся рукописи съ указанными сказаніями о его житіи, и за нѣсколько вѣковъ до открытія его мощей Константиномъ-Философомъ. Въ „Мученіи св. Климента“, по предположенію IV вѣка, легенда основана на осушеніи моря и подводномъ храмѣ. Болѣе поздняя и чрезвычайно важная легенда VI вѣка разсказываетъ о чудѣ, совершающемся у гроба мученика. Именно, въ описаніи Святой Земли Ѳеодосія (VI в.), на латинскомъ языкѣ, есть такая вставка: „Также г. Херсонъ, что у моря Понта; тамъ претерпѣлъ мученіе святой Климентъ; гробница его въ морѣ, гдѣ было брошено его тѣло; этому святому Клименту былъ привязанъ на шею якорь, и теперь, въ день его памяти, всѣ, народъ и священники, садятся въ ладьи, и когда приплываютъ туда, море высушиваетъ 6 миль, и на мѣстѣ, гдѣ находится самая гробница (arca), раскидываются шатры, и сооружается алтарь, и въ теченіе восьми дней служатся тамъ литургіи, и Господь совершаетъ тамъ много чудесъ: тамъ изгоняются бѣсы, и если кто изъ одержимыхъ получитъ возможность прикоснуться къ якорю и прикоснется, то сейчасъ исцѣляется“. (Описаніе Святой Земли Ѳеодосія. Палестинскій Сборникъ, вып. 28, 1891, стр. 5—6).

Подводная церковь св. Климента извѣстна и въ нашихъ духовныхъ стихахъ. Въ стихѣ „О Голубиной книгѣ“ говорится:

Посреди моря Океанскаго
Выходила церковь соборная,
Соборная, богомольная,
Святаго Климента, попа Римскаго.

Въ началѣ второй половины IX вѣка совершилось важное событіе въ христіанскомъ мірѣ, открытіе мощей св. Климента. Константинъ-Философъ, посланный императоромъ Михаиломъ III къ хазарамъ для проповѣди христіанской вѣры, посѣтилъ Херсонесъ и пробылъ здѣсь нѣкоторое время. На обратномъ пути изъ хазарской земли, онъ, по сказанію житій его, проповѣдовалъ слово Божіе въ „Фульстѣ странѣ“ (въ Крыму) и срубилъ огромный дубъ, предметъ почитанія туземцевъ-язычниковъ, а затѣмъ снова прибылъ въ Херсонесъ. Ему, безъ сомнѣнія, извѣстно было преданіе о пребываніи вблизи этого города св. Климента, и своимъ пребываніемъ въ Херсонесѣ онъ воспользовался для розысковъ мѣста его мученической кончины. Труды его увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Объ этомъ событіи дошли до насъ

подробныя свѣдѣнія, которыя изложены въ прекрасной книгѣ профессора Ю. А. Кулаковскаго: „Прошлое Тавриды“ [1]).

Въ письмѣ одного современника этого событія, библіотекаря Анастасія (написано между 875 и 879 г.), даны нѣкоторыя живыя подробности открытія мощей, а также и свѣдѣнія о положеніи Херсонеса въ ту пору. По свидѣтельству Анастасія, Херсонесъ непосредственно граничилъ съ Хазарской землей, и со всѣхъ сторонъ его тѣснили язычники; населеніе его казалось „скорѣе жителями тюрьмы, чѣмъ города“, такъ какъ оно не смѣло изъ него выходить. Часть херсонской земли совершенно опустѣла; въ разрушеніе пришелъ и тотъ храмъ, находившійся неподалеку отъ города, въ которомъ покоились мощи св. Климента. Разспросы Константина-Философа у мѣстныхъ жителей относительно чудеснаго отлива моря отъ этого храма не приводили къ выясненію мѣстонахожденія его, такъ какъ память о св. Климентѣ уже исчезла у жителей Херсонеса, чудо давно уже перестало совершаться, считалось невѣроятнымъ и возбуждало насмѣшки; храмъ, построенный, по преданію, руками ангеловъ, былъ разрушенъ при вторженіи варваровъ, а самый городъ заселяли не туземцы, а пришельцы изъ разныхъ варварскихъ народовъ, даже лютые разбойники. Однако кое-какія воспоминанія или указанія были, потому что Константинъ-Философъ отправился на поиски мощей на суднѣ къ какому-то острову и, открывъ ихъ, вернулся въ тотъ же день въ Херсонесъ. Епископомъ Херсонеса былъ въ ту пору Георгій, а неподалеку отъ города пребывалъ находившійся въ изгнаніи епископъ Смирнскій Митрофанъ, котораго туда сослалъ патріархъ Фотій. Обрѣтеніе мощей совершилось 30 декабря, вѣроятно, 862 г. при участіи епископа Георгія и всего херсонскаго населенія, такъ какъ всѣхъ сумѣлъ воодушевить Константинъ-Философъ. Анастасій могъ узнать о подробностяхъ этого дѣла какъ отъ епископа Митрофана, такъ и отъ самого Константина-Философа. (Зап. Импер. Академіи Наукъ, 72, 1893, кн. 1, № 6. Ягичъ).

Въ такъ называемой „Итальянской легендѣ“, составленной очень скоро послѣ этого событія и, быть можетъ, даже со словъ самого Константина, также подробно разсказано объ открытіи мощей св. Климента. Послѣ усердной молитвы Богу, Константинъ взошелъ на корабль съ епископомъ Херсона и клиромъ.

[1]) Юліанъ Кулаковскій. Прошлое Тавриды. Краткій историческій очеркъ. Кіевъ, 1906 г., стр. 74—77.

Приплывши къ острову, онъ обошелъ его со свѣтильниками и приступилъ къ разрытію развалинъ храма, гдѣ и были обрѣтены мощи и якорь, орудіе смерти мученика. Ковчегъ съ костями былъ отнесенъ на корабль и перевезенъ съ пѣснопѣніями на берегъ. Правитель города вышелъ на встрѣчу, и мощи были положены въ церкви св. Созонта, стоявшей вблизи города, затѣмъ ихъ отнесли въ церковь св. Леонтія, а оттуда, взявши ковчегъ съ мощами, обошли весь городъ и положили ихъ въ главной церкви города, св. Софіи. (Legenda Italica. Vita cum translatione S. Clementis. A. ss. Martii II, 19—21.—Бильбасовъ. Кириллъ и Меѳодій, 1868, п. 1. 62). Въ болѣе позднихъ редакціяхъ сказанія говорится, что Константинъ нашелъ мощи св. Климента не на островѣ, а среди моря.

Уѣзжая изъ Херсонеса обратно въ Константинополь, Константинъ увезъ съ собою часть мощей св. Климента, которая впослѣдствіи была доставлена въ Римъ, гдѣ и донынѣ покоится въ базиликѣ имени этого святого. Другая часть мощей была взята св. Владиміромъ въ Кіевъ.

То же событіе описано участникомъ его, но безъ упоминанія имени Константина, въ „Словѣ о перенесеніи мощей св. Климента". (Погодинъ. Кирилло-Меѳодіевскій Сборникъ. М. 1865 г., стр. 321). До послѣдняго времени это слово приписывалось самому Константину-Философу. Въ нѣкоторыхъ источникахъ заслуга обрѣтенія мощей св. Климента приписывается священнику Филиппу [1]).

„Независимо отъ того, къ какому времени отнесемъ мы житіе св. Кирилла въ его славянской редакціи, говоритъ проф. Шестаковъ, и во всемъ его составѣ, слѣдуетъ отмѣтить, что главы, посвященныя въ ней Хазарской его миссіи, въ томъ числѣ и глава 8-ая, касающаяся пребыванія св. Кирилла въ Херсонесѣ, представляетъ одинъ изъ древнихъ элементовъ житія. Этотъ разсказъ основанъ на древнихъ источникахъ" [2]).

Весьма вѣроятно, что вскорѣ послѣ открытія мощей св. Климента *на какомъ-то островѣ*, храмъ на этомъ мѣстѣ былъ вновь построенъ. Храмъ на островѣ близъ Херсонеса несомнѣнно существовалъ въ XIII вѣкѣ. Его видѣлъ Рубрукъ, проѣзжавшій въ маѣ 1253 г. на суднѣ изъ Константинополя въ Сугдею. Въ описаніи своего путешествія онъ упоминаетъ объ островѣ близъ

[1]) Шестаковъ. „Очерки по исторіи Херсонеса въ VI—X вв. по Р. Хр.", въ Памятникахъ Христіанскаго Херсонеса, вып. III, стр. 51.

[2]) Ibid. стр. 49 – 50.

Херсонеса и церкви на немъ, которая, по разсказамъ мѣстныхъ жителей, была построена руками ангеловъ на мѣстѣ, гдѣ пострадалъ св. Климентъ. Рубрукъ не заѣзжалъ въ Херсонесъ, но церковь очевидно существовала и была въ хорошемъ состояніи, если ее можно было видѣть съ моря.

Покореніе Крыма татарами и гибель Херсонеса изгладили изъ памяти мѣстныхъ жителей воспоминанія о пребываніи вблизи этого города св. Климента: разрушенъ былъ и храмъ на мѣстѣ его кончины. Прошло много вѣковъ, и только съ присоединеніемъ Крыма къ Россіи мало-по-малу сталъ подниматься вопросъ о пребываніи въ немъ святого папы римскаго.

Съ легкой руки Богуша Сестренцевича былъ сочтенъ мѣстомъ ссылки св. Климента Инкерманъ, и это мнѣніе стало все чаще и чаще повторяться и закрѣплено было въ 1852 году открытіемъ Инкерманскаго скита архіепископомъ Иннокентіемъ. Ошибочность такого предположенія рѣшительно была доказана А. Л. Бертье-Делагардомъ.

Въ своемъ обслѣдованіи древностей Инкермана, А. Л. Бертье-Делагардъ неизбѣжно долженъ былъ коснуться и допускаемаго пребыванія въ немъ и мученія св. Климента, убѣдился въ совершенной невозможности этого пріуроченія и обстоятельно доказалъ это въ капитальномъ своемъ трудѣ: „Остатки древнихъ сооруженій въ окрестностяхъ Севастополя и пещерные города Крыма“ [1]). „Самая ссылка и мученія св. Климента, говоритъ онъ, кажется не извѣстны исторіи; достовѣрно только, что онъ правилъ римскою церковью съ 92 по 101 годъ, все же остальное легенда; но и допуская вѣрность этого сказанія, пріурочиваніе изгнанія св. Климента къ Инкерману, а тѣмъ болѣе построеніе имъ церкви въ этомъ мѣстѣ, я считаю весьма неудачною догадкою, совершенно несоотвѣтствующею даже житію Святого“.

Въ то же время, занимаясь изслѣдованіемъ вопроса о старомъ, древнѣйшемъ Херсонесѣ, относимомъ, согласно показаніямъ Страбона, къ мѣстности вблизи нынѣшняго херсонесскаго маяка, А. Л. Бертье-Делагардъ въ 1890 г. обратилъ вниманіе на слѣды крѣпостной ограды, или стѣны, идущей отъ открытаго моря къ началу, т. е. верховью Казачьей бухты, гдѣ эта стѣна оканчивается башней на искусственномъ, образованномъ путемъ насыпи камня островкѣ, который соединенъ съ берегомъ перешейкомъ, затопляемымъ моремъ при нагонахъ воды.

---

[1]) Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, т. XVI, 1886 г., стр. 210—227.

На этомъ островкѣ въ Казачьей бухтѣ, въ 12 верстахъ отъ Херсонеса, *единственномъ въ окрестностяхъ Херсонеса*, если не считать песчаной отмели въ срединѣ Песочной бухты, находились развалины, которыя видѣлъ еще акад. Палласъ. Онъ призналъ ихъ исключительно за крѣпостцу со стѣнами и нѣсколькими башнями. Въ 1820 году Муравьевъ-Апостолъ, посѣтившій Казачью бухту, видѣлъ здѣсь только груды развалинъ. Онъ указалъ, что пространство этого острова не болѣе 12 саж. во всѣ стороны. Въ 1845 г. произвелъ здѣсь раскопки морякъ князь Барятинскій, обнаруживший остатки церкви съ полукруглымъ алтаремъ и девять жилыхъ помѣщеній; найдено было и нѣсколько предметовъ, вполнѣ тожественныхъ съ обычными церковными находками въ Херсонесѣ: мраморная плита въ $1^1/_2$ арш. длины и ширины съ крестами, находящаяся въ херсонесскомъ монастырскомъ музеѣ, нѣсколько обломковъ мрамора, 4 монеты Романа I (960—963), важныя для опредѣленія времени построенія церкви, и т. п. Въ 1848 г. Аркасъ сообщилъ новыя данныя объ этомъ островѣ: окружность острова 60 саж., насыпь же, соединяющая его съ берегомъ, длиной 3 саж.

Остановилъ свое вниманіе на этомъ островѣ и А. Л. Бертье-Делагардъ, пришедшій къ выводу, что „*этотъ островокъ, образованный сначала крѣпостной оградой Херсонеса, впослѣдствіи былъ занятъ византійско-христіанскими постройками, находившимися въ прямой связи съ открытіемъ мощей св. Климента, какъ то можно доказать документальными данными*“.

Свои соображенія и выводы А. Л. Бертье-Делагардъ обстоятельно и вполнѣ доказательно изложилъ въ вышеупомянутомъ трудѣ: „Раскопки Херсонеса“ [1]). Приведя легенды о св. Климентѣ и открытіи мощей его Константиномъ-Философомъ, онъ съ полною убѣдительностью пріурочиваетъ эти описанія не къ Инкерману, а къ островку въ Казачьей бухтѣ.

Разстояніе островка отъ Херсонеса вполнѣ отвѣчаетъ указаніямъ въ легендѣ объ открытіи мощей св. Климента, 6 миль (конечно римскихъ), и Константинъ легко могъ въ одинъ день доѣхать на лодкѣ къ острову, открыть мощи и вернуться. По житію, Константинъ-Философъ къ полудню прибылъ на островъ, а къ вечеру вернулся. Поѣхали моремъ, вѣроятно, на основаніи прежнихъ описаній, а также вслѣдствіе дурныхъ дорогъ къ островку и боязни варваровъ, по всей вѣроятности хазаръ, державшихъ тогда городъ почти въ осадѣ. „Вѣроятно, по причинѣ

[1]) Матеріалы по археологіи Россіи, т. 12, стр. 57—64.

той же боязни варваровъ, не было и церкви на мѣстѣ нахожденія мощей св. Климента".

Далѣе, въ редакціи житій святыхъ Метафраста (X в.) находится извѣстіе о мраморныхъ каменоломняхъ, въ которыхъ работалъ св. Климентъ, и о вывозѣ отсюда мрамора во внутреннія мѣста имперіи. Между тѣмъ мраморныхъ каменоломенъ по близости Херсонеса нѣтъ, какъ нѣтъ ихъ и въ Инкерманѣ. Но А. Л. Бертье-Делагардъ указываетъ, что древнія каменоломни существовали вблизи вершинъ балокъ, впадающихъ въ Камышовую и Казачью бухты, и еще далѣе, на высотахъ между Балаклавою и Чоргуномъ, гдѣ дѣйствительно добывался мраморъ, о чемъ говоритъ легенда. Наконецъ, мѣста здѣсь пустынныя и безводныя, вполнѣ соотвѣтствующія сказанію о мученіи св. Климента, гдѣ говорится, что безводіе заставляло ходить за 45 стадій, т. е. 8 верстъ, чтобы добыть воды. Только здѣсь есть и родники, легко засоряющіеся и исчезающіе, но въ хорошіе годы, при тщательной расчисткѣ, превращающіеся въ рѣчки, что вполнѣ отвѣчаетъ легендѣ, въ которой говорится: „источникъ, еже проліяся, рѣкою сотворися". А въ Инкерманѣ течетъ цѣлая рѣчка. И мѣсто здѣсь пустынное, между тѣмъ какъ Инкерманъ, уже по своему положенію, былъ и въ то время мѣстомъ населеннымъ.

Такимъ образомъ, болѣе чѣмъ вѣроятно, что именно здѣсь совершилось открытіе мощей св. Климента [1]).

Раскопки А. Л. Бертье-Делагарда, при участіи покойнаго К. К. Косцюшко-Валюжинича [2]), къ сожалѣнію, не были окончены. Вотъ что говоритъ о нихъ А. Л. Бертье-Делагардъ: „На островкѣ оказалась цѣлая группа мелкихъ зданій, окружающихъ небольшой дворъ и маленькую церковь, походящую въ планѣ на церкви-часовни византійскаго городища (въ Херсонесѣ); въ общемъ все это несомнѣнно составляло монастырекъ. Можно

---

[1]) Въ недавнее время галицкій ученый Ив. Франко въ своемъ трудѣ „Сьвятий Климент у Корсуні" (Записки Науковаго Товариства імени Шевченка, 1902—1905 г.) этимъ островомъ считаетъ о. Левки. Но онъ совершенно замалчиваетъ археологическія изслѣдованія на островкѣ въ Казачьей бухтѣ, или не знакомъ съ ними.

[2]) Въ 1891 г., вскорѣ послѣ производства раскопокъ на островкѣ въ Казачьей бухтѣ и мѣстности, считающейся старымъ Херсонесомъ, К. К. Косцюшко-Валюжиничъ помѣстилъ въ № 13 „Извѣстій Таврической Ученой Архивной Коммиссіи" весьма интересную статью: „Важное археологическое открытіе въ Крыму", въ которой описалъ открытіе двухъ стѣнъ, шедшихъ отъ верховьевъ Казачьей бухты до открытаго моря, и сдѣланныхъ при этомъ находкахъ, и открытіе остатковъ монастыря на насыпномъ островкѣ въ Казачьей бухтѣ.

думать, судя по плану, что церковь имѣла подпольный ярусъ, родъ крипты, низъ котораго уцѣлѣлъ, на высоту 1 — 1½ арш., верхняя же часть церкви исчезла совсѣмъ. Въ одно изъ отдѣленій, очень узенькое, продѣланъ широкій ходъ сбоку, и стѣна церкви тутъ (съ сѣв. стороны) поддержана столбомъ и аркою. Подходъ къ этому мѣсту состоялъ изъ нѣсколькихъ маленькихъ помѣщеній, составлявшихъ родъ корридора. Безъ особой натяжки можно предположить, что устройство особаго отдѣленія, доступнаго извнѣ церкви по отдѣльному боковому ходу, вызвано какимъ-либо особымъ обстоятельствомъ; ни въ Херсонесѣ, ни гдѣ-либо въ Крыму ничто подобное не встрѣчалось. Можно не безъ основанія думать, что этимъ особымъ обстоятельствомъ и было желаніе сдѣлать удободоступною именно самую могилу, въ которой найдены мощи св. Климента, бывшую подъ поломъ церкви. Это вполнѣ отвѣчаетъ общераспространенному обычаю погребать тѣла мучениковъ въ особыхъ криптахъ подъ церквами, съ отдѣльнымъ къ нимъ входомъ. Иное объясненіе особенностей отдѣленій подполья церкви трудно придумать. Дворъ монастыря и полъ криптъ находятся почти на уровнѣ моря и даже покрываются водою при большихъ ея нагонахъ; это обстоятельство, конечно, и указало на необходимость поднять самую церковь во второй ярусъ. При такихъ неудобствахъ мѣста, рѣшились на такую постройку, надо думать, только подъ вліяніемъ особыхъ причинъ, которыми и могли быть нахожденіе и погребеніе тѣла, вѣроятно, тутъ же утопленнаго св. Климента. Заливаніе моремъ двора и могилы отчасти объясняетъ легенду о подводномъ храмѣ, построенномъ ангелами; но также возможно и обратное, т. е. что самая могила нашлась именно здѣсь подъ вліяніемъ легенды и нѣкотораго сходства съ нею мѣстности".

Небольшой храмъ, развалины котораго, между прочимъ часть бѣломраморнаго пола, открыты здѣсь, воздвигнутъ, вѣроятно, уже послѣ открытія мощей. А. Л. Бертье-Делагардъ полагаетъ, что память о значеніи этого островка и церкви на немъ сохранялась весьма долго, такъ что незадолго до покоренія Крыма русскими, несмотря на общее запустѣніе всѣхъ этихъ мѣстъ и упадокъ христіанства въ Крыму вообще, на этомъ островкѣ существовалъ греческій монастырь, настолько хорошо сохранившійся, что показанъ на первыхъ инструментальныхъ планахъ Крыма, исполненныхъ на основаніи русскихъ съемокъ, во время первой турецкой войны 1772 г. На первыхъ нашихъ картахъ Крыма показанъ не только монастырекъ, но и дорога

къ нему. Но монастырь этотъ едва ли былъ обитаемъ. По крайней мѣрѣ, тогдашній греческій митрополитъ Игнатій, давшій намъ списокъ церквей, оставленныхъ греками при выселеніи изъ Крыма въ 1778 г., умолчалъ объ этомъ монастырѣ. Нѣтъ упоминаній о немъ и въ оффиціальныхъ спискахъ церквей того времени.

Профессоръ Айналовъ въ „Памятникахъ христіанскаго Херсонеса“ (вып. 1. Развалины храмовъ), 1905 г., въ виду незначительности жилыхъ помѣщеній и самой церкви-часовни на островкѣ въ Казачьей бухтѣ, не видитъ въ нихъ монастыря, а особое священное мѣсто, при которомъ жили монашествующіе.

Осуществленіе заслуживающаго полнаго вниманія ходатайства архимандрита Херсонесскаго монастыря вызоветъ, несомнѣнно, подробное обслѣдованіе развалинъ, находящихся на островкѣ въ Казачьей бухтѣ при участіи археологовъ, которое внесетъ новый свѣтъ въ вопросъ о значеніи этихъ развалинъ и важность этого священнаго мѣста въ Крыму. Желательно, чтобы надежды почтеннаго А. Л. Бертье-Делагарда осуществились какъ можно скорѣе.

Въ настоящей замѣткѣ мы ничего не говоримъ о развалинахъ на островкѣ въ Казачьей бухтѣ съ археологической точки зрѣнія и о сдѣланныхъ тамъ находкахъ, такъ какъ это не имѣетъ прямого отношенія къ ея задачѣ. Планъ этихъ развалинъ, исполненный художникомъ М. И. Скубетовымъ, прилагается къ нашей статьѣ.

Арсеній Маркевичъ.

Планъ островка въ Казачьей бухтѣ.

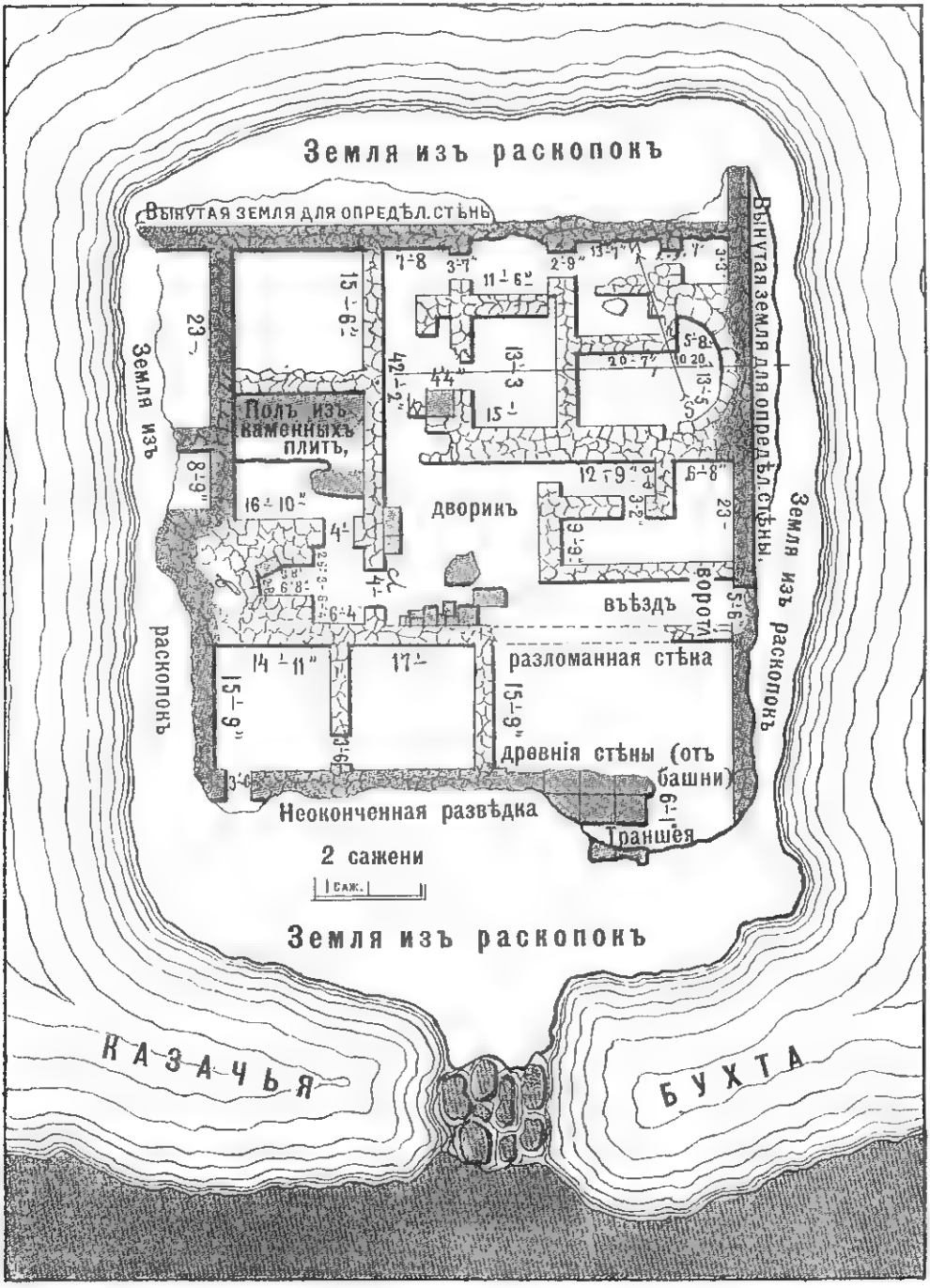


Рис. М.И. Скубетова

КЪ ВОПРОСУ

о мученіи св. Климента, папы римскаго,

ВЪ КРЫМУ.

Рѣшеніе, данное А. Л. Бертье-Делагардомъ вопросу о мѣстѣ нахожденія Константиномъ-Философомъ св. мощей около Херсонеса, прочно обосновано, какъ наиболѣе вѣроятное. Но остается открытымъ другой,—кто былъ этотъ св. мученикъ. Житія Свв. Кирилла и Меѳодія такимъ считаютъ св. Климента, епископа римскаго. Основаніемъ для нихъ не могъ служить лучшій знатокъ римской церковной древности св. Ириней Ліонскій, не знавшій мученика папы Климента (III, 3, 3). Евсевій, пользовавшійся свѣдѣніями Егесиппа (II в.), опредѣленно говоритъ: Κλήμης Εὐαρέστῳ παραδοὺς τὴν λειτουργίαν, ἀναλύει τὸν βίον, τὰ πάντα προστὰς ἔτεσι ἐννέα τῆς τοῦ θείου λογου διδασκαλίας (Ц. И. III, 34). Въ древней церкви передача епископской каѳедры однимъ другому не была явленіемъ исключительнымъ, но происходила только передъ смертью перваго (Сократъ. Ц. И. II, 6; IV, 20, 37; VII, 46). Выбытіе же епископа изъ города еще не дѣлало его каѳедры вакантной [1]). Поставленіе Евареста предшествовало кончинѣ Климента, а не ссылкѣ; слѣдовательно кончина Климента произошла тамъ же, гдѣ и поставленіе Евареста. Рѣшительное τὰ πάντα значитъ, что Евсевій не оставляетъ времени для проповѣдническаго служенія Климента въ епископскомъ санѣ гдѣ-либо внѣ Рима.

Бл. Іеронимъ въ книгѣ о знаменитыхъ мужахъ (392 г.) (гл. XV; р. п. ч. V, 301) заявляетъ: „онъ (Климентъ) скончался въ третій годъ царствованія Траяна и память о немъ донынѣ

---

[1]) Св. Игнатій Богоносецъ и по высылкѣ изъ Антіохіи продолжаетъ быть епископомъ ея (ep. ad Magn. c. XIV; ad Trall. c. XIII); каѳедра принадлежитъ ему (ad Rom. c. IX), и лишь по его кончинѣ переходитъ къ другому (Mart. Vatic. XII, 4).

хранить въ честь его воздвигнутый въ Римѣ храмъ". Іеронимъ, ясно, не знаетъ ничего о мученической кончинѣ Климента. Между 398 и 400 (Bardenhewer Patrol.², 398) Руфинъ въ соч. „О порчѣ книгъ Оригена" первый называетъ Климента мученикомъ (Іеронимъ Апол. пр. Руфина, кн. II, 18 гл.; р. п. V, 63). Папа Зосимъ въ 417 г. (Бароній г. 417, 20) говоритъ о базиликѣ св. Климента, который запечатлѣлъ мученичествомъ (ученіе апостола Петра). Анонимный Предестинатъ (полов. V в., Ю. Галлія, Bardenhewer², 533) называетъ Климента dignissimus martyr (Harnack. G. d. Achr. Litt. I, 2, 779). Но Евхерій Ліонскій, писатель той же эпохи (еписк. 424—45%) и мѣстности, еще ограничивается утвержденіемъ, что Климентъ (сенаторъ, родственникъ Цезарей, ученый и образованный человѣкъ) процвѣталъ въ христіанской жизни и сталъ епископомъ Рима (MPL. 50, 718), не упоминая о его мученичествѣ. Liber pontificalis, I-ая часть котораго составлена при папѣ Бонифаціи II (Bardenh. 579), Клименту, увѣнчанному мученическимъ вѣнцомъ, приписываетъ много сочиненій въ защиту христіанства [1]). Ѳеодосій (VI в.; Бертье-Делагардъ. Древности южной Россіи. Раскопки Херсонеса, 59 стр.) указываетъ и мѣсто мученичества Климента; Григорій Турскій (ок. 590 г. Bard. 568) излагаетъ обстоятельства ссылки и мученичества Климента въ Херсонѣ. Беда и дальнѣйшіе западные хронисты повторяютъ эти извѣстія.

На западѣ преданіе о мученичествѣ Климента римскаго въ Херсонесѣ Таврическомъ расширяется постепенно, начиная съ Руфина и принявъ окончательную форму у Анастасія Библіотекаря.

Не то видимъ на Востокѣ. Въ спискѣ LXX учениковъ, приписываемомъ Дороѳею Тирскому (IV в.? Krumbacher. Geschicht. Byz. Litter², 392; Hergenröther. Photius I, 660), Климентъ—епископъ Сардикскій (MPG. 92, 1065); по Иппполиту Ѳивскому—епископъ Сардинскій (MPG. 10, 957), по греческому синаксаристу (Никодимъ 10, іх)—Сардскій, по минеѣ и печатному синаксарю—Сардикскій. Пасхальная хроника (VII в.) подъ 104 г. помѣщаетъ естественную кончину Климента еп.

[1]) Гарнакъ (op. cit. I, 2, 777—780) перечисляетъ 16 сочиненій, приписываемыхъ Клименту, который не во всѣхъ случаяхъ отчетливо именуется римскимъ епископомъ. Любопытно, что нѣчто подобное встрѣчаемъ и у нѣкоторыхъ греческихъ авторовъ: у преп. Нила (430) Климентъ римскій философъ (MPG. 79, 220); у Діонисія пс.—Ареоп. (MPG. 3, 824)—Климентъ философъ; у Анаст. Синаита—(VII в.) (MPG. 89, 49)—Климентъ, извѣстный своей мудростью и знаніемъ.

римскаго, отъ котораго отличаетъ автора Клементинъ—Климента хронографа (MPG. 92, 564. Ср. Созом. Ц. И. I, 1). О Херсонѣ, какъ мѣстѣ мученической кончины Климента, говорятъ два мартирія Климента, приложенныхъ къ I и ко II Epitome Clementinorum (ed Dressel). Наиболѣе исправный текстъ II мартирія издалъ Функъ (Patres apost. II, p. 28—44); его слѣдуетъ признать древнѣйшимъ сравнительно съ I мартиріемъ, лишь перифразирующимъ его и расширяющимъ реторически. Очень трудно сказать, составляютъ ли мартиріи одно цѣлое съ эпитомами, или же они позднѣйшія прибавленія (Harnack. I, 1, 219; Uhlhorn. R. E. III, 282).

Прочитывая II-ю, болѣе чистую редакцію мартирія по изд. Функа, можно замѣтить слѣдующее:

Въ I гл. 2, излагается содержаніе Протрептика Климента Александрійскаго.

VI „ 2. Авторъ живетъ въ эпоху, когда disciplina arcana была еще въ полной силѣ, т. е. не позже V в. (Funk KG.², 59).

XIV „ 3. Крещеніе младенцевъ—обычное явленіе, а такимъ оно стало къ V в. (Funk. 170).

XV „ —κόμης σφρικίων встрѣчается со времени Юліана (Dressel. p. 109, c. 164, n. 1), magister off. —со времени Константина Великаго (Hezberg. G. röm. Kaiserzeit. 702). Таркутіанъ, подкупавшій префектовъ регеоновъ, напоминаетъ Таркватія, обвиненнаго Виѳинцами во взяточничествѣ (Тацитъ. Анналы XIV. 46; р. п. II, 317).

XVII „ 1. „Отъ благороднаго корня“,—авторъ очевидно стоитъ подъ вліяніемъ Клементинъ (I Ep. t. 76 гл.; II, 76).

„ 2. „Безпорядочные крики невѣждъ“—авторъ приспособляется къ условіямъ жизни христіанъ во II в. (Евс. Ц. И. IV, 9. 26).

„ 2. 3. Презрительное отношеніе къ толпѣ и исключительное вниманіе Кл. къ власти однородно такому же св. Поликарпа. См. (Евс. Ц. И. IV, 15).

XXII гл. Быстрое и широкое распространеніе христіанства въ Херсонѣ и окрестностяхъ. Во II в. это извѣстно только относительно Виѳиніи и Понта (письмо Плинія. Терновскій. Три первые вѣка христіанства. 96).

XXIII. „ 1. Въ связи съ предыдущимъ „злобный докладъ" становится въ параллель съ письмомъ Плинія. Дѣйствія Авфидіана напоминаютъ дѣйствія Плинія (ὁρῶν τους πάντας... παρεχώρησε τῷ πλήθει - multi vocantur... videtur sisti posse).

„ 2. Сравн, Евс. Ц. И. IV, 15, μὴ δοῦναι αὐτοῦ τὸ σῶμα, μὴ, φησίν, ἀφέντες...

Нужно думать, что II-й мартирій написанъ не ранѣе времени имп. Юліана Отступника (361—3) и не позже самаго начала V вѣка [1]) писателемъ, знакомымъ съ Клементинами и не отличавшимъ Климента римскаго отъ другихъ, при чемъ путемъ компиляціи возсоздается историческая обстановка, существовавшая при Плиніи Мл. въ Виѳиніи, вошедшей въ IV вѣкѣ въ составъ діоцеза Понта.

Преданіе, изложенное въ мартиріи Климента, въ греческой литературѣ не одиноко. Рядомъ съ этимъ стоитъ другое, въ памяти Менологія Василія II подъ 25 Ноября (MPG. 117—177). Память Василія знаетъ а) Клементины (содержаніе I пол. памяти) и б) мартирій II epit. (μέχρι τῆς σήμερον), но къ послѣднему относится не съ полнымъ довѣріемъ (ὡς φασι). Существованіе мощей св. Климента въ Херсонесѣ онъ объясняетъ искусственно и иначе, чѣмъ мартирій, ибо имѣетъ подъ руками в) третій источникъ, на основаніи котораго мученическую кончину Климента пріурочиваетъ къ Анкирѣ Галатійской. Наконецъ, помня г) сообщеніе Евсевія, что Климентъ скончался естественною смертью, авторъ памяти старается согласить свое преданіе съ Евсевіемъ и дѣлаетъ это въ томъ смыслѣ, что Климентъ умеръ (безъ непосредственнаго насилія), но смерть его ускорена заключеніемъ и голодомъ. Указавъ на Анкиру, авторъ памяти назвалъ свой третій источникъ. Это—житіе св. Климента Анкирскаго. Симеонъ Метафрастъ писалъ его очевидно на основаніи достовѣрныхъ актовъ [2]), богатыхъ точнымъ мате-

---

[1]) Ко II пол. IX вѣка II мартирій—древній памятникъ. На латинскомъ языкѣ онъ уже имѣлся тогда, ибо, по заявленію Анастасія Библіотекаря, остается перевести *только* рѣчь Константина объ открытіи имъ мощей. Въ книгахъ, въ которыхъ справлялся Константинъ, можно различить: 1, scripta beati Clementis—Клементины; 2, recitatio de passione—нашъ мартирій; 3, de miraculis—слово, приписываемое Ефрему Херсонскому. (Письмо Анастасія Гавденцію Велитрскому. Ж. М. Н. Пр. 1893, янв. 191—2 стр.).

[2]) 12 й годъ Валеріана (и Галліэна) есть 265 г. (=31+250—16), когда CSS. Валеріанъ и Лукиллъ (Лукіанъ житія). Черезъ 20 лѣтъ отсюда—285 г., первый годъ царствованія Діоклетіана (14 гл. ж.). 28-й годъ отъ этого па-

ріаломъ [1]) и появившихся въ Анкирѣ [2]) довольно скоро послѣ кончины святого. Внесши пространные діалоги и, вѣроятно, усиливши форму пытокъ, историческій элементъ своего источника въ болѣе или менѣе чистомъ видѣ онъ все же сохранилъ. И съ Симеоновой редакціей житія въ рукахъ можно думать, что составитель памяти пользовался житіемъ. По житію, Климента судятъ въ мѣстѣ, называемомъ κρυπτός (подземелье?) (55); здѣсь неподалеку и темница его; здѣсь же обезглавленъ св. Агаангелъ (81); подъ маленькой церковью, бывшей на этомъ же мѣстѣ, они оба похоронены (84. 90). По менологію Климентъ былъ замурованъ въ стѣну: но здѣсь онъ могъ питаться, слѣдовательно, мѣсто было просторное (κρυπτή?). Еще въ житіи излагается не совсѣмъ ясно, какъ благочестивые люди вынули тѣла мучениковъ изъ воды, но мученики оказались живыми и руками ангеловъ были перенесены πρὸς τὴν Χέρσον (52 гл.). Въ менологіи содержится подобное: нѣкіи вѣрные, принявъ честныя его мощи, отвезли ихъ ἐν Χερσῶνι, гдѣ они были ввержены идолоноклонниками въ море. Общее мѣсто мученія—Анкира— и указанныя двѣ параллели наводятъ на мысль, что мы имѣемъ предъ собой одинъ и тотъ же фактическій матеріалъ, въ одномъ случаѣ подвергшійся искаженіямъ. Характеръ ихъ говоритъ за то, что составитель памяти пользовался источникомъ, исказившимъ подлинный матеріалъ древнѣйшаго житія. Это возможно при условіи смѣшенія личности Климента Анкирскаго и Климента Римскаго. Принявъ такую возможность въ данномъ случаѣ, дѣлаемъ для себя обязательнымъ сопоставленіе мартирія (Климента римскаго) съ житіемъ (Климента анкирскаго) для

даетъ на 312 г., когда гоненіе на христіанъ при Максиминѣ Дайѣ достигло сильнаго напряженія, тогда какъ въ предыдущій 311 г. было дано христіанамъ облегченіе (гл. 86 и 89 житія). Голодъ, бывшій въ Галатіи (10 гл. житія), былъ повсемѣстнымъ въ 284 г. при CSS. Карѣ и Нумеріанѣ. Житіе знаетъ, что Діоклетіанъ если былъ въ Римѣ, то очень рѣдко (26 гл.). Содержаніе 49 гл. подтверждаетъ фактъ, что къ гоненію Діоклетіана и Максимина язычники относились враждебно.

[1]) Житіе называетъ по имени всѣхъ судей Климента, дважды ихъ перечисляя (84 и 91); вѣрно описываетъ характеръ Максимина—неискренній (69), насмѣшливый (75), но въ то же время горячій, способный къ болѣзненнымъ выходкамъ (81 гл.). Максиміанъ великій царь (54), это—Галерій Валерій Максиминъ августъ. Максиминъ Дайя часто и подолгу жилъ въ Тарсѣ (67, 69. 81); лишь впослѣдствіи сталъ царемъ (августомъ съ 308 г.) (81). Указываются дни и часы (63. 89) отдѣльныхъ событій.

[2]) Житіе называетъ отдѣльныя мѣстности въ Анкирѣ (55. 84. 90), или окрестности ея (60).

установленія, нѣтъ ли между ними чего-либо общаго, подтверждающаго это смѣшеніе.

Житіе.	*Мартирій.*
(36 гл.) Климентъ изъ Рима моремъ высылается въ Никомидію.	(18) Климентъ ссылается за море и Понтъ (раз. діоцезъ, ибо если бы Понтъ Евкс., то союзъ „и“ лишенъ смысла).
(55) Климентъ, прошедши столько пути моремъ и сушей, странствовалъ по всему Понту, доходилъ до Тарса.	
(37) Многіе со слезами провожали Климента.	(19) Много благочестивыхъ отправилось съ нимъ. Мамертинъ плакалъ.
(51) Климента Анкирскаго въ мѣшкѣ съ подвязанными камнями ввергли въ море (ср. 80 гл.).	(23) Климента римскаго, привязавъ ему якорь (ἄγκυραν), ввергли въ море.
(52) Христіане ждутъ выбрать тѣла изъ моря (ἵνα ἀνέλοιντο)	(23) Христіанамъ не даютъ выбрать изъ моря тѣла (ἀνελέσθαι).
πρὸς τὴν χέρσον	(18) τῇ χερσῶνι.
(53) Исцѣленія.	(25 прил.) то же.
(54) Агриппинъ доноситъ (ἀναφέρει) Галерію, отсутствующему изъ Никомидіи.	(18) Мамертинъ посылаетъ доносъ (ἀναφορὰν) Траяну, котораго въ это время также не было въ Римѣ (16 гл.).
	(19) То же.
(61) Климентъ старается переубѣдить своего судью.	
(64) Φέγγων (означаетъ луну, параллельное названіе которой Φοίβη)—солдатъ, обращенный Климентомъ.	(24) Φοῖβος—ученикъ Климента.
(67) Открытіе источника въ пустынѣ [1]).	(21) То же.
μετὰ πολλῶν καὶ ἄλλων χριστ.	(21) περαιτέρω δύο χιλιάδων χριστ.
ὁδὸς ἔρημος ἐπιπολὺ	(18) ἐν ἐρήμῳ πόλει.
ὕδωρ ἐκ πέτρας ἐξαγαγὼν	(21) πατάξας τὴν πέτραν.
καθαρόν τι νᾶμα ἀναδίδοται	ἄφθονον νᾶμα παράσχοι.

[1]) συνέρρεον (68) показываетъ, что Климентъ здѣсь оставался со спутниками довольно долго, а не былъ лишь мимоходомъ, какъ говорится въ 67 гл.

(68) τῆς φήμης διαδοθείσης ἀνέῤῥεον οἱ περίοικοι	(22) διά ταύτην τὴν φήμην. προσέδραμε πᾶσα ἡ ἐπαρχία.
(80) Аѳродисій старается возстановить городъ противъ мученика [1]).	(15) Маркутіанъ дѣлаетъ то же посредствомъ подкупа [2]).
(88) Пророчества: распространится христіанство, откроются всѣ церкви, закроются языческіе храмы, и исчезнутъ язычники всюду.	(22) Дѣйствительность: крестится ежедневно 500 чел., основано 75 церквей. уничтожены языческіе храмы. (25 прил.) Нѣтъ болѣе ни язычника, ни іудея, ни еретика (22) на 300 миль вокругъ.

Даже проредактированный ритором въ X вѣкѣ текстъ житія Климента Анкирскаго сохранятъ черты, указывающія на родство со II мартиріемъ Климента Римскаго, выше отнесеннаго къ IV вѣку. Родство это состоитъ въ зависимости мартирія отъ житія (въ первоначальной, конечно, до-Симеоновской редакціи): случайныя выраженія житія превращаются въ намѣренныя обозначенія въ мартиріи; естественное въ одномъ —въ чрезвычайное въ другомъ; количественныя нарѣчія—въ числа; пророчества—въ дѣйствительность. Цѣлесообразный характеръ измѣненія въ мартиріи заимствованій даетъ основаніе для заключенія, что мартирій есть переработка матеріала, извлеченнаго изъ древней редакціи житія Климента Анкирскаго, примѣнительно къ другому лицу и къ другой эпохѣ. Климентъ римскій плагіатора страдалъ и почиваетъ въ Понтѣ (у Чернаго моря), Климентъ Анкирскій—страдалъ въ Понтѣ (діоцезѣ). Совпаденіе именъ—личнаго и географическаго- основаніе для смѣшенія лицъ святыхъ.

Въ эпоху Траяна гоненіе въ Понтѣ (провв. Виѳиніи и Понтѣ) было при Плиніи,—плагіаторъ вводитъ его свѣдѣнія и его дѣйствія въ мартирій, не называя его по имени. Плиній былъ въ Понтѣ въ 112 году. Въ Fasti этотъ годъ помѣченъ, дѣйствительно, какъ время гоненія на христіанъ. Когда Траяну, по мартирію, нужно было для суда надъ христіанами прислать уполномоченнаго, онъ посылаетъ, но опять не Плинія, а консула этого года Африкана, который изъ Анфрикана (M.P.G.

---

[1]) Это дѣйствительно характерная особенность гоненія Максимина Д. (Евс. Ц. И. IX. 2).

[2]) Частность, немыслимая въ началѣ II вѣка.

92, 1088) естественно и легко въ рукописи превращается въ Анфидіапа [1]). Комита, возбуждавшаго населеніе противъ христіанъ, составитель мартирія называетъ Таркутіаномъ, ибо Тарквицій и ему и Виѳинцамъ былъ извѣстенъ, какъ клеветникъ, прибѣгающій къ взяткамъ. Не сохранилась ли такая память о Тарквиціи среди Виѳинцевъ и до IV вѣка?

Какъ компиляцію, мартирій слѣдуетъ понимать въ связи съ его источникомъ. При такомъ условіи, географическія указанія мартирія получаютъ смыслъ изъ житія Климента Анкирскаго. Климентъ римскій ссылается изъ Рима πέραν τῆς (1) θαλάσσης καὶ (2) τοῦ Πόντου (3) ἐν ἐρήμῳ πόλει, παρακειμένῃ (4) τῇ Χερσῶνι; Климентъ Анкирскій Діоклетіаномъ высылается изъ Рима (1) *моремъ* въ діоцезъ Понта; во время долгихъ скитаній (2) *по Понту* былъ въ (3) *очень пустынной* мѣстности; ввергнутый язычниками въ море, ангелами былъ выведенъ (4) *на сушу*.

Мартирій есть компиляція. Но, вѣдь, нахожденіе св. мощей въ Херсонесѣ—фактъ, засвидѣтельствованный и письменными, и монументальными памятниками. Въ какомъ же отношеніи стоятъ они другъ къ другу? Въ IV вѣкѣ въ Херсонесѣ лежатъ мощи святого по имени Климента, съ якоремъ на шеѣ. На Востокѣ, прежде всего въ Виѳиніи и Понтѣ, распространяются слухи о новоявленномъ святомъ Климентѣ ἀγκύρας (съ якоремъ) и о церкви, гдѣ почиваютъ его мощи. Но на Востокѣ знаютъ и другого святого Климента—Ἀγκύρας и имѣютъ его акты. Между тѣмъ многочисленныя и подложныя сочиненія съ именемъ Климента римскаго, съ начала III вѣка (Harnack. DG. I³, 295), наводнившія Востокъ, сдѣлали его имя широко извѣстнымъ. Самъ собою высказывался выходъ изъ затрудненія,—Климента Херсонесскаго отожествить съ Климентомъ Римскимъ. Но такъ какъ восточное населеніе все же долго смѣшивало Климента Херсонесскаго съ Климентомъ Анкирскимъ, то тотъ, кто взялся документально доказать и выяснить, что въ Херсонесѣ лежатъ мощи епископа Римскаго, самъ долженъ былъ стоять подъ вліяніемъ этого смѣшенія и, составляя акты епископа Римскаго, пользоваться актами епископа Анкирскаго и приспособлять ихъ для своихъ цѣлей. Такъ мужъ апостольскій св. Климентъ, скончавшійся въ Римѣ, сдѣланъ восточнымъ мученикомъ, при чемъ на него перенесены черты Климента Анкирскаго.

---

[1]) Къ сожалѣнію, средства типографіи лишаютъ автора возможности доказать это транскрипціей древнихъ начертаній этихъ словъ.

Руфинъ первый называетъ папу Климента мученикомъ и тѣмъ устанавливаетъ связь между своимъ именемъ и преданіемъ о мученіи св. Климента. Время жизни Руфина на Востокѣ совпадаетъ съ предполагаемымъ временемъ появленія II-го мартирія (37½ г. – 39⅞ г.– II полов. IV вѣка). Онъ переводъ Recognitiones псевдо-Климента на латинскій языкъ. Онъ читалъ и зналъ объ эпитомы Клементинъ. Литературная дѣятельность Руфина не безупречна[1]), и предположеніе, что онъ причастенъ къ составленію [2]) анонимнаго II мартирія, существенно новаго къ его характеристикѣ не прибавляетъ. Греческій языкъ онъ зналъ настолько хорошо [3]), чтобы написать незатѣйливый греческій текстъ. Заимствованія изъ Евсевія, Плинія и Тацита подходятъ къ Руфину, переводчику Евсевія и латинянину.

Дошедшіе до Руфина въ Палестину слухи о новооткрытыхъ мощахъ св. Климента ἀγκύρας, котораго смѣшивали съ подлиннымъ Климентомъ Ἀγκύρας, натолкнули его на мысль, что это и есть папа Климентъ, личность, промелькнувшая въ подлинныхъ историческихъ документахъ, но оставившая большой слѣдъ въ подложной литературѣ, въ которой Руфинъ былъ начитанъ. Такое открытіе было важно для него, какъ члена римской церкви, и являлось естественнымъ завершеніемъ дѣятельности Климента на Востокѣ. Изъ-подъ пера Руфина съ помощью актовъ Климента Анкирскаго и появляется анонимный II мартирій. Подложный памятникъ, появившійся на Востокѣ, привлекъ вниманіе Запада и постепенно пріобрѣталъ его

---

[1]) 1, Его переводъ Оригена (толков. на посл. къ Римл. и о началахъ) слишкомъ свободенъ и далекъ отъ подлинника, на что указывали его благожелатели и что вызвало столкновеніе съ блаженнымъ Іеронимомъ (Апологія Іеронима противъ Руфина I, 7 p. n. V, 8). 2, Его переводъ Ц. И. Евсевія есть почти новое произведеніе (Bardenh. 399), на столько онъ свободенъ и произволенъ (Moeller KG. I³, 594). 3, Съ другой стороны, чужое произведеніе (hist. mon.) онъ выпускаетъ, какъ свое (И. Троицкій. Источн. исторіи египет. монаш. X гл.; Moeller. l. cit.). На подобное обстоятельство намекаютъ его слова: Aiunt mihi...: da titulum nominis tui... Dabo titulo nomen meum auctoris nihilominus permanente; nam Rufini Clemens scribetur (M.P.G. 14. 1293—4). 4, Устанавливая авторство переводимыхъ произведеній, Руфинъ бывалъ неточенъ и произвольно отожествлялъ лица одноименныя: гномы греческаго языческаго философа Секста перевелъ съ бывшими передѣлками въ христіанскомъ смыслѣ и приписалъ св. мучен. папѣ Сикстu II. (Möller. RE. XIII. 99).

[2]) Функъ предполагаетъ *знакомство* Руфина съ мартиріемъ (Patres ap. II, proleg. IX p.).

[3]) Въ его латинской рѣчи прорываются эллинизмы, напр.: verbi gratia λόγου χαριν.

довѣріе. Но на Востокѣ, несмотря на то, что Константинъ-Философъ и принимаетъ его за историческій документъ, еще цѣлое столѣтіе спустя къ нему относятся только какъ къ легендѣ (память менологія Василія II) и помнятъ о его источникѣ (житіи Климента Анкирскаго). Болѣе того, въ XIII вѣкѣ херсонитяне знаютъ своего святого, все-таки, какъ Климента Анкирскаго (вѣроятно ἀγκύρας), но не римскаго, по сообщенію Рюисбрёка (Kersona, ou Sain Clement Evesque d'Ancyre fut martyrisé. Бертье-Делагардъ, 61 стр.)

Появившійся такимъ путемъ памятникъ долженъ уступить мѣсто авторитетному свидѣтелю древности, опредѣленно заявившему: ετει τρίτῳ.... Κλήμης.... ἀναλύει τον βίον.

Д. Спиридоновъ.

СЛѢДЫ ДРЕВНЕЙ КУЛЬТУРЫ

НА ДНѢ МОРСКОМЪ.

Современное положеніе вопроса о нахожденіи въ морѣ античныхъ памятниковъ.

Драмы моря безчисленны, и нерѣдки бываютъ случаи, когда водолазъ и рыбакъ поднимаютъ часть завѣсы, покрывающей совершившіяся въ отдаленномъ отъ насъ прошломъ страшныя катастрофы. Сколько случаевъ наводненій, землетрясеній, кораблекрушеній уже успѣла зарегистрировать исторія! Но сколько было и такихъ событій, когда природа, силою своихъ непреложныхъ законовъ, захватывала въ свои мощныя руки и навѣки хоронила въ нѣдрахъ забвенія созданія человѣка! Наука не разъ пыталась раскрыть эти тайны, и если ей отчасти это удавалось, то не всегда могла она дать на нихъ полнаго объясненія. Часто тамъ, гдѣ она, казалось, одерживала блистательную побѣду, ея мудрые выводы ограничивались однѣми гипотезами.

Сложный вопросъ о причинѣ нахожденія на днѣ морскомъ остатковъ древней цивилизаціи одинъ изъ такихъ, который, не смотря на многіе труды и затраты, стоитъ до сихъ поръ безъ окончательнаго рѣшенія. Однако, въ виду высокаго интереса, который онъ возбуждаетъ, позволяемъ себѣ указать въ этой краткой статьѣ результаты современныхъ изслѣдованій въ этой загадочной области археологіи, тѣмъ болѣе, что подобные слѣды античныхъ памятниковъ и сооруженій встрѣчаются и у насъ на Черномъ морѣ.

Въ Средиземномъ морѣ, въ Архипелагѣ, у береговъ Греціи и также, какъ мы сказали, у береговъ Крыма, встрѣчаются мѣста, гдѣ видимъ остатки, иногда весьма внушительные, представляющіе собою всѣ признаки древнихъ эпохъ исторіи. Въ южной части Адріатики, въ окрестностяхъ острова Крита, у

береговъ Лаконіи, Арголиды и Аттики, водолазы не только натыкались на отдѣльные памятники искусства, на статуи, колонны и капители, на глиняные и бронзовые предметы домашняго обихода, но, случалось, находили на значительной глубинѣ подъ водою почти цѣльные остатки архитектурныхъ и гидротехническихъ сооруженій, фундаменты домовъ, храмовъ, молловъ, даже могилы и высѣченные въ скалѣ некрополи. Весьма недавно, въ октябрѣ 1908 г., въ Барбарійскомъ заливѣ, невдалекѣ отъ Туниса, на разстояніи пяти миль отъ берега, туземные греки—искатели губокъ наткнулись на судно причудливой формы, съ громаднымъ транспортомъ бронзовыхъ и мраморныхъ статуй, колоннъ и капителей великолѣпной работы и рисунка, нѣкорыхъ даже съ подписью скульптора, имя котораго встрѣчается въ сочиненіяхъ Плинія старшаго [1]).

Но если открытые у крымскихъ береговъ, погруженные въ море памятники не могутъ сравниться съ вышеупомянутыми предметами ни по изяществу, ни по количеству, тѣмъ не менѣе и они возбуждаютъ любознательность археологовъ и заслуживаютъ нашего вниманія. Помимо ихъ археологическаго значенія, эти подводныя находки невольно, какъ и въ Греціи, вызываютъ вопросъ: какимъ образомъ эти произведенія древняго міра очутились на днѣ морскомъ, иногда на нѣсколько десятковъ саженей отъ берега?

Напримѣръ, крымскіе рыбаки нѣсколько лѣтъ тому назадъ, противъ мыса Ай-Тодоръ, на разстояніи 40—50 саженей отъ суши, извлекли со дна морского множество предметовъ античнаго происхожденія, тождественно сходныхъ съ найденными при раскопкахъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Южнаго берега.

Въ 20-тыхъ годахъ минувшаго XIX столѣтія, въ морѣ, у берега острова Тамани, тамъ именно, гдѣ наши ученые опредѣлили мѣстопребываніе знаменитой эмпоріи Воспорскаго царства, Фанагоріи, нашли пару отдыхающихъ львовъ большого размѣра (1,00×1, 60 м.) изъ античнаго мрамора великолѣпной отдѣлки. Эти два, совершенно одинаковыхъ памятника, вслѣдствіе отсутствія въ это время на югѣ Россіи хранилища древностей, были доставлены въ Ѳеодосію, гдѣ они и донынѣ лежатъ по сторонамъ входа въ музей.

Недавно, 14 ноября 1905 г., въ Ѳеодосіи, намъ удалось, съ помощью водолаза, извлечь со дна морского, на глубинѣ 16 футовъ, возлѣ пристани Русскаго Общества Пароходства и

[1]) Annales historiques et littéraires. Novembre. 1908.

Торговли, до пятнадцати штукъ большого размѣра (0,72×0,40) древнихъ ликійскихъ амфоръ, обросшихъ морскими водорослями и ракушками отъ мидей и устрицъ. Шесть изъ этихъ античныхъ сосудовъ оказались совершенно цѣлыми, остальные же болѣе или менѣе поврежденными. Эта оригинальная находка служитъ намъ явнымъ признакомъ пребыванія на этомъ мѣстѣ людей эллинскаго періода исторіи.

Мы могли бы привести здѣсь еще нѣсколько другихъ фактовъ нахожденія въ морѣ, у береговъ Крыма, историческихъ памятниковъ, но ограничимся пока этимъ краткимъ перечисленіемъ, имѣя въ виду объ остальныхъ упомянуть дальше, по мѣрѣ надобности.

Руководясь желаніемъ найти нѣкоторыя положительныя объясненія по интересующему насъ вопросу, мы обратились къ работамъ болѣе выдающихся изслѣдователей нашего Юга въ теченіе прошлаго столѣтія. Въ этой довольно обширной научной литературѣ мы, къ сожалѣнію, нашли весьма мало положительнаго по этому предмету, и рѣдкіе ученые, которые его затрагивали, не распространяются далѣе опредѣленія внѣшнихъ сторонъ памятника или несмѣлыхъ предположеній о его происхожденіи. Если и встрѣчаются въ ихъ трудахъ болѣе или менѣе убѣдительныя доказательства совершившихся естественныхъ измѣненій въ сѣверной береговой линіи Чернаго моря, то эти доказательства исходятъ отъ изслѣдователей-натуралистовъ, геологовъ, гидрографовъ и картографовъ, описывающихъ явленія, происшедшія въ до-историческомъ, сарматскомъ, понтійскомъ и т. п. періодѣ. Выводы многочисленной плеяды ученыхъ естествоиспытателей, изслѣдовавшихъ въ теченіе XIX вѣка фауну, флору и формаціи пространствъ Новороссіи и Таврическаго полуострова, ограничиваются сферой ихъ спеціальныхъ научныхъ областей. Конечно, обстоятельные труды такихъ изслѣдователей, какъ Палласъ [1]), Мейеръ [2]), Гаюи [3]), Гоммеръ-де-Гелль [4]), могутъ служить намъ драгоцѣннымъ матеріаломъ, но они для разрѣшенія нашего вопроса недостаточны. Другіе спеціалисты, какъ Коль [5]), Крендовскій [6]), Барбо-де-

---

[1]) Bemerkungen auf eine Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in d. Jahr. 1793 – 1794. Leipzig, 1803.

[2]) Повѣственное описаніе Очаковскія земли. С.-П. 1794.

[3]) Observations sur les salines de la Nouvelle Russie. St. Petersb. 1831.

[4]) Les steppes de la mer Caspienne, le Caucase, la Crimée et la Russie méridionale, 1844.

[5]) *Kohl.* Reise in Südrussland. 2-te Aufl. 1847.

[6]) Труды Харьковскаго Общества испытателей природы. 1885 г.

Марни [1]), Синцовъ [2]), въ своихъ многолѣтнихъ кропотливыхъ физико-географическихъ изслѣдованіяхъ по образованію лимановъ и бассейновъ Чернаго и Азовскаго морей, проводятъ предъ нами постепенную картину борьбы воды съ сушею, но не далѣе границы до-исторической эпохи. Мы видимъ въ этихъ трудахъ и колебанія поверхности этихъ морей, и мѣстныя поднятія или пониженія береговой полосы суши, и нептуническіе, и вулканическіе процессы образованія земной коры отъ Оракійскаго Босфора до Волги и Каспійскаго моря. Всѣ эти труженики, каждый по своимъ силамъ, принесли богатую дань на жертвенникъ науки.

Однако, при разборѣ нашего вопроса, въ которомъ рѣчь идетъ объ историческихъ памятникахъ, т. е. о созданіяхъ человѣка, основываться вполнѣ на доказательствахъ этихъ изслѣдователей и выводить заключеніе, что геологическія явленія, происшедшія въ періоды до-историческіе, повторялись или продолжаютъ совершаться въ бассейнѣ понтійскихъ морей въ историческомъ періодѣ, было бы съ нашей стороны нѣсколько рискованно. Правда, такое утвержденіе манитъ отчасти нашу пытливость. Нѣкоторые представители современной науки положительно утверждаютъ, что природа и въ наши дни продолжаетъ свою постепенную, безпрестанную, часто незамѣтную для человѣческаго глаза работу, измѣняя картографическое очертаніе материковъ.

Въ вопросѣ о погруженныхъ въ морѣ античныхъ памятникахъ, одни склонны предполагать мѣстное *пониженіе береговой полосы*, другіе, наоборотъ, видятъ въ этомъ *поднятіе или колебаніе поверхности моря*. Результатъ, разумѣется, одинъ и тотъ-же, но заключеніе о *причинѣ* затопленія этихъ человѣческихъ произведеній все-таки для насъ остается неопредѣленнымъ.

Геологъ Н. Соколовъ, въ своемъ блестящемъ трудѣ [3]), соглашаясь съ предшествующими изслѣдователями, болѣе склоненъ къ признанію колебательныхъ движеній поверхности моря. Этотъ ученый, между прочимъ, утверждаетъ, что „несомнѣнно существуетъ цѣлый рядъ довольно вѣскихъ фактовъ, говорящихъ въ пользу признанія, въ случаяхъ измѣненія береговой линіи Чернаго и Азовскаго морей, колебательныхъ движеній мор-

---

[1]) *Barbot-de-Marny*. Description géologique de la province de Kherson. 1869.

[2]) Геологическое строеніе Черноморскихъ лимановъ. 1870 г.

[3]) О происхожденіи лимановъ. С.-Петербургъ. 1895 г.

ского уровня, а не суши". Далѣе, г. Соколовъ еще болѣе положительно прибавляетъ: „Вся исторія внутреннихъ морей, нѣкогда занимавшихъ южную Россію и сопредѣльныя страны, начиная съ сарматской эпохи и кончая образованіемъ современныхъ морей - Чернаго, Азовскаго и Каспійскаго, свидѣтельствуетъ о неоднократныхъ и нерѣдко значительныхъ колебаніяхъ, которымъ подвергался въ теченіе упомянутаго времени уровень этихъ морей".

Е. Брикнеръ [1]), говоря объ уровнѣ такихъ замкнутыхъ или почти замкнутыхъ морей, какъ Средиземное, Черное и Азовское, совершенно основательно замѣчаетъ, что „значительныя колебанія уровня въ подобныхъ замкнутыхъ моряхъ могутъ быть прямымъ слѣдствіемъ чередованія періодовъ, обильныхъ атмосферными осадками, съ періодами болѣе засушливыми".

И такъ, если мы должны признать несомнѣнно возможными внезапныя или постепенныя колебанія уровня этихъ морей, происшедшія въ доисторическія эпохи, то, присоединяясь къ нѣкоторымъ ученымъ, мы индуктивно должны допустить возможность подобныхъ явленій и въ историческомъ періодѣ, т. е. уже послѣ того, какъ человѣческій родъ сталъ населять гостепріимные берега нашихъ южно-русскихъ морей. Народы, найдя себѣ удобныя пристанища, основали тутъ же, подлѣ береговой линіи, свои селенія и города. Очень можетъ быть, что они были свидѣтелями постепенныхъ завоеваній суши морскимъ прибоемъ и присутствовали при внезапномъ или постепенномъ погруженіи въ морскую пучину ихъ жилищъ, храмовъ, памятниковъ. Иначе какъ объяснить, напримѣръ, присутствіе на днѣ морскомъ у острова Тамани двухъ мраморныхъ львовъ, или въ Ѳеодосійской бухтѣ, за карантиномъ, нахожденіе подъ водою защитнаго каменнаго мола? Очевидно, эти остатки древности нѣкогда красовались на сушѣ, или выше поверхности моря, и мало-по-малу неутомимый Посейдонъ захватилъ въ свои объятія эти произведенія рукъ человѣческихъ. Ѳеодосійскій потонувшій молъ и теперь ясно виденъ въ глубинѣ прозрачной воды, и при нѣкоторомъ волненіи въ бухтѣ, особенно при восточномъ вѣтрѣ, поднимаетъ надъ собою весьма замѣтный гребень волнъ. Это давно покоющееся въ морѣ сооруженіе мѣстные рыбаки называютъ „генуэзскимъ моломъ". Однако, судя

[1]) *E. Brückner.* Die Schwankungen des Wasserstandes im Schwarzen Meer... Ann. d. Hydr. 1888.

по нѣкоторымъ признакамъ, нужно полагать, что этотъ молъ имѣетъ болѣе отдаленное происхожденіе, чѣмъ XIII—XIV в.

Другой случай находки въ Ѳеодосійской бухтѣ древнихъ сооруженій образно описываетъ въ интересномъ письмѣ къ хранителю одесскаго музея древностей проф. Э. Р. фонъ-Штерну нашъ маститый археологъ А. Л. Бертье-Делагардъ [1]). Случай этотъ имѣлъ мѣсто при оборудованіи новаго ѳеодосійскаго порта въ 1894 году.

„При землечерпательныхъ работахъ, пишетъ, между прочимъ, А. Л. Бертье-Делагардъ, въ самомъ порту было добыто огромное количество концовъ свай, сидѣвшихъ глубоко въ илу, всего около 1000 штукъ. Ряды этихъ свай шли по направленіямъ, образующимъ уголъ. Повидимому, это была не пристань, а какое-то защитное сооруженіе, вродѣ мола. Къ какому времени оно относится, нельзя рѣшить. Возможно, что къ генуэзскимъ или турецкимъ періодамъ, но возможно, что и къ древне-греческому, такъ какъ сваи превосходно сохраняются въ тѣхъ условіяхъ, какъ были найдены, зарытыми глубоко въ илѣ, до четырехъ саженъ отъ поверхности моря и болѣе двухъ саженъ отъ дна. Всѣ эти сваи стояли на своихъ мѣстахъ. Дерево въ нихъ—сосна, можетъ быть съ южнаго берега, а можетъ быть и привозная, изъ Анатоліи“.

Изъ этихъ строкъ видно, что высокочтимый археологъ относитъ это сооруженіе къ XIV—XVII столѣтіямъ, „но, судя по условіямъ, въ которыхъ находились сваи, и ихъ матеріалу, возможно, что и къ древне-греческому періоду“. Если же сверхъ этого отмѣтить, что именно въ этомъ треугольномъ свайномъ пространствѣ морского дна мы извлекли 14 ноября 1905 года, съ помощью водолаза, 15 экземпляровъ большихъ греческихъ амфоръ, то позволяемъ себѣ, въ свою очередь, сказать, что отнесеніе этого свайнаго сооруженія почтеннымъ А. Л. Бертье-Делагардомъ къ древне-греческому періоду должно быть признано несомнѣннымъ.

Однако, приведенные здѣсь случаи не даютъ намъ ничего положительнаго для объясненія причинъ нахожденія этихъ историческихъ памятниковъ подъ водою. Очень малое число ученыхъ, какъ мы уже отмѣтили, пытались высказать свое положительное мнѣніе на нашъ вопросъ, но каждый разъ на ихъ теорію находились оппоненты. Какими бы убѣдительными ни были ихъ доводы и приведенные ими факты, логическія воз-

---

[1]) *Э. Р. Фонъ-Штернъ.* Ѳеодосія и ея керамика. Одесса. 1906 г.

раженія и заключенія противоположнаго лагеря являлись не менѣе убѣдительными. Разногласіе взглядовъ здѣсь происходитъ отъ того, что ни одна, ни другая сторона, какими ясными ни казались бы высказанныя ею теоріи, не основывается на прочномъ базисѣ, ибо ни въ преданіяхъ народовъ, ни въ историческихъ или землеописательныхъ сочиненіяхъ древнихъ авторовъ, такого базиса нигдѣ не встрѣчается. Въ этомъ вопросѣ, по нашему мнѣнію, геологія должна прійти на помощь археологіи. Между тѣмъ случалось, что нѣкоторые геологи рѣшались основывать свои заключенія на чисто-археологическихъ данныхъ. Весьма любопытный и поучительный диспутъ на эту тему былъ поднятъ въ послѣдніе (1901—1907) годы двумя западными учеными геологами [1]).

Въ Аѳинахъ бывшій министръ финансовъ въ Греціи, по образованію—горный инженеръ, г. Фокіонъ Негрисъ, въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ и отдѣльныхъ статьяхъ [2]) пытался доказать, основываясь на многочисленныхъ фактахъ, что присутствіе античныхъ предметовъ и сооруженій на днѣ Іоническаго и Эгейскаго морей происходитъ отъ трансгрессіи, т. е. наступленія или постепеннаго поднятія уровня Средиземнаго моря.

„Геологія, говоритъ Ф. Негрисъ, вся заключается въ теоріяхъ о наступленіяхъ и отступленіяхъ, слѣдовательно, о констатированіи измѣненій поверхностей водъ и образованіи материковъ. Эти измѣненія могли совершаться или быстро, внезапно, или медленно, постепенно, и такъ какъ нѣтъ причинъ утверждать, что процессъ образованія нашей планеты окончился еще во время до-историческаго періода, то мы можемъ допустить, что подобныя явленія совершаются и нынѣ, т. е. въ историческомъ періодѣ“.

Авторъ этотъ вполнѣ склоненъ вѣрить, что подобныя явленія происходятъ и въ наше время на землѣ, по крайней мѣрѣ въ бассейнѣ Средиземнаго моря. Приведенные имъ аргументы имѣютъ, пожалуй, нѣкоторое основаніе. Не смотря на то, что онъ защищаетъ геологическую теорію, онъ основываетъ свои доводы на хронологической датировкѣ затопленныхъ въ греческихъ водахъ античныхъ развалинъ. Опредѣливъ время ихъ сооруженія по чисто-археологическимъ даннымъ, г. Негрисъ

[1]) *Henry de Varigny.* La Nature et la Vie.—La Méditerranée s'élève—t—elle? Paris. Octobre 1908.

[2]) *Phocion Negris.* „Plissements et dislocation de l'écorce terrestre en Grèce“. Paris. 1904.—„Trois notes sur les dernières régression“.—„Délos et la transgression actuelle des mers“.—„Vestiges antiques submergés“. Athènes, 1904.

утверждаетъ, что уровень поверхности Средиземнаго моря находился въ VIII вѣкѣ до Р. Х. на 3,50 метра ниже нынѣшняго. По его убѣжденію, уровень этого почти замкнутаго моря безостановочно и теперь трансгрессируетъ, заливая собою такія побережныя строенія, которыя, безъ сомнѣнія, не могли быть предназначенными для пребыванія подъ водою. Частные факты, на которые, для подкрѣпленія своей теоріи, указываетъ авторъ, многочисленны и разнообразны.

Такъ, напримѣръ, въ Эпидаврѣ, въ Арголидѣ, среди затопленныхъ развалинъ этого города, встрѣчаются на глубинѣ болѣе двухъ метровъ подъ водою большіе терракотовые сосуды, задѣланные въ стѣнѣ. Эти сосуды должны были служить хранилищами зерна или жидкостей—вина, масла и т. п. „Правдоподобно ли, спрашиваетъ г. Негрисъ, чтобы люди, которымъ надобны были эти сосуды, погружали ихъ въ воду? Эти терракоттовыя издѣлія должны были быть задѣланными выше морского уровня и впослѣдствіи, вмѣстѣ съ постройкой, какимъ-нибудь стихійнымъ процессомъ затоплены".

Въ Кенхреѣ, въ Эгинскомъ заливѣ, встрѣчается подобный же фактъ. Тамъ, между прочимъ, можно видѣть остатки базилики IV или V столѣтія нашей эры, святилище которой затоплено. Были и бываютъ подземные храмы, но до сихъ поръ неизвѣстно, чтобы гдѣ-нибудь строили подводные. Въ этой же мѣстности наблюдаются на днѣ морскомъ кирпичные полы и могилы, и г. Негрисъ дѣлаетъ по этому поводу такое же шутливое замѣчаніе: „Если, молъ, встрѣчаются саркофаги въ склепахъ, въ подземсльяхъ, то дозволено сомнѣваться, чтобы таковые помѣщались въ морскихъ волнахъ".

Также могилы и выдолбленные въ скалѣ, залитые моремъ склепы встрѣчаются въ Пиреѣ, Милосѣ и на берегу Крита.

Невдалекѣ отъ мыса Танара хорошо видны въ морѣ остатки, въ два метра толщины, защитной стѣны древняго города Гиѳіона, на разстояніи 200 метровъ отъ береговой линіи.

Подобное замѣчается въ Калидонѣ, противъ Патраса, равно и въ Эгинѣ.

Въ августѣ 1904 года г. Негрисъ докладывалъ парижской академіи наукъ о томъ, что въ Делосѣ, въ древнемъ портѣ, видны подъ водою двѣ выложенныя плитами площадки въ 13,50×8,50 м. Эти сооруженія отнесены г. Негрисомъ ко времени римской эпохи, т. е. приблизительно къ концу древней эры.

Весьма интересный фактъ приводится этимъ же изслѣдователемъ указаніемъ на нѣкоторые молы. Эти волнорѣзы, погруженные на 2 и 3 метра глубины, *не доходятъ до берега* на разстояніи 20 и 30 метровъ. Это послѣднее обстоятельство указываетъ на трансгрессію моря со времени заложенія этихъ техническихъ сооруженій. Слѣдовательно, если гипотеза г. Негриса вѣрна, то это обстоятельство должно подтвердить дѣйствительное завоеваніе водяной стихіи на счетъ суши. Скажемъ здѣсь мимоходомъ, что сходный съ вышеприведеннымъ фактъ отмѣчается при наблюденіи такъ называемаго „генуэзскаго мола“ въ нашей Ѳеодосіи.

Основываясь на подобныхъ несомнѣнныхъ случаяхъ, г. Негрисъ говоритъ: „Стало быть, приходится признать, что во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ мы констатируемъ явную трансгрессію моря. Мы въ этихъ случаяхъ видимъ медленное стремленіе къ геологическимъ измѣненіямъ, подобнымъ тѣмъ, какія такъ часто происходили еще до появленія человѣческаго рода на землѣ. И въ самомъ дѣлѣ, не слѣдуетъ думать, что съ появленіемъ человѣка теченіе законовъ природы вдругъ окончательно пріостановилось“.

Правду сказать, трудно не согласиться съ разсужденіемъ г. Негриса, и факты, имъ приведенные, весьма занимательны и, пожалуй, убѣдительны.

Однако не менѣе убѣдительны и возраженія его оппонента, г. Кайе [1]), ученаго президента французскаго геологическаго общества. Но возраженія его казались бы, по нашему мнѣнію, болѣе вѣскими, если бы они примѣнялись нѣсколько ближе къ примѣрамъ, приведеннымъ г. Негрисомъ. Какъ мы выше указали, греческій ученый, хотя и геологъ, основываетъ свое умозрѣніе на археологическихъ данныхъ, на свойствахъ тѣхъ античныхъ признаковъ, которые онъ нашелъ на днѣ морскомъ во многихъ точкахъ Эллады, Пелопонеза и острововъ Архипелага. Этимъ выводамъ г. Кайе противопоставляетъ другіе, чисто научно-геологическіе. Вмѣсто того, чтобы идти за своимъ оппонентомъ по его же слѣдамъ, среди подводныхъ развалинъ, являющихся какъ бы доказательствами трансгрессіи моря, французскій ученый приводитъ другіе факты, которые, съ его точки зрѣнія, должны доказать неизмѣнность поверхности водяной стихіи. Если г. Кайе и затрагиваетъ археологическія гипотезы

---

[1]) *L. Cayeux.* „Fixité du niveau de la Méditerranée à l'époque historique“. Ann. de Géographie. Paris, 1907.

г. Негриса, то, къ сожалѣнію для насъ, слишкомъ рѣдко, и то еще съ спеціальными приборами геолога.

Онъ не останавливается, напримѣръ, на разсмотрѣніи античныхъ подводныхъ площадокъ въ Делосѣ, но зондируетъ дальше морской илъ, извлекаетъ изъ него щебень, валуны, ракушки, песокъ, и въ этихъ видахъ почвы находитъ во множествѣ *осколки разныхъ древнихъ сосудовъ и терракотты*, т. е. тождественную формацію съ той, какую онъ встрѣтилъ на берегу. Оказывается, что площадки, о которыхъ г. Негрисъ съ такимъ увлеченіемъ докладывалъ парижской академіи, ни болѣе, ни менѣе, какъ сооруженія, построенныя на *насыпной* землѣ. Слѣдовательно, здѣсь факты доказываютъ не трансгрессію, а скорѣе неизмѣнность и непоколебимость морского уровня.

„Но вѣдь, восклицаетъ г. Негрисъ, потопленныя постройки существуютъ!“

„Согласенъ, возражаетъ г. Кайе, и на этихъ постройкахъ вы основываете всю вашу теорію; но, прибавляетъ онъ, погруженіе ихъ можно объяснить тремя способами: а) возвышеніемъ морского уровня, б) мѣстнымъ пониженіемъ основной почвы и, наконецъ, в) сооруженіемъ вашихъ построекъ прямо въ водѣ“. Какъ видно, г. Негрисъ признаетъ первое изъ этихъ положеній, г. Кайе—послѣднее.

Сверхъ того, г. Кайе обращаетъ вниманіе на другое важное обстоятельство, именно: всѣ указанные г. Негрисомъ волнорѣзы, набережныя, пристани и т. п. сооруженія лишены верхнихъ своихъ частей. И мы скажемъ здѣсь мимоходомъ, что подобное обстоятельство замѣчается и на ѳеодосійскомъ генуэзскомъ молу.

„Въ такомъ случаѣ, продолжаетъ г. Кайе, какимъ способомъ можемъ мы убѣдиться, что эти сооруженія были захвачены моремъ, когда ихъ части, предназначенныя красоваться на воздухѣ, отсутствуютъ? Это замѣчаніе примѣняется ко всѣмъ потопленнымъ развалинамъ вообще. Для того, чтобы констатировалась очевидная трансгрессія моря, необходимо найти подъ водою хотя части верхушекъ, которыя предназначены были находиться надъ водою. Въ дѣйствительности, нѣкоторые считаютъ частями, бывшими на воздухѣ, тѣ части, которыя всегда находились ниже поверхности воды и были установлены въ водѣ съ самаго начала сооруженія. Когда вы найдете цѣльную набережную, съ ея верхнею площадкою и парапетами подъ водою, я буду съ вами согласенъ; но невозможно прійти къ ка-

кому-нибудь заключенію изъ факта нахожденія въ водѣ остатковъ какой-то набережной стѣнки".

Подобное замѣчаніе находимъ и мы вполнѣ основательнымъ и справедливымъ. Тѣмъ не менѣе, строго придерживаясь этого основного правила г. Кайе, не мѣшало бы возобновить глубоко обдуманныя изысканія г. Негриса [1]).

И такъ, стало быть, нашъ вопросъ остается не вполнѣ рѣшеннымъ. Г. Негрисъ его поставилъ, и его теоретическія построенія казались на первый взглядъ окончательными. Г. Кайе, можетъ быть, правъ относительно делосскихъ и др. площадокъ и моловъ, но въ томъ, что касается до случаевъ съ затопленными базиликой, могилами, склепами, высѣченными въ скалѣ, задѣланными въ стѣнахъ глиняными сосудами и т. п., приходится признать, что г. Негрисъ ближе стоитъ къ дѣйствительности. Быть можетъ, что въ этихъ послѣднихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло со вторымъ положеніемъ г. Кайе, т. е. съ мѣстными частичными понижепіями береговой полосы, вслѣдствіе чего произошло залитіе этого пространства моремъ? Въ такомъ случаѣ были бы правы и тотъ и другой изслѣдователи.

Въ этомъ диспутѣ между двумя западными геологами мы присутствовали при опытѣ разбора вопроса о развалинахъ, затопленныхъ въ греческихъ водахъ. Но какъ же мы должны относиться къ сходнымъ съ ними нашимъ черноморскимъ, крымскимъ античнымъ памятникамъ? Подобно г.г. Негрису и Кайе, не имѣя достаточнаго базиса для нашей аргументаціи, мы не можемъ прійти къ рѣшающему заключенію, и намъ, наравнѣ съ ними, приходится ограничиваться одними болѣе или менѣе основательными предположеніями. Увѣреніе г. Негриса въ томъ, что уровень Средиземнаго моря въ VIII вѣкѣ до Р. Хр., т. е. уже въ историческомъ періодѣ, находился на 3,50 метр. ниже нынѣшняго, не можетъ намъ служить исходящею точкою для утвержденія, что подобное явленіе встрѣчалось въ то же время и въ нашихъ понтійскихъ моряхъ. Впрочемъ, относительно Средиземнаго моря г. Кайе, основываясь на очень категорическомъ мнѣніи германскаго гидрографа Зюса (Suess), никоимъ образомъ не допускаетъ возможности въ историческомъ періодѣ измѣненія уровня этого моря даже на нѣсколько милли-

---

[1]) Дополнительныя изысканія были произведены въ древнемъ Делосскомъ портѣ лѣтомъ 1908 г., о чемъ 5 декабря сего года было доложено Парижской академіи наукъ г. Голло (Holleaux), директоромъ французской археол. школы въ Аѳинахъ. (Le Temps—1908—№ 2635).

метровъ. Если же допустить, что и Черное море, подобно Средиземному, считая съ начала историческаго періода, не измѣнило вовсе своего уровня, то приходится разсматривать нашъ вопросъ, не придерживаясь теоріи г. Негриса, и искать причину нахожденія этихъ памятниковъ въ морѣ въ явленіяхъ другого свойства.

Въ древности, даже въ средніе вѣка и почти до нашего времени, народное преданіе считало уровень Чернаго моря, по отношенію къ Средиземному, *высшимъ* послѣдняго. Итальянскіе средневѣковые моряки и картографы не называли Черное море иначе, какъ „Mar major'омъ", т. е. *верхнимъ*, а Мраморное съ Архипелагомъ „Mar minor'омъ"—*нижнимъ*. Греческіе и итальянскіе мореплаватели основывали это убѣжденіе на весьма неопредѣленныхъ разсказахъ объ этомъ древнихъ писателей: Геродота, Эратосоена, Страбона и др., и на извѣстномъ теченіи въ Босфорѣ и Дарданеллахъ. Древніе поэты, въ своей спекулятивной фантазіи, воспользовались этими баснями для доказательства прорыва Босфора Понтомъ и наполненія послѣднимъ своими бурными волнами Средиземнаго моря, что, по ихъ сказаніямъ о Девкаліоновомъ потопѣ, совершилось, будто бы, *въ историческія времена* [1]). Такое мнѣніе средневѣковыхъ географовъ не должно насъ удивлять, тѣмъ болѣе, что оно и въ наше время еще не исчезло среди турецкихъ и греческихъ шкиперовъ-практиковъ. Въ началѣ прошлаго XIX столѣтія, одинъ изъ членовъ французской академіи наукъ, превосходя всѣ фабулы древнихъ поэтовъ и основывая свои вычисленія на какихъ-то фантастическихъ хронологическихъ данныхъ, дошелъ то того, что точно и серьезно относилъ время Девкаліонова потопа, а слѣдовательно и прорыва Босфора, къ 1529 году до Р. Хр. [2]).

Между тѣмъ, болѣе положительные и серьезные умы: Палласъ, Гмелинъ, Барбо-де-Марни и др., ссылаясь на дѣйствительные, вполнѣ провѣренные на мѣстахъ факты, изслѣдовавъ береговую полосу на громадномъ протяженіи отъ Константинопольскаго пролива до р. Волги и каспійскихъ степей, не взирая на миѳологическія басни древнихъ поэтовъ и географовъ,

[1]) Гоммеръ-де-Гелль. Op. cit.

[2]) Ант. Фр. Андреосси. Искусный генералъ артиллеріи и дипломатъ первой имперіи, продолжая труды своего отца, инженера, занялся проэктомъ Южнаго канала между Атлант. океаномъ и Средиземн. моремъ и затронулъ вопросъ объ уровнѣ сего послѣдняго. Избранъ членомъ Парижской академіи наукъ въ 1826 году.

пришли къ убѣжденію о неизмѣнной непоколебимости уровня Чернаго моря въ теченіе исторической эпохи. Въ такомъ случаѣ приходится предполагать, что въ бассейнѣ Чернаго и Азовскаго морей, въ вопросѣ о погруженіи античныхъ остатковъ, мы встрѣчаемъ тождественныя явленія съ тѣми, какія встрѣтили г.г. Зюсъ и Кайе въ Средиземномъ морѣ. Если же когда-либо въ нашихъ почти замкнутыхъ моряхъ произошла трансгрессія ихъ уровня, то это случилось не позже до-историческихъ сарматской или понтійской геологическихъ эпохъ.

Что касается до ѳеодосійскаго „генуэзскаго мола“ или до древняго свайнаго сооруженія, открытаго въ 1894 году А. Л. Бертье-Делагардомъ, то мы имѣемъ теперь нѣкоторое основаніе предполагать, что затопленіе этихъ античныхъ слѣдовъ случилось при тѣхъ же условіяхъ, на которыя ссылался г. Кайе относительно плиточныхъ площадокъ въ Делосѣ. Подобнаго предположенія слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, придерживаться и въ отношеніи находокъ древнихъ вещей у мыса Ай-Тодора и мраморныхъ львовъ возлѣ Тамани. Нахожденіе нами въ бассейнѣ Ѳеодосійскаго порта греческихъ амфоръ, констатированная тождественность состава почвы въ границахъ свайнаго треугольника А. Л. Бертье-Делагардомъ съ почвою береговой полосы, равно и отсутствіе верхушекъ на „генуэзскомъ молу“ и промежуточное разстояніе отъ его начала до береговой линіи, склоняютъ насъ также присоединиться къ мнѣнію г. Кайе о насыпномъ пространствѣ и *мѣстномъ пониженіи берега*, наравнѣ съ Делосской набережной и прочими гидротехническими сооруженіями древней Эллады.

Л. Колли.

XIV-й Археологическій Съѣздъ въ Черниговѣ.

Выборъ Чернигова мѣстомъ всероссійскаго археологическаго съѣзда не былъ принятъ вполнѣ сочувственно среди нашихъ археологовъ. Многіе весьма видные ученые, напр. академики А. И. Соболевскій и Н. П. Кондаковъ, указывали, что выборъ мѣста сдѣланъ неудачно, что Черниговъ не представляетъ интереса въ археологическомъ отношеніи. Многіе недовольны были этимъ выборомъ и потому, что послѣ трехъ археологическихъ съѣздовъ въ Малороссіи—въ Харьковѣ, Кіевѣ и Екатеринославѣ, ожидали созыва съѣзда въ одномъ изъ сѣверныхъ городовъ Россіи.

Но скептическое отношеніе къ Чернигову оказалось ошибочнымъ, и состоявшійся здѣсь археологическій съѣздъ если былъ и не блестящимъ, то несомнѣнно былъ интереснымъ и удачнымъ. Впрочемъ, успѣху съѣзда много помогло счастливое совпаденіе его съ тысячелѣтіемъ исторической извѣстности Чернигова, первый разъ упомянутаго въ лѣтописи подъ 907 годомъ. Но и безъ этого успѣхъ съѣзда обезпечивался значеніемъ Сѣверянской земли съ ея центромъ—Черниговомъ въ историко-археологическомъ отношеніи, что обстоятельно было выяснено въ рефератахъ проф. Д. Я. Самоквасова.

Я не буду останавливаться на всѣхъ мелочахъ и подробностяхъ, касающихся съѣзда, не буду подробно передавать содержаніе сдѣланныхъ на немъ докладовъ и вызванныхъ ими преній. Вкратцѣ это все изложено въ „Извѣстіяхъ“ съѣзда, а обстоятельно выяснится, когда будутъ изданы его „Труды“. Я передамъ лишь свои личныя впечатлѣнія, вызванныя моимъ пребываніемъ на съѣздѣ.

Отправлялся я на съѣздъ неохотно и вслѣдствіе неблагопріято сложившихся моихъ личныхъ обстоятельствъ, и подъ вліяніемъ извѣстныхъ мнѣ описаній Чернигова, какъ неинтереснаго, скучнаго города. Но уже первыя впечатлѣнія Чернигова были крайне пріятны. И древніе черниговскіе храмы, осо-

бенно соборъ Спаса, заложенный еще Мстиславомъ Храбрымъ Тмутараканскимъ, древнѣйшій въ Россіи, и монастыри Елецкій и Троицкій, и остатки древнихъ укрѣпленій и валовъ, и нѣсколько кургановъ въ центрѣ города, особенно знаменитая Черная могила, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ которой я имѣлъ пребываніе, даже названія улицъ,- -все это переносило меня въ сѣдую старину, до-историческое время и время начала нашей государственной жизни, вызывало воспоминанія о Владимірѣ Мономахѣ, князьяхъ Святославичахъ и Ольговичахъ, о великихъ пастыряхъ церкви русской, защитникахъ православія и т. д. Я невольно вспоминалъ и лекціи проф. Самоквасова по археологіи, слышанныя мною еще въ студентскіе годы въ Варшавѣ, и его коллекціи- первые видѣнные мною предметы древности—изъ раскопокъ сѣверянскихъ кургановъ и городищъ, произведенныхъ имъ въ г. Черниговѣ и Черниговской губерніи.

Первыя пріятныя впечатлѣнія были усилены свиданіями со знакомыми, съѣхавшимися со всѣхъ концовъ Россіи, радостнымъ настроеніемъ города, праздновавшаго свой тысячелѣтній юбилей, превосходной выставкой при съѣздѣ и, главное, многими интересными рефератами.

При открытіи съѣзда прекрасную рѣчь сказалъ Черниговскій губернаторъ. Указавъ на то, что „интересъ и уваженіе націи къ своему прошлому служатъ показателями культурности самого народа“, онъ продолжалъ: „Если осуществленіе народами ихъ культурныхъ задачъ немыслимо безъ помощи и свѣта науки, то та же наука, и въ данномъ случаѣ археологія, согрѣтая любовью къ своей родинѣ, служитъ могучимъ факторомъ въ дѣлѣ народнаго самосознанія. Въ изученіи далекаго прошлаго нашихъ предковъ, ихъ міросозерцанія, обычаевъ и жизненнаго уклада почерпаемъ мы истинное пониманіе духа народа и его историческихъ задачъ“. Содержательную рѣчь при открытіи съѣзда сказалъ и черниговскій городской голова Верзиловъ. Но главное вниманіе было сосредоточено на личности предсѣдателя съѣзда, графини П. С. Уваровой, и ея словѣ, въ которомъ были изложены труды Предварительнаго Комитета съѣзда, его успѣхи и затрудненія. Эта главенствующая роль принадлежала графинѣ П. С. Уваровой и въ теченіе всего съѣзда, и благодаря ея энергіи Черниговскій съѣздъ можетъ быть признанъ вполнѣ удавшимся. Не могу не упомянуть, что большое вниманіе къ себѣ съѣзда вызвалъ и проф. Д. Я. Самоквасовъ, особенно порадѣвшій съѣзду и своими трудами, и денежными средствами.

Къ началу съѣзда рефератовъ, какъ видно, было доставлено мало, представлялись они уже во время самого съѣзда, изо-дня въ день, что затрудняло распредѣленіе ихъ по днямъ, а вслѣдствіе этого, при параллельныхъ засѣданіяхъ, трудно было слышать много интересныхъ рефератовъ. Меня особенно интересовали рефераты по археологіи и исторіи юга Россіи, и ихъ, какъ и слѣдовало ожидать, было довольно много. О нѣкоторыхъ изъ нихъ, особенно интересныхъ, говорится ниже въ сообщеніи Х. П. Ящуржинскаго, и я не буду останавливаться на нихъ. Скажу только, что рефераты проф. Э. Р. фонъ Штерна, К. В. Хилинскаго и А. А. Миллера были выслушаны съ особеннымъ интересомъ и вниманіемъ. И съ методической стороны, и по изложенію они были образцовыми. Рефератъ Б. В. Формаковскаго объ Ольвіи былъ чисто описательнаго характера.

Особенный интересъ представлялъ рефератъ проф. Д. Я. Самоквасова: „О Сѣверянской землѣ и сѣверянахъ по городищамъ и могиламъ". Указавъ на свои труды по изслѣдованію Сѣверянской земли, почтенный профессоръ поставилъ гипотезу о послѣдовательной смѣнѣ народовъ, обитавшихъ на ней. Древнѣйшими обитателями ея были скиоы-киммеріане, потомъ сколоты (до Филиппа Македонскаго), затѣмъ савроматы, одна вѣтвь которыхъ называлась роксоланами; царство роксоланъ существовало на югѣ Россіи нѣсколько вѣковъ и было смѣнено царствомъ хазаръ. Завоеванія хазаръ побудили роксоланъ къ колонизаціи, и вотъ тогда-то, по всей вѣроятности, и образовались отдѣльныя (12) племена славянъ: сѣверяне, поляне, древляне и др. Но гдѣ обособились сѣверяне, неизвѣстно, и это могутъ разъяснить лишь языческіе могильники. Затѣмъ проф. Самоквасовъ призналъ возможнымъ, на основаніи лѣтописныхъ извѣстій, указать на районы древнѣйшихъ поселеній на югѣ Россіи, при чемъ отмѣтилъ главнѣйшіе центры сѣверянскихъ поселеній и города въ нихъ, очертилъ бытъ древнихъ сѣверянъ и указалъ на особенно видную роль городскихъ поселеній—городковъ и городищъ, которыя явились раньше сельскихъ поселеній и были первыми типами сѣверянскихъ поселеній.

Рефератъ проф. И. Е. Евсѣева „Раскопки по верхнему теченію р. Оки" касался вопроса о вятичахъ. По сдѣланнымъ здѣсь находкамъ въ курганахъ и городищахъ и способѣ погребенія, докладчикъ отнесъ ихъ къ XI—XII в. по Р. Хр.—Маяцкое городище на Дону, описанное В. Д. Языковымъ въ его рефератѣ, проф. Самоквасовъ призналъ хазарскимъ и указалъ на сходство его съ Салтовскимъ городищемъ Харьковской губ.

Весьма интересенъ былъ рефератъ О. К. Волкова: „Палеолитическія стоянки близъ с. Мезина Черниговской губерніи", на правомъ берегу Десны, гдѣ были сдѣланы богатыя находки: костей мамонта, носорога, лоси, лошади, розсомахи, медвѣдя, раковинъ морскихъ моллюсковъ и кремневыхъ орудій.

Много преній вызвалъ рефератъ В. Г. Ляскоронскаго: „Городища, курганы и курганы-майданы въ области днѣпровскаго лѣвобережья" по вопросу о томъ, что представляютъ собою майданы, эти древнія сооруженія, о которыхъ много говорилось и на Екатеринославскомъ съѣздѣ и которыя проф. В. З. Завитневичъ назвалъ „загадочными".

Также много преній вызвалъ рефератъ В. А. Городцова: „О результатахъ раскопокъ Бѣльскаго городища и сопровождающихъ его кургановъ" и, главнымъ образомъ, изъ-за тѣхъ же „загадочныхъ" майдановъ, которые г. Городцовъ неосторожно призналъ раскопанными курганами.

Въ этой же секціи весьма интересенъ былъ, и по содержанію и по его разработкѣ, рефератъ чешскаго ученаго, проф. В. О. Нича: „Типичныя черты городищъ въ предѣлахъ Чехіи", съ описаніемъ трехъ видовъ этихъ памятниковъ древности въ предѣлахъ Чехіи.

Съ выдающимся интересомъ былъ выслушанъ рефератъ проф. И. А. Линниченка: „О раскопкахъ В. В. Хвойко въ Кіевѣ, у Десятинной церкви". Эти раскопки продолжаются уже нѣсколько лѣтъ, и въ послѣдніе два года г. Хвойко открылъ: фундаменты княжескихъ дворцовъ, мастерскія для изготовленія каменныхъ предметовъ и эмалевыхъ вещей, древнюю деревянную галлерею и какое-то трудно объяснимое каменное сооруженіе, быть можетъ мѣсто, на которомъ стоялъ языческій идолъ или приносились жертвы. При этомъ найдено множество предметовъ, изъ которыхъ особенное значеніе представляетъ запрестольный крестъ X вѣка. По предложенію докладчика, съѣздъ постановилъ обратиться къ Государю Императору съ просьбой о пріобрѣтеніи всей усадьбы доктора Петровскаго, на которой обнаружены такіе цѣнные слѣды древнѣйшаго періода великокняжеской эпохи, на государственный счетъ, съ цѣлью открыть и сохранить эти остатки. Обращено также вниманіе на важность въ историко-археологическомъ отношеніи усадьбы княгини Трубецкой въ Кіевѣ, напротивъ Десятинной церкви.

По отдѣлу церковныхъ древностей, кромѣ прекрасной вступительной рѣчи при открытіи занятій этой секціи предсѣдателя ея проф. Н. В. Покровскаго, укажу на рефератъ проф. Д. В. Ай-

палова: „О Маріупольскихъ восковыхъ иконахъ". Это хорошо извѣстныя въ Крыму рельефныя, раскрашенныя восковыя иконы Божіей Матери и Георгія Побѣдоносца, перенесенныя изъ Крыма въ Маріуполь при переселеніи туда грековъ незадолго до присоединенія Крыма къ Россіи. На основаніи стиля письма и анализа техники иконъ, проф. Айналовъ отнесъ икону Божіей Матери къ XI вѣку; икону же Георгія Побѣдоносца, въ дѣйствіяхъ и чудесахъ, по сравненію съ предыдущей, въ виду большей шаблонности ея характера, профессоръ отнесъ къ болѣе позднему времени, хотя, по преданію, она явилась на скалѣ, гдѣ теперь Георгіевскій монастырь, въ IX вѣкѣ.

Въ сексіи памятниковъ искусствъ и художествъ было особенно много рефератовъ, преимущественно трехъ лицъ: проф. Г. Г. Павлуцкаго, проф. Д. В. Айналова и Ѳ. Ѳ. Горностаева, и касались они, главнымъ образомъ, архитектуры храмовъ гор. Чернигова, Черниговской губерніи и вообще малорусскаго зодчества. Важное положеніе высказано было проф. Айналовымъ, что прототипомъ древнихъ нашихъ храмовъ были византійскіе храмы второго тысячелѣтія. Значительная часть докладовъ по этой секціи совпадала съ занятіями секціи археологіи, и потому посѣщеніе ихъ было для меня, къ сожалѣнію, почти невозможно.

По отдѣлу древностей историческихъ и этнографическихъ былъ интересенъ докладъ А. А. Миллера: „Лотосъ въ малорусскомъ орнаментѣ", въ которомъ сдѣлана была характеристика цвѣтковаго малорусскаго орнамента, и указано заимствованіе лотоса изъ азіатскихъ тканей и вышивокъ. Существенное значеніе имѣли объясненія по этому вопросу Ѳ. К. Волкова. Рефератъ Ѳ. П. Шелухина, интересный по заглавію: „О названіи Украина", не оправдалъ ожиданій, въ виду односторонности и тенденціозности взглядовъ докладчика.

Въ секціи древностей юридическихъ, быта общественнаго, домашняго и военнаго съ интересомъ былъ выслушанъ рефератъ Н. Н. Бороздина: „По вопросу о феодализмѣ въ Россіи", особенно ярко поставленному недавно и безвременно скончавшимся Н. П. Павловымъ-Сильванскимъ. Въ рефератѣ и въ вызванномъ имъ словѣ проф. В. З. Завитневича указаны были и черты сходства соціально-политическаго строя на Западѣ и въ Россіи и черты различія.

Рефераты по отдѣленію памятниковъ языка и письма были очень спеціальны и сухи, а всего менѣе рефератовъ, какъ и на предыдущихъ съѣздахъ, было въ секціи археографіи и архивовѣдѣнія.

Кромѣ секціонныхъ, были и общія засѣданія, изъ которыхъ одно было посвящено памяти скончавшихся русскихъ ученыхъ В. Б. Антоновича и Е. К. Рѣдина, а другое тысячелѣтію г. Чернигова. Въ первомъ засѣданіи превосходную, глубокоискреннюю рѣчь о Несторѣ русской археологіи В. Б. Антоновичѣ сказалъ проф. И. А. Линниченко. Онъ выяснилъ смыслъ того глубокаго внутренняго переворота, который привелъ покойнаго ученаго-народника къ перемѣнѣ ученой карьеры (отъ медицины къ исторіи) и переходу изъ католичества въ православіе, и охарактеризовалъ его преподавательскую дѣятельность, какъ профессора, и его ученые труды по исторіи и археологіи, которые доставили ему извѣстность, какъ первокласснаго археолога. Проф. Айналовъ въ сердечной, проникнутой теплымъ дружескимъ чувствомъ рѣчи охарактеризовалъ чрезвычайно симпатичную личность покойнаго проф. Рѣдина и его ученые труды, особенно неоконченную работу высокой важности: „Рукопись Косьмы Индикоплова“.

Второе общее засѣданіе съѣзда, юбилейное, было устроено по поводу тысячелѣтія г. Чернигова. Въ этомъ засѣданіи первую рѣчь произнесъ проф. В. З. Завитневичъ, сдѣлавшій анализъ древнѣйшихъ лѣтописныхъ данныхъ о Черниговѣ и находокъ въ черниговскихъ курганахъ, указывающихъ древность Чернигова, основаніе котораго произошло, вѣроятно, еще въ Хазарскую эпоху. Затѣмъ проф. Д. Я. Самоквасовъ въ своей рѣчи указалъ на важность зарожденія на югѣ Россіи русской государственности и сплоченности всѣхъ русскихъ племенъ, выразившейся особенно ярко въ походѣ Олега на Царьградъ въ 907 г., почему празднованіе тысячелѣтняго юбилея сѣверянской столицы, Чернигова, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и празднованіе всей русской государственности. Профессоръ М. В. Довнаръ-Запольскій въ своей рѣчи выяснилъ значеніе для историческихъ судебъ Чернигова его географическаго положенія, представляющаго и выгодныя и невыгодныя стороны. Наконецъ въ послѣднемъ словѣ проф. Г. Г. Павлуцкій нарисовалъ величественную картину русскаго искусства въ до-монгольскій періодъ русской исторіи, затѣмъ указалъ постепенное паденіе его и возстановленіе въ XVII вѣкѣ. Указавши развитіе храмозданія въ Черниговѣ, проф. Павлуцкій отмѣтилъ высокій археологическій интересъ, представляемый черниговскими церквями, близость ихъ къ кіевскимъ храмамъ и вліяніе на нихъ византійскаго зодчества.

Всѣхъ рефератовъ было 84, изъ которыхъ большинство было посвящено Чернигову и Черниговской землѣ. Это обстоя-

тельство, съ одной стороны, ясно доказываетъ важность Чернигова въ историко-археологическомъ отношеніи, съ другой характеризовало Черниговскій съѣздъ, какъ съѣздъ преимущественно областной. Всѣхъ членовъ съѣзда было немногимъ больше, чѣмъ въ Екатеринославѣ, всего 282, значительно меньше, чѣмъ было напр. на Виленскомъ и Харьковскомъ съѣздахъ. Мало было профессоровъ не только столичныхъ университетовъ, но даже южныхъ; изъ присутствовавшихъ на съѣздѣ немногіе профессора дѣлали сообщенія, и далеко не всѣ участвовали даже въ преніяхъ.

Превосходное впечатлѣніе производила устроенная къ съѣзду выставка. Богатъ и интересенъ былъ отдѣлъ памятниковъ церковной старины Черниговской и Полтавской губерній, представившій яркую картину малорусскаго искусства XVII—XVIII в.в. Интересны были символическія картины, священные предметы и старопечатныя книги. Довольно богата была коллекція портретовъ іерарховъ, гетмановъ и другихъ дѣятелей Малороссіи. Археологическій отдѣлъ былъ не великъ. Но особенно богатъ и интересенъ былъ отдѣлъ этнографіи на выставкѣ, составленный съ выдающеюся полнотою, благодаря особымъ экскурсіямъ спеціалистовъ по Черниговской губерніи, съ г. Волковымъ во главѣ. Почти всѣ предметы этого отдѣла поступили въ этнографическое отдѣленіе музея Императора Александра III въ Петербургѣ.

Будучи въ Черниговѣ, я не могъ не познакомиться съ положеніемъ тамошней Ученой Архивной Коммиссіи и ея историческаго архива и музея. Помѣщеніе ея въ городскомъ зданіи не велико, но пока достаточно. Музей ея довольно богатъ предметами старины; историческій архивъ въ порядкѣ. Наша Коммиссія помѣщена ниценски сравнительно съ Черниговской Архивной Коммиссіей. Къ съѣзду Черниговская Архивная Коммиссія много потрудилась, особенно благодаря энергіи почтеннаго правителя дѣлъ ея В. М. Добровольскаго. Принимали живое участіе въ съѣздѣ сообщеніями и присылкой коллекцій на выставку также Воронежская, Курская и Полтавская ученыя архивныя коммиссіи.

Представители архивныхъ коммиссій не были такъ объединены, какъ на предыдущихъ съѣздахъ. Было отклонено, по какому-то недоразумѣнію, и желаніе ихъ устроить особое совѣщаніе, изъ опасенія, кажется, критики проекта новаго положенія о Коммиссіяхъ, хотя въ немъ только два пункта представляются не вполнѣ обоснованными.

Для членовъ съѣзда были отведены безплатныя и прекрасныя помѣщенія въ пансіонахъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній. Не смотря на недостатокъ развлеченій въ Черниговѣ, время, свободное отъ занятій на съѣздѣ, проходило пріятно, незамѣтно. Представляли большой интересъ производившіяся въ чертѣ города раскопки проф. Д. Я. Самоквасовымъ, а также богатая ризница въ Троицкомъ монастырѣ, древняя Ильинская церковь —пребываніе св. Антонія Печерскаго въ теченіе трехъ лѣтъ, и Елецкій монастырь, съ келіей св. Ѳеодосія Углицкаго и предметами, принадлежавшими святителю.

Празднованіе Черниговомъ своего юбилея прошло въ общемъ прилично. Особенно пріятно было, что небогатый городъ нашелъ средства увѣковѣчить свой юбилей многими просвѣтительными учрежденіями.

Въ концѣ съѣзда всѣхъ интересовалъ вопросъ, гдѣ же соберется слѣдующій археологическій съѣздъ. Всѣми указывалось два пункта: Великій Новгородъ, о которомъ уже давно шла рѣчь на съѣздахъ, и нашъ Крымъ. Мнѣ казалось, что большинство склонялось на сторону Крыма. Но, какъ теперь уже извѣстно, XV-ый археологическій съѣздъ будетъ въ В. Новгородѣ.

Арсеній Маркевичъ.

КЛАССИЧЕСКІЯ ДРЕВНОСТИ

на Черниговскомъ Археологическомъ Съѣздѣ

1—12 августа 1908 г.

На Черниговскомъ Археологическомъ Съѣздѣ было нѣсколько рефератовъ о раскопкахъ вблизи крымскаго района и о находкахъ, аналогичныхъ съ находимыми въ области древней Тавриды.

Въ послѣднее время, въ мірѣ археологовъ, обращали на себя особенное вниманіе находки такъ называемой *„Трипольской культуры“*. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ В. В. Хвойко раскопалъ близъ м. Триполья, Кіевской губерніи, площадки, на которыхъ найдены были предметы неолитической стоянки и особенно замѣчательныя керамическія издѣлія высокаго искусства, громадные сосуды. Сосуды эти сдѣланы безъ помощи гончарнаго круга, но очень искусно; въ особенности поражаетъ разнообразная окраска сосудовъ и богатая орнаментація. По большей части, сосуды украшены спиральными кругами; но встрѣчается животный и даже человѣческій орнаментъ. Здѣсь же найдены были фигуры животныхъ и людей, сдѣланныя со стремленіемъ къ реализму.

Въ 1906 г. В. В. Хвойко нашелъ богатые остатки той же культуры въ раскопкахъ близъ с. Крутобородицъ, Летичевскаго уѣзда, Подольской губ. Подобные же предметы находимы были раньше въ Молдавіи, Галиціи и на Балканскомъ полуостровѣ. Культура эта приписывается народу арійскаго племени, который двигался съ сѣвера на югъ и былъ предшественникомъ пелазговъ. Профессоръ Э. Р. фонъ-Штернъ также сдѣлалъ находки подобной культуры въ Бессарабіи; предметы, найденные имъ, хранятся въ музеѣ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

К. Вл. Хилинскій, который сдѣлалъ на съѣздѣ докладъ о „Трипольской кутьтурѣ", по поводу находокъ В. В. Хвойко, относитъ время ея за 3½ тысячи лѣтъ до Р. Хр. Проф. Э. Р. фонъ-Штернъ называетъ ее „премікенской, или домикенской".

По установившемуся обычаю послѣднихъ археологическихъ съѣздовъ, одинъ изъ интереснѣйшихъ докладовъ представилъ проф. Э. Р. фонъ Штернъ о своихъ раскопкахъ на Березани. Уже нѣсколько лѣтъ подъ рядъ почтенный изслѣдователь нашего археологическаго юга производитъ раскопки на островѣ Березани, вблизи Очакова, и въ результатѣ его трудовъ оказались очень цѣнныя находки. Э. Р. фонъ Штернъ изслѣдовалъ древнее поселеніе на Березани; дома оказались двухъ типовъ: болѣе древніе—маленькіе, изъ тесаннаго камня, безъ глины; другіе бо́льшіе, позднѣйшіе, изъ мелкаго бута, на глиняномъ растворѣ, построенные по ямамъ перваго періода; послѣдніе лучше сохранились. Подлѣ домовъ и въ самыхъ домахъ сохранились ямы; однѣ изъ нихъ были колодцы, другія, какъ оказалось, служили мѣстомъ погребенія. Въ болѣе древнихъ ямахъ находились простые, болѣе грубые сосуды, такъ называемые скиѳскіе; Э. Р. фонъ Штернъ считаетъ ихъ болѣе древними и относитъ къ VII вѣку до Р. Хр.; тамъ же находимы были обломки прекрасныхъ египетскихъ и милетскихъ вазъ съ живописнымъ орнаментомъ—изображеніями львовъ и оленей. Въ ямахъ позднѣйшаго періода находимы были сосуды чернолаковые, милетскіе и коринѳскіе, съ надписями; въ верхнихъ слояхъ были красно-фигурные аттическіе сосуды конца VI и начала V в. до Р. Хр. По находкамъ можно установить, что поселеніе на о. Березани находилось сначала подъ вліяніемъ Аѳинъ, времени Писистрата. Интересной находкой является камень съ руническими надписями. Руны прочтены, и оказывается, что это надгробный камень надъ могилой Карла; очевидно, это былъ варяжскій дружинникъ.

Рефератъ Б. В. Фармаковскаго касался раскопокъ его въ г. Ольвіи. Г. Фармаковскій производитъ раскопки въ Ольвіи, начиная съ 1901 года и до послѣдняго времени. Въ результатѣ раскопокъ оказалось болѣе 1500 предметовъ находокъ; между ними были обломки статуй скульпторовъ школы Фидія. Раскопки велись сначала въ ольвійскомъ некрополѣ, а потомъ раскопана была большая часть ольвійской стѣны, съ башней римской эпохи. Въ Ольвіи также наблюдается вначалѣ іонійское вліяніе, а потомъ сюда проникаетъ вліяніе Аѳинъ. Въ началѣ христіанской эры начинается варваризація Ольвіи.

Императорская Археологическая Коммиссія поручила Л. А. Миллеру произвести раскопки при устьѣ Дона, на мѣстѣ предполагаемаго древняго города Танаиса. Г. Миллеръ произвелъ раскопки городища близъ Елисаветовской станицы. Городище имѣетъ двойной валъ; въ раскопкахъ попадалась греческая керамика III вѣка до Р. Хр. Вокругъ городища много кургановъ; нѣкоторые изъ нихъ были раскопаны; здѣсь также находима была греческая посуда III вѣка до Р. Хр., золотыя бляшки, бронзовыя стрѣлы.

Эти находки даютъ основаніе А. А. Миллеру видѣть въ древнемъ городищѣ и въ курганахъ остатки города Танаиса.

Хр. Ящуржинскій.

ПРОТОКОЛЫ

засѣданій Таврической Ученой Архивной Коммиссіи.

Засѣданіе 5 ноября 1908 г.

Подъ предсѣдательствомъ Товарища предсѣдателя Коммиссіи А. В. Иванова присутствовали члены Коммиссіи: А. Л. Высотскій, П. С. Грушинскій, И. Ѳ. Ерофеевъ, В. К. Зедербергъ, Н. П. Масальскій, П. В. Масловъ, протоіерей А. Г. Назаревскій, Я. В. Ратиборъ-Уличный, А. К. Романюкъ, священникъ Н. Я. Саркинъ, протоіерей А. П. Сердобольскій, Я. Т. Харченко, М. М. Шведовъ, гость іеромонахъ Вячеславъ и правитель дѣлъ А. И. Маркевичъ.

I. Открывъ засѣданіе, Товарищъ предсѣдателя Коммиссіи напомнилъ собранію о кончинѣ, послѣ продолжительной болѣзни, Предсѣдателя Коммиссіи, Александра Никифоровича Ильина. Указавъ на постоянное вниманіе его къ интересамъ и трудамъ Коммиссіи, заботы объ устройствѣ музея и щедрыя денежныя пожертвованія, А. В. Ивановъ предложилъ почтить его память вставаніемъ, что и было исполнено присутствующими.

II. Г. Предсѣдательствующій предложилъ на обсужденіе собранія вопросъ, избрать ли предсѣдателя Коммиссіи въ настоящемъ засѣданіи, или для этого назначить особое засѣданіе.

Постановили: произвести выборы въ настоящемъ засѣданіи послѣ перерыва.

III. Доложено отношеніе Господина Таврическаго Губернатора В. В. Новицкаго отъ 6 іюня с. г. за № 2935 съ выраженіемъ благодарности за избраніе его въ почетные члены Коммиссіи.

Постановлено: записать въ протоколъ.

IV. Н. П. Масальскій, Таврическій вице-губернаторъ, выразилъ благодарность за избраніе его въ члены Коммиссіи.

Постановлено: записать въ протоколъ.

V. Доложено отношеніе Инспектора С.-Петербургскаго Сенатскаго Архива отъ 27 мая с. г. за № 67 съ просьбой о высылкѣ въ историческую библіотеку при Сенатскомъ Архивѣ недостающихъ въ ней №№ 1—5 „Извѣстій“ Коммиссіи.

Постановлено: выслать.

VI. Доложено отношеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества отъ 17 октября с. г. за № 1662 съ просьбой обсудить, согласно постановленію Ученаго Комитета XIV Археологическаго сѣзда, слѣдующій проектъ мѣръ, предложенныхъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ къ охраненію древнихъ памятниковъ въ Россіи.

1) Распредѣленіе государства на археологическіе округа, при чемъ въ центрѣ каждаго изъ нихъ стоитъ то или другое ученое археологическое общество.

2) Этимъ ученымъ обществамъ предоставляется свобода выбора для дальнѣйшей организаціи дѣла на мѣстахъ нахожденія памятниковъ, въ смыслѣ избранія для этихъ цѣлей существующихъ мѣстныхъ учрежденій, какъ-то: Ученыхъ Архивныхъ Коммиссій, Церковныхъ Историко-Археологическихъ Обществъ и Комитетовъ и т. п., или основаніе новыхъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ таковыхъ не имѣется. Всѣ эти мѣстныя ученыя учрежденія находятся въ зависимости отъ окружныхъ ученыхъ обществъ и дѣйствуютъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и окружныя ученыя общества.

3) На общества эти возлагаются: 1) регистрація памятниковъ и 2) попеченіе объ ихъ сохранности.

4) У Правительства испрашивается ежегодная постоянная сумма на административную дѣятельность по надзору и на поддержаніе памятниковъ старины, подобно тому, какъ Императорской Академіи Художествъ отпускается ежегодно изъ Министерства Императорскаго Двора 60000 руб. на ея художественную дѣятельность.

5) Привлечь къ таковой же поддержкѣ города и земства.

6) Раздѣлить всѣ недвижимые памятники древности на три категоріи: а) памятники государственнаго значенія, б) памятники мѣстнаго значенія, в) памятники, не имѣющіе особой археологической цѣнности.

7) Поддержаніе первыхъ возложить на Государственное Казначейство, а поддержаніе вторыхъ отнести на средства городовъ и земствъ.

Примѣчаніе. Правило это относится лишь къ тѣмъ памятникамъ, которые не имѣютъ никакого практическаго примѣненія.

8) Основать въ Петербургѣ междувѣдомственное правительственное учрежденіе, въ составъ котораго должны входить: 1) представители тѣхъ вѣдомствъ, кои по закону вѣдаютъ древними памятниками, какъ-то: Императорская Археологическая Коммиссія, Императорская Академія Художествъ, Святѣйшій Синодъ, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и т. п.; 2) представители разныхъ русскихъ частныхъ археологическихъ обществъ, стоящихъ во главѣ археологическихъ округовъ.

9) На учрежденіе это возложить слѣдующія обязанности: 1) Завѣдываніе и распредѣленіе суммъ, отпускаемыхъ казной; 2) рѣшеніе всѣхъ вопросовъ, касающихся реставраціи древнихъ памятниковъ первой категоріи; 3) высшій контроль дѣйствій окружныхъ учрежденій по реставраціи памятниковъ вообще; 4) рѣшеніе вопросовъ о категоріи памятниковъ и переводѣ ихъ изъ одной категоріи въ другую; 5) рѣшеніе вопроса о принудительномъ отчужденіи недвижимыхъ памятниковъ старины, находящихся въ частномъ владѣніи; 6) разрѣшеніе сломки всякаго рода памятниковъ первыхъ двухъ категорій; 7) разрѣшеніе разныхъ спорныхъ вопросовъ, могущихъ возникнуть между окружными обществами и мѣстными учрежденіями, и разрѣшеніе всякаго рода археологическихъ сомнѣній, могущихъ возникнуть въ окружныхъ обществахъ.

10) Въ составъ окружныхъ обществъ входятъ также представители вѣдомствъ и учрежденій, въ вѣдѣніи которыхъ находятся тѣ или другіе памятники старины.

11) На окружныя общества, независимо отъ обязанностей, перечисленныхъ въ параграфѣ третьемъ, возлагается также рѣшеніе вопросовъ о ремонтѣ и реставраціи памятниковъ второй категоріи и всѣ необходимыя сношенія съ центральнымъ учрежденіемъ.

12) Независимо отъ сего желательно пополнить существующее законодательство нижеслѣдующими положеніями:

а) Предоставить правительству право принудительнаго отчужденія недвижимыхъ памятниковъ древности.

б) Предоставить ему право объявлять неподвижные памятники древности, находящіеся въ частномъ владѣніи, имѣющими государственное или мѣстное значеніе, т. е., иными словами, ограничивать владѣльцевъ въ измѣненіи памятниковъ или въ ихъ искаженіи.

в) За искаженіе или уничтоженіе памятниковъ старины ввести гражданскую или уголовную отвѣтственность въ видѣ штрафа, обязанности возстановить, если возможно, разрушен-

ное на свой счетъ и даже личнаго задержанія съ тѣмъ, чтобы отвѣтственность эта распространилась на всѣхъ безъ изъятія.

Примѣчаніе: За таковые проступки со стороны духовенства оно должно подвергаться отвѣтственности предъ закономъ, а не только передъ собственнымъ начальствомъ.

г) Право вчинанія иска о привлеченіи къ отвѣтственности виновныхъ предоставить всякому учрежденію, вѣдающему охрану памятниковъ.

е) Запретить вывозъ заграницу памятниковъ русской старины.

13) Усилить преподаваніе церковной археологіи въ духовныхъ академіяхъ, ввести ее въ семинаріяхъ и включить въ составъ университетскихъ курсовъ преподаваніе археологіи.

Правитель дѣлъ доложилъ, что еще въ засѣданіи Коммиссіи 29 сентября 1905 года были разсмотрѣны основныя положенія, выработанныя Коммиссіею при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ по пересмотру дѣйствующихъ постановленій объ охраненіи древнихъ памятниковъ и зданій въ февралѣ—апрѣлѣ 1905 года, въ которыхъ нѣкоторыя положенія о классификаціи и охранѣ памятниковъ древностей изложены болѣе ясно и точно. Найдя ихъ въ общемъ составленными цѣлесообразно, Таврическая Ученая Архивная Коммиссія вмѣстѣ съ тѣмъ высказала свои соображенія по неразрѣшеннымъ еще Особой Коммиссіей вопросамъ, напечатанныя въ № 39 ея „Извѣстій“, на страницахъ 132—134.

По внимательномъ обсужденіи всѣхъ пунктовъ, изложенныхъ въ настоящемъ перечнѣ мѣръ къ охранѣ памятниковъ древности, *постановили:* а) признать ихъ составленными цѣлесообразно и б) окончательную выработку Правилъ для сохраненія памятниковъ древностей въ наискорѣйшее время признать крайне желательной, о чемъ довести до свѣдѣнія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

VII. Доложено отношеніе Императорской Археологической Коммиссіи отъ 17 іюля с. г. за № 1151 съ просьбой о доставленіи техническаго акта и проекта ремонта мечети въ д. Карагозъ Ѳеодосійскаго уѣзда и фотографическаго снимка мечети. Правитель дѣлъ доложилъ, что просимые документы уже отосланы въ Императорскую Археологическую Коммиссію.

Постановлено: Принять къ свѣдѣнію.

VIII. Доложено отношеніе Нижегородской Ученой Архивной Коммиссіи отъ 7 іюня с. г. за № 356 съ просьбой о высылкѣ ей печатныхъ каталоговъ книгъ и рукописей Тавриче-

ской Ученой Архивной Коммиссіи, а также и другихъ справочныхъ печатныхъ изданій.

Постановлено: увѣдомить Нижегородскую Ученую Архивную Коммиссію, что печатныхъ каталоговъ библіотеки и рукописей Таврической Ученой Архивной Коммиссіи не имѣется; изданный же ею „Опытъ указателя книгъ и статей, касающихся Крыма и Таврической губерніи вообще“ напечатанъ въ ея „Извѣстіяхъ“ (№№ 20, 28 и 32—33), которыя имѣются въ библіотекѣ Нижегородской Ученой Архивной Коммиссіи.

IX. Доложено отношеніе настоятеля Николаевской церкви с. Верхняго-Рогачика, Мелитопольскаго уѣзда, свящ. К. Пивоварова, отъ 24 іюня с. г. за № 285, съ просьбой сообщить ему справочныя свѣдѣнія о заселеніи Мелитопольскаго уѣзда вообще и мѣстности В.-Рогачика въ частности.

Правитель дѣлъ доложилъ, что нѣкоторые печатные источники по интересующему свящ. К. Пивоварова вопросу ему сообщены, и указаны учрежденія, гдѣ онъ можетъ найти матеріалы для исторіи заселенія нашего края въ XVIII столѣтіи.

Постановлено: записать въ протоколъ.

X. Доложено отношеніе Таврической Духовной Консисторіи, отъ 10 мая с. г. за № 1908, съ увѣдомленіемъ о томъ, что въ мартѣ с. г. въ Балаклавскомъ Георгіевскомъ монастырѣ случайно обнаружено нѣсколько засыпанныхъ землею пещеръ, одна изъ которыхъ оказалась древнею пещерною церковью. При раскопкѣ ихъ никакихъ „достопримѣчательностей“ (т. е. предметовъ) не найдено, кромѣ обломковъ глиняной посуды и желѣзныхъ проржавѣвшихъ костылей, хранящихся въ цѣлости.

Правитель дѣлъ, по поводу этого отношенія, сдѣлалъ сообщеніе объ открытыхъ въ Георгіевскомъ монастырѣ пещерахъ, осмотрѣнныхъ имъ подробно въ сентябрѣ мѣсяцѣ с. г., и иллюстрировалъ его чертежами, исполненными художникомъ М. И. Скубетовымъ.

Постановлено: сообщеніе А. И. Маркевича напечатать въ ближайшемъ выпускѣ „Извѣстій“ Коммиссіи.

XI. Доложены отношенія Таврической и Одесской Контрольныхъ Палатъ съ просьбой сообщить свѣдѣнія о средствахъ Коммиссіи, съ подраздѣленіемъ полученныхъ Коммиссіей суммъ по источникамъ. Свѣдѣнія эти необходимы при разрѣшеніи вопроса объ учрежденіи въ г. Одессѣ при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ Центральнаго Архива древнихъ актовъ Новороссійскаго края и Архивной при немъ Коммиссіи.

Правитель дѣлъ доложилъ, что просимыя свѣдѣнія уже сообщены.

Постановлено: записать въ протоколъ.

XII. Доложены отношенія Ставропольской Казенной Палаты, отъ 25 августа с. г. за №№ 29747, 29749 и 29751, съ просьбой о возвращеніи описей: а) дѣламъ контрольнаго отдѣленія бывшей Ставропольской палаты Государственныхъ имуществъ съ 1839 по 1865 годъ, б) дѣламъ по части секретаря Палаты съ 1866 по 1879 г. и в) описи дѣламъ бывшей Палаты Государственныхъ имуществъ съ 1824 г. по 1869 г.

Постановлено: ускорить разсмотрѣніе означенныхъ описей и возвратить ихъ по принадлежности.

XIII. Доложено отношеніе Саратовской Ученой Архивной Коммиссіи, отъ 13 іюня с. г. за № 1908, съ просьбой сообщить, на какой срокъ избираются у насъ должностныя лица, въ частности предсѣдатель, и какой установился для этого порядокъ.

Постановлено: сообщить Саратовской Ученой Архивной Коммиссіи, что до настоящаго времени срокъ при выборѣ должностныхъ лицъ въ Таврической Ученой Архивной Коммиссіи не опредѣлялся; съ настоящаго же времени установленъ ею трехлѣтній срокъ.

XIV. Доложено сообщеніе почетнаго члена Коммиссіи А. Х. Стевена о кладѣ Босфорскихъ и Римскихъ монетъ въ д. Таракташѣ въ 1908 г. съ препровожденіемъ 582 монетъ изъ этого клада для музея Коммиссіи.

Заслушавъ означенное сообщеніе, *постановили*: выразить А. Х. Стевену глубочайшую благодарность Коммиссіи за его вниманіе и щедрый даръ для ея музея, сообщеніе же его напечатать въ ближайшемъ выпускѣ „Извѣстій“ Коммиссіи.

XV. Доложены отношенія разныхъ учрежденій и обществъ съ выраженіемъ благодарности за присылку № 42-го „Извѣстій“ Коммиссіи.

Постановлено: записать въ протоколъ.

XVI. Доложены отношенія разныхъ учрежденій и обществъ съ препровожденіемъ своихъ изданій для библіотеки Коммиссіи.

Постановлено: записать въ протоколъ.

XVII. Доложено отношеніе состоящаго подъ Высочайшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Величества Государя Императора Комитета имени генералъ-адъютанта М. Д. Скобелева для выдачи пособій потерявшимъ на войнахъ способности къ труду воинамъ, съ препровожденіемъ подписного листа за

№ 76929 и просьбой оказать жертву для расширенія дѣятельности Комитета.

Постановлено: предложить подписной листъ членамъ Коммиссіи.

XVIII. Правитель дѣлъ доложилъ присланный чертежникомъ Императорской Археологической Коммиссіи М. И. Скубетовымъ трудъ покойнаго военнаго инженера М. И. Гарабурды: „Планъ оборонительной стѣны Херсонеса“ съ пояснительной къ нему запиской, сопровожденной примѣчаніями г. Скубетова.

По заслушаніи означеннаго сообщенія, *постановлено:* напечатать его въ ближайшемъ выпускѣ „Извѣстій“ Коммиссіи, а г. Скубетову выразить благодарность Коммиссіи за его доставленіе съ рисунками и комментаріями.

XIX. Доложено краткое сообщеніе члена Коммиссіи Л. П. Колли: „Князь Захаръ Семеновичъ Херхеулидзевъ“, съ выпискою изъ записокъ декабриста Лорера о князѣ Херхеулидзевѣ, керченскомъ градоначальникѣ.

Постановлено: благодарить Л. П. Колли за сообщеніе, которое напечатать въ одномъ изъ ближайшихъ выпусковъ „Извѣстій“ Коммиссіи.

XX. Правитель дѣлъ доложилъ о томъ, что музей и архивъ Коммиссіи переведены уже въ новое помѣщеніе, отведенное Симферопольскимъ городскимъ самоуправленіемъ, болѣе или менѣе устроенъ въ немъ, и что для оборудованія библіотеки и архива пришлось сдѣлать значительный (свыше ста р.) расходъ на шкафъ и полки. При этомъ А. И. Маркевичъ указалъ на самоотверженные труды при перевозкѣ музея и архивныхъ дѣлъ въ новое помѣщеніе члена Коммиссіи И. Ѳ. Ероѳеева.

Постановлено: расходъ утвердить, а И. Ѳ. Ероѳееву выразить благодарность Коммиссіи за его трудъ.

XXI. По предложенію правителя дѣлъ, выражена вставаніемъ благодарность Коммиссіи Таврическому губернскому земству, въ лицѣ присутствовавшаго въ засѣданіи предсѣдателя Губернской Земской Управы Я. Т. Харченко, за сочувственное отношеніе Таврическаго Земства къ трудамъ Коммиссіи.

XXII. Послѣ перерыва произведены были выборы записками Предсѣдателя Коммиссіи, за смертью А. Н. Ильина. Значительнымъ большинствомъ голосовъ (10-ью изъ 14-ти) избранъ былъ Предсѣдателемъ Коммиссіи, на слѣдующее трехлѣтіе, правитель дѣлъ Арсеній Ивановичъ Маркевичъ. Избранный предсѣдателемъ, А. И. Маркевичъ благодарилъ за оказанную

ему честь и просилъ присутствующихъ дружно и энергично продолжать труды по изслѣдованію и сохраненію исторіи и древностей Тавриды.

XXIII. Правителемъ дѣлъ избранъ членъ Комиссіи И. Ѳ. Ерофеевъ.

XXIV. Предложены въ члены Комиссіи: заступающій мѣсто симферопольскаго городского головы Василій Александровичъ Ивановъ, въ виду долговременнаго содѣйствія его трудамъ Архивной Комиссіи, и Мартинъ Ивановичъ Скубетовъ, въ виду многочисленныхъ исполненныхъ имъ рисунковъ для Комиссіи и горячаго интереса къ древностямъ Тавриды.

XXV. Членъ Комиссіи Н. П. Масальскій высказалъ пожеланіе устройства періодическихъ экскурсій Комиссіи въ интересныя въ археологическомъ отношеніи мѣстности Крыма. Предложеніе г. Масальскаго было принято весьма сочувственно, и *постановлено*: осуществить его при первомъ благопріятномъ случаѣ.

XXVI. Въ музей Комиссіи поступили: отъ почетнаго члена Комиссіи А. Х. Стевена 581 монета (Босфорскія и Римскія) изъ Таракташскаго клада и одна серебряная монета, найденная въ м. Судакѣ при раскопкѣ плантажа.

XXVII. Въ библіотеку Комиссіи, со времени послѣдняго засѣданія, поступили слѣдующія книги и брошюры:

1) Отъ Канцеляріи Государственной Думы: стенографическіе отчеты. Третій созывъ. Сессія I, засѣданія 1—98.

2) Отъ Императорской Академіи Наукъ: Извѣстія, №№ 9—14 за 1908 годъ.

3) Отъ Императорскаго С.-Петербургскаго Археологическаго Института: Вѣстникъ Археологіи и Исторіи, вып. VII, VIII, XI, XII, XIII, XV, XVI (2 экз.) и XVII.

4) Отъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества: а) Записки Восточнаго Отдѣленія, т. XVIII, в. II—III и б) Записки Классическаго Отдѣленія, т. V.

5) Отъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества: а) Древности. Труды Комиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ, т. II, б) Правила Четырнадцатаго Археологическаго Съѣзда въ Черниговѣ въ 1908 году и в) Труды Тринадцатаго Археологическаго Съѣзда въ Екатеринославѣ 1908 г. томъ II.

6) Отъ Университета Св. Владиміра: Университетскія Извѣстія, №№ 4, 5, 6 и 7 и 8 за 1908 годъ.

7) Отъ Императорскаго Юрьевскаго Университета: Ученыя Записки, №№ 3, 4, 5 и 6 за 1908 годъ.

8) Отъ Бессарабской Ученой Архивной Коммиссіи: т. III-й ея Трудовъ, 1907 г.

9) Отъ Оренбургской Ученой Архивной Коммиссіи: вып. XIX-й ея Трудовъ, 1908 г.

10) Отъ Полтавской Ученой Архивной Коммиссіи: вып. V-й ея Трудовъ, 1908 г.

11) Отъ Саратовской Ученой Архивной Коммиссіи: вып. XXIV-й ея Трудовъ, 1908 г.

12) Отъ Ярославской Ученой Архивной Коммиссіи: а) книга 3-ья, вып. 4-й ея Трудовъ, 1909 г. и б) оттискъ статьи: „Поѣздка на р. Межу" И. А. Тихомірова.

13) Отъ Черниговской Ученой Архивной Коммиссіи: а) Труды Предварительнаго Комитета по устройству XIV Археологическаго Съѣзда въ г. Черниговѣ и б) Каталогъ выставки XIV-го Археологическаго Съѣзда.

14) Отъ Воронежскаго Церковнаго Историко-Археологическаго Общества: а) Воронежская Старина, вып. VII и б) брошюра: Воронежскій Губернскій Музей въ 1905 г., свящ. С. Е. Звѣрева.

15) Отъ Черниговскаго Епархіальнаго Древлехранилища: а) Сборникъ, т. I (2 экз.) и б) брошюра: Слово, сказанное игуменомъ Кіевскаго Никольскаго монастыря, префектомъ академіи Стефаномъ Яворскимъ, при погребеніи Святителя Ѳеодосія Углицкаго, архіепископа Черниговскаго.

16) Отъ Церковно-историческаго и археологическаго общества при Кіевской Духовной Академіи: Чтенія, вып. IX, 1908 г.

17) Отъ С.-Петербургскаго Политехническаго Института: „Извѣстія", т. IX, отд. наукъ экономическихъ и юридическихъ, вып. 2-й.

18) Отъ редакціи Таврическаго Церковно-общественнаго Вѣстника: а) №№ 14, 15, 16, 23—24, 25, 26, 27, 28 и 29 этого журнала, б) Отчетъ о состояніи Симферопольскаго Александро-Невскаго Братства за 1906—7 г. и в) Денежный отчетъ эмеритальной кассы духовенства Таврической епархіи за 1907 г.

19) Отъ Крымскаго Горнаго Клуба: № 1—3 его Записокъ за 1908 годъ.

20) Отъ члена Коммиссіи А. А. Спицына: его трудъ: Краткій каталогъ музея Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, 1908 г.

21) Отъ члена Коммиссіи графа С. Д. Шереметева его трудъ: Князь Аѳанасій Даниловичъ, сынъ князя Даніила Александровича Московскаго.

22) Отъ В. Е. Рудакова его трудъ: Архивъ Департамента Герольдіи Правительствующаго Сената.

23) Отъ А. И. Маркевича: а) трудъ проф. Д. И. Самоквасова: „Сѣверянская земля и Сѣверяне по городищамъ и могиламъ". М. 1908 г.

24) Отъ проф. І. Л. Пича: „Památky archaeologicke a mistopisne", т. XXIII, вып. I—II и вып. III, 1908 г.

25) Отъ Музея Королевства Чешскаго: Zprava za rok 1907 года.

26) Отъ Науковаго Товариства имени Шевченка во Львовѣ: а) Записки, т. LXXXIII, 1908 г., б) Хроника, вып. II, ч. 34 и в) Chronik, Heft IV, № 32.

Постановлено: благодарить за препровожденныя для библіотеки Коммиссіи книги и изданія.

Засѣданіе 28 ноября 1908 г.

Подъ предсѣдательствомъ Г. Непремѣннаго Попечителя и Почетнаго члена Коммиссіи, Таврическаго Губернатора В. В. Новицкаго, присутствовали: Предсѣдатель Коммиссіи А. И. Маркевичъ, Товарищъ предсѣдателя А. В. Ивановъ, члены Коммиссіи: П. С. Грушинскій, П. В. Масловъ, С. А. Мокржецкій, Н. Л. Плотницкій, А. К. Романюкъ, свящ. Н. Я. Саркинъ, Д. С. Спиридоновъ, Я. Т. Харченко, М. М. Шведовъ и правитель дѣлъ И. Ѳ. Ероѳеевъ.

I. Доложенъ протоколъ засѣданія Коммиссіи 5 ноября с. г.

Постановлено: утвердить.

II. Доложено отношеніе Императорской Археологической Коммиссіи, отъ 3 ноября с. г. за № 1627, съ возвращеніемъ проекта ремонта Карагозской мечети, составленнаго архитекторомъ Ларіоновымъ, и указаніемъ принципа, по которому должна быть произведена замуровка оконныхъ отверстій.

Постановлено: проектъ ремонта Карагозской мечети (актъ и смѣту) и указаніе Императорской Археологической Коммиссіи препроводить въ Строительное отдѣленіе Таврическаго Губернскаго Правленія.

III. Доложено слѣдующее отношеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, отъ 13 ноября сего года за № 1821: „Въ январѣ наступающаго 1909 г. (съ 3 по 7-е) предстоитъ собраться въ Москвѣ для избранія мѣста будущаго XV-го Археологическаго Съѣзда, который долженъ быть созванъ въ 1911 году. Пока указываютъ на два пункта, желательныхъ для Съѣзда—на Великій Новгородъ и Крымъ, и тѣ изъ членовъ, которые предпочитаютъ это послѣднее мѣсто, желали бы, чтобы Съѣздъ былъ созванъ не въ Севастополѣ, гдѣ въ августѣ начинается наплывъ пріѣзжихъ съ цѣлью лѣченія, а въ Симферополѣ. На основаніи подобнаго заявленія и необходимости собрать всѣ свѣдѣнія для Предварительнаго Комитета, Императорское Московское Археологическое Общество имѣетъ честь обратиться къ Ученой Архивной Коммиссіи съ слѣдующими запросами:

1) Найдетъ ли Коммиссія возможнымъ порадѣть будущему Съѣзду, въ случаѣ, если бы было признано необходимымъ пріурочить его къ Симферополю?

2) Можно ли было бы надѣяться найти въ Симферополѣ приличное и удобное помѣщеніе для Съѣзда, выставки и даровыхъ помѣщеній членовъ?

3) Имѣются ли въ городѣ приличныя гостинницы?

4) Можно ли разсчитывать на сочувствіе г-на губернатора и остальныхъ городскихъ властей, къ которымъ Общество готово обратиться по полученіи отвѣта изъ Архивной Коммиссіи, сочувствіе которой въ особенности дорого Обществу?

По заслушаніи настоящаго отношенія, г. Губернаторъ заявилъ, что, по полученіи имъ частнаго письма отъ профессора Новороссійскаго университета И. А. Линниченка съ сообщеніемъ о предположеніи созвать Археологическій съѣздъ въ Крыму, онъ высказался за Севастополь, въ виду его географическаго положенія, удобствъ сообщенія, близости Херсонеса и другихъ мѣстъ, важныхъ въ историко-археологическомъ отношеніи; но затѣмъ, послѣ бесѣды съ предсѣдателемъ Архивной Коммиссіи, онъ склоняется въ пользу Симферополя, въ которомъ имѣется нѣсколько пансіоновъ при учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ могло бы безплатно и удобно помѣститься до 400 членовъ съѣзда, имѣются также прекрасныя помѣщенія въ зданіи дворянскаго собранія и казенной женской гимназіи, которыя могли бы быть предоставлены для занятій съѣзда и выставки; имѣются и вполнѣ приличныя гостинницы, цѣны въ которыхъ ниже цѣнъ севастопольскихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Г. Начальникъ

губерніи выразилъ полную готовность содѣйствовать трудамъ съѣзда, организаціи экскурсій, раскопокъ и пр. Предсѣдатель Губернской земской управы Я. Т. Харченко присоединился къ заявленію Г. Губернатора, высказалъ надежду на матеріальную поддержку съѣзду со стороны Губернскаго Земства и выразилъ согласіе на предоставленіе обширной библіотеки земства „Таврика“ въ пользованіе лицамъ, которыя захотятъ заняться къ съѣзду тѣмъ или другимъ вопросомъ по исторіи Крыма. Предсѣдатель Коммиссіи, отъ ея имени, выразилъ полную ея готовность усердно потрудиться въ Предварительномъ Комитетѣ съѣзда, производствѣ раскопокъ, организаціи экскурсій и устройствѣ выставки. При этомъ онъ указалъ вопросы, которые онъ лично предполагаетъ разработать для докладовъ на съѣздѣ, и указалъ на важность матеріаловъ по новѣйшей исторіи Крыма въ мѣстныхъ архивахъ. Въ заключеніе предсѣдатель Коммиссіи заявилъ, что, насколько ему извѣстно, и Симферопольская городская дума окажетъ съѣзду и сочувствіе, и матеріальную поддержку.

По выслушаніи означеннаго заявленія, *постановлено*: сообщить Императорскому Московскому Археологическому Обществу подробныя отвѣты на его запросы и выразить полную готовность Коммиссіи поработать для Археологическаго Съѣзда въ Крыму.

IV. Доложено отношеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, отъ 20 ноября с. г. за № 1908, съ просьбой командировать въ Москву къ 3 января представителей отъ Коммиссіи въ разрѣшенный г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія Предварительный Комитетъ для выработки правилъ и выбора мѣста для XV-го Археологическаго Съѣзда.

Избранъ для участія въ означенномъ Предварительномъ Комитетѣ предсѣдатель Коммиссіи А. И. Маркевичъ.

V. Доложено отношеніе Костромской Ученой Архивной Коммиссіи, отъ 22 октября 1908 г. за № 282, съ увѣдомленіемъ о томъ, что въ 1909 году, съ 21 по 30 іюня, имѣетъ быть въ г. Костромѣ 4-й областной археологическій съѣздъ изслѣдователей исторіи и древностей Новгородской и Ростово-Суздальской областей и представителей архивныхъ коммиссій Имперіи, съ препровожденіемъ программы съѣзда и просьбой принять въ немъ участіе и командировать своихъ представителей.

Постановлено: выразить Костромской Ученой Архивной Коммиссіи благодарность за приглашеніе на областной съѣздъ,

обсужденіе же вопроса о командировкѣ на сѣздъ членовъ Коммиссіи—отложить.

VI. Доложено письмо на имя предсѣдателя Коммиссіи члена Коммиссіи профессора С.-Петербургскаго университета Н. И. Веселовскаго съ препровожденіемъ перевода сочиненія Теодора Мундта: „Krim-Girei, ein Bundesgenosse Friedrich des Grossen", 1855 г., и рекомендаціей напечатать его въ „Извѣстіяхъ" Коммиссіи. „Книга эта, пишетъ проф. Веселовскій, очень любопытна и у насъ совсѣмъ неизвѣстна. Вы найдете тамъ много любопытнаго".

По заслушаніи перевода означеннаго сочиненія, *постановили*: напечатать его въ ближайшемъ выпускѣ „Извѣстій" Коммиссіи и выразить профессору Веселовскому благодарность за присылку Коммиссіи этого весьма интереснаго и цѣннаго сочиненія по исторіи Крыма.

VII. Правитель дѣлъ сдѣлалъ докладъ: „Объ островкѣ въ Казачьей бухтѣ, какъ мѣстѣ страданій св. Климента, папы римскаго". По заслушаніи его, членъ Коммиссіи Д. С. Спиридоновъ въ своемъ рефератѣ: „Къ вопросу о мученіи св. Климента, папы римскаго, въ Крыму" указалъ на обстоятельства, вызывающія сомнѣніе въ возможности мученической смерти папы Климента въ Крыму, въ виду противорѣчій сказаній о его кончинѣ и смѣшенія въ нихъ трехъ лицъ, носившихъ имя Климента. Въ обсужденіи этого вопроса, вызвавшаго живой обмѣнъ мыслей, въ которомъ принимали участіе товарищъ предсѣдателя Коммиссіи А. В. Ивановъ, протоіерей Назаревскій и другія лица, *постановлено*: благодарить А. И. Маркевича и Д. С. Спиридонова за ихъ сообщенія, которыя напечатать въ ближайшемъ выпускѣ „Извѣстій" Коммиссіи.

VIII. Поступили въ библіотеку Коммиссіи слѣдующія изданія, книги и брошюры:

1) Отъ Канцеляріи Государственной Думы: Стенографическій отчетъ. Государственная Дума. Третій созывъ. Сессія II, ч. 1, засѣданія первое—двѣнадцатое.

2) Отъ Императорской Академіи Наукъ: а) ея „Извѣстія" №№ 15—16 за 1908 г. и б) Докладъ о дѣятельности нѣкоторыхъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ коммиссіяхъ по ихъ отчетамъ за 1903—1907 г.г., академика А. С. Лаппо-Данилевскаго.

3) Отъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества: Извѣстія XIV Археологическаго Съѣзда въ г. Черниговѣ.

4) Отъ Университета Св. Владиміра: Университетскія Извѣстія, № 9 (сентябрь) 1908 г.

5) Отъ Императорскаго Юрьевскаго Университета: Ученыя Записки, № 7 за 1908 г.

6) Отъ Черниговской Ученой Архивной Коммиссіи: „Труды“ ея, вып. седьмой, 1908 г.

7) Отъ Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи: а) Отчетъ о дѣятельности ея за 1905 г., б) Отчетъ о дѣятельности ея за 1906 г. и в) „Труды“ ея, т. XXI, вып. 2-й, 1908 г.

8) Отъ редакціи Таврическаго Церковно-общественнаго Вѣстника: №№ 30, 31 и 32 этого изданія за 1908 годъ.

9) Отъ члена Коммиссіи А. В. Орѣшникова, оттискъ его статьи: „Окуловскій кладъ русскихъ денегъ“.

10) Отъ члена Коммиссіи барона де-Бай, его трудъ: Les tombeaux des Goths en Crimée, 1908 г.

11) Отъ члена Коммиссіи Н. Л. Плотницкаго, книга: Изображенія разныхъ памятниковъ, найденныхъ на берегахъ Чернаго моря, принадлежащихъ Россійской Имперіи, изданные Н. С. Л. Ваксельмъ, 1801 г.

Постановлено: благодарить.

Засѣданіе 28 января 1909 г.

Подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Коммиссіи А. И. Маркевича присутствовали: товарищъ предсѣдателя А. В. Ивановъ, члены Коммиссіи: П. С. Грушинскій, В. К. Зедербергъ, П. В. Масловъ, С. А. Мокржецкій, протоіерей А. Ф. Назаревскій, Н. Л. Плотницкій, Я. В. Ратиборъ-Уличный, Я. Т. Харченко, правитель дѣлъ И. Ѳ. Ерофеевъ и гость Л. В. Жирицкій.

I. По открытіи засѣданія, предсѣдатель Коммиссіи обратился къ присутствующимъ съ слѣдующимъ словомъ: „Долгъ глубокаго уваженія и признательности обязываетъ насъ почтить прежде всего память скончавшагося 31 декабря прошлаго года почетнаго члена нашей Коммиссіи И. Е. Забѣлина. Съ его смертью русская наука понесла громадную потерю. Это былъ одинъ изъ тѣхъ гигантовъ русскаго духа, которыхъ такъ много создалъ XIX-ый вѣкъ. Всѣмъ извѣстны его классическіе труды по исторіи Россіи: „Домашній бытъ русскихъ царей“, „Домашній бытъ русскихъ царицъ“, „Исторія Москвы“, къ сожалѣнію,

неоконченная покойнымъ, „Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ“ и мн. др. Знаменитый историкъ, И. Е. Забѣлинъ былъ и археологомъ, и его дѣятельность, какъ археолога, тѣсно связано съ нашимъ краемъ. Еще въ 1859 году онъ производилъ раскопки на югѣ Россіи, давшія въ высшей степени цѣнные результаты, и многіе изъ трудовъ его по археологіи касаются южной Россіи,—таковы: а) „Объясненіе Страбоновыхъ свидѣтельствъ о мѣстностяхъ Босфора Киммерійскаго“, б) „Чертомлыцкій курганъ“, в) „Записка о скиоскихъ курганахъ“, г) „Описаніе скиоскихъ кургановъ“, въ „Древностяхъ Геродотовой Скиоіи, д) „Древняя Скиоія въ ея могилахъ“, приложеніе къ I-му тому „Исторіи русской жизни“. Въ высшей степени плодотворна была и дѣятельность покойнаго ученаго въ званіи вице-предсѣдателя Императорскаго Историческаго Музея въ Москвѣ. Правда, И. Е. Забѣлинъ не принималъ прямого участія въ трудахъ нашей Коммиссіи, но ей дорого было вниманіе его къ дѣятельности ученыхъ архивныхъ коммиссій вообще и къ нашей скромной дѣятельности“.

По приглашенію предсѣдателя, присутствующіе почтили память И. Е. Забѣлина вставаніемъ.

II. Доложенъ протоколъ предыдущаго засѣданія Коммиссіи.

Постановлено: утвердить.

III. Доложено отношеніе господина Таврическаго Губернатора, отъ 2 декабря 1908 г. за № 2054, съ просьбой о назначеніи, согласно циркуляра Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, отъ 22 мая 1900 г. за № 3059, представителя отъ Ученой Архивной Коммиссіи для участія въ коммиссіи, имѣющей быть въ г. Ѳеодосіи для разбора и уничтоженія старыхъ дѣлъ архива Ѳеодосійскаго городского полицейскаго управленія.

Предсѣдатель Коммиссіи заявилъ, что всего удобнѣе было бы взять на себя этотъ трудъ члену Коммиссіи, проживающему въ г. Ѳеодосіи, Л. П. Колли, который частнымъ образомъ уже выразилъ на это свое любезное согласіе.

Постановили: увѣдомить Г. Губернатора, что представителемъ Таврической Ученой Архивной Коммиссіи въ коммиссіи по разбору старыхъ дѣлъ Ѳеодосійскаго городского полицейскаго управленія будетъ членъ ея Л. П. Колли.

IV. Доложено отношеніе Таврическаго Губернскаго Правленія по Строительному отдѣленію, отъ 10 января с. г. за № 59, съ увѣдомленіемъ о томъ, что на ремонтъ древней мечети въ д. Карагозъ, Ѳеодосійскаго уѣзда, Строительнымъ отдѣленіемъ была составлена предварительная смѣта на сумму 1013 р. 81 к.,

между тѣмъ кредитъ на объясненную надобность ассигнованъ лишь въ размѣрѣ 900 р., т. е. на 113 р. 81 к. менѣе противъ исчисленной по смѣтѣ суммы. Въ виду этого Губернское Правленіе по Строительному отдѣленію проситъ Ученую Архивную Коммиссію назначить отъ себя представителя для совмѣстнаго съ младшимъ архитекторомъ г. Ларіоновымъ осмотра зданія указанной мечети и опредѣленія, какія изъ обозначенныхъ въ смѣтѣ работъ, за недостаточностью кредита, могутъ быть отложены до другого времени.

Выслушавъ заявленіе предсѣдателя Коммиссіи, что для участія въ ремонтѣ Карагозской мечети представителемъ Коммиссіи уже избранъ въ истекшемъ году членъ Коммиссіи Л. П. Колли, который согласенъ взять на себя и означенный въ отношеніи Строительнаго отдѣленія Губернскаго Правленія трудъ, *постановили*: увѣдомить о семъ Губернское Правленіе.

V. Доложено отношеніе Императорской Археологической Коммиссіи, отъ 16 января с. г. за № 72, съ препровожденіемъ для музея Таврической Ученой Архивной Коммиссіи вещей, найденныхъ при раскопкахъ, произведенныхъ въ г. Алуштѣ въ 1904 г. (см. опись ниже).

Постановлено: выразить Императорской Археологической Коммиссіи глубокую благодарность за препровожденіе означенныхъ предметовъ древности.

VI. Доложено отношеніе Таврической Губернской Земской Управы, отъ 7 января с. г. за № 54, съ увѣдомленіемъ, что губернскимъ земскимъ собраніемъ постановлено оставить прежнюю ассигновку Коммиссіи въ размѣрѣ 300 руб.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

VII. Доложено отношеніе Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, отъ 22 января 1909 г. за № 461, съ препровожденіемъ „Чтеній“ Общества за 1889—1908 г. и обѣщаніемъ высылки ихъ и впредь, по мѣрѣ выхода.

Постановлено: выразить искреннюю благодарность за присылку для библіотеки Коммиссіи этого цѣннаго изданія.

VIII. Доложено отношеніе Правленія Харьковской Общественной Библіотеки съ просьбой о высылкѣ „Извѣстій“ Коммиссіи въ означенную библіотеку.

Постановлено: выслать въ Харьковскую Общественную библіотеку экземпляръ „Извѣстій“ Коммиссіи и высылать дальнѣйшіе выпуски, по мѣрѣ выхода ихъ въ свѣтъ.

IX. Предсѣдатель Коммиссіи заявилъ, что онъ разсмотрѣлъ двѣ описи подлежащихъ уничтоженію дѣлъ Ставропольской Казенной Палаты: а) въ первой описи значится 5022 дѣла бывшей Палаты Государственныхъ Имуществъ съ 1821 по 1868 г. Изъ нихъ 415 дѣлъ касаются отвода земель въ Ставропольской губерніи, причисленій къ обществамъ, содержанія школъ; при нѣкоторыхъ должны быть отчетныя вѣдомости. Эти дѣла слѣдовало бы хранить; б) опись 1405 дѣлъ 2-го разряда бывшей Ставропольской Палаты Государственныхъ Имуществъ, контрольнато стола, съ 1839 по 1865 годъ. Изъ нихъ, по мнѣнію докладчика, заслуживаютъ храненія 120 дѣлъ, имѣющихъ значеніе для исторіи заселенія края и его экономическаго развитія.

Постановлено: съ возвращеніемъ описей, увѣдомить Ставропольскую Казенную Палату о желательности храненія отмѣченныхъ въ описяхъ дѣлъ, по первой описи 415, по второй 120.

X. Доложено письмо Василія Александровича Иванова съ выраженіемъ благодарности за избраніе его въ члены Коммиссіи.

Постановлено: записать въ протоколъ.

XI. Доложено письмо Мартина Ивановича Скубетова на имя предсѣдателя Коммиссіи съ выраженіемъ благодарности за избраніе его въ члены Коммиссіи.

Постановлено: записать въ протоколъ.

XII. Доложено сообщеніе члена Коммиссіи Л. П. Колли: „Слѣды древней культуры на днѣ морскомъ. Современное положеніе вопроса о нахожденіи въ морѣ античныхъ памятниковъ“.

Это сообщеніе, затрогивающее новый вопросъ въ археологіи, выслушано было съ большимъ интересомъ. При обмѣнѣ мнѣній, вызванномъ этимъ рефератомъ, протоіерей А. Г. Назаревскій указалъ на неоднократно случавшіеся обвалы въ районѣ Херсонеса; между прочимъ онъ припомнилъ, что скончавшійся лѣтъ 20 въ Симферополѣ престарѣлый докторъ Кашкадамовъ, служившій въ Севастопольскомъ карантинѣ во время чумы 1827—8 г., говорилъ о. протоіерею, что въ водѣ погибло большее пространство Херсонеса, чѣмъ разстояніе отъ нынѣшняго собора до берега. Предсѣдатель Коммиссіи указалъ и на слѣдующее обстоятельство. Въ настоящее время снова возгорѣлся споръ о древнѣйшемъ Херсонесѣ, бывшемъ, по Страбону, въ мѣстности нынѣшняго Херсонесскаго маяка. Полемика идетъ между двумя выдающимися археологами: А. Л. Бертье-Делагардомъ, доказывающимъ его существованіе, и проф. Э. Р.

фонъ-Штерномъ, опровергающимъ это мнѣніе. На поверхности суши вблизи Херсонесскаго маяка дѣйствительно нѣтъ остатковъ такихъ сооруженій, которыя можно было бы отнести къ V—IV вѣку до Р. Хр., но моряки въ Севастополѣ, особенно служащіе по лоціи Чернаго моря, увѣряютъ, что въ морѣ противъ Херсонесскаго маяка несомнѣнно находятся остатки весьма значительныхъ развалинъ, цѣлыхъ домовъ и улицъ, наводящіе страхъ на водолазовъ, если имъ приходится работать въ этомъ мѣстѣ. Кто знаетъ, не произошелъ ли здѣсь въ глубокой древности обвалъ берега, уничтожившій значительную часть древнѣйшаго Херсонеса, послѣ чего обитатели его переселились въ мѣстность нынѣшняго Херсонеса. Во всякомъ случаѣ, въ морѣ у Херсонесскаго маяка, а также и у берега нынѣшняго Херсонеса, необходимо было бы произвести археологическія развѣдки.

Постановлено: благодарить Л. П. Колли за его сообщеніе, которое напечатать въ ближайшемъ выпускѣ „Извѣстій“ Коммиссіи; вызванныя же имъ соображенія предсѣдателя Коммиссіи и протоіерея Назаревскаго внести въ протоколъ настоящаго засѣданія.

XIII. Доложено письмо члена Коммиссіи П. П. Короленка съ препровожденіемъ, для напечатанія въ „Извѣстіяхъ“ Коммиссіи, копіи манифеста Императрицы Екатерины Великой отъ 4-го сентября 1793 года о присоединеніи къ Россіи части Польши.

Постановлено: благодарить П. П. Короленко за присылку этого документа.

XIV. Предсѣдатель Коммиссіи представилъ докладъ о поѣздкѣ своей въ Москву для участія въ Предварительномъ Комитетѣ XV-го Археологическаго съѣзда. „Я отправлялся въ Москву съ значительной долей увѣренности, что слѣдующій всероссійскій археологическій съѣздъ соберется въ Крыму. Укрѣпляло меня въ этомъ убѣжденіи, съ одной стороны, извѣстное мнѣ желаніе многихъ участниковъ археологическихъ съѣздовъ, съ другой—переписка Коммиссіи съ предсѣдателемъ Московскаго Археологическаго Общества графиней П. С. Уваровой. Но въ Москвѣ я услышалъ о преобладающемъ желаніи созыва съѣзда въ Великомъ Новгородѣ. Еще до открытія перваго засѣданія Предварительнаго Комитета (2-го января с. г.) раздавался присутствующимъ первый выпускъ „Сборника Новгородскаго Общества любителей древности“, въ которомъ я прочелъ (стр. 4), что уже въ маѣ мѣсяцѣ прошлаго года, т. е. еще

ранѣе Черниговскаго съѣзда, высказывалось авторитетное желаніе устройства XV-го съѣзда въ Новгородѣ и „необходимости подготовлять почву для того, чтобы XV-ый археологическій съѣздъ состоялся въ Новгородѣ, на предстоящемъ Черниговскомъ съѣздѣ“ (стр. 13). При такихъ условіяхъ осуществленіе мысли лицъ, желавшихъ созыва съѣзда въ Крыму, само собою представлялось мало вѣроятнымъ. Къ тому же стоявшій раньше за Крымъ академикъ Н. П. Кондаковъ склонился на сторону Новгорода, а у насъ въ Крыму не было единства въ указаніи мѣста для созыва съѣзда: А. Л. Бертье-Делагардъ склонялся на сторону Севастополя, завѣдующій же раскопками въ Херсонесѣ членъ Императорской Археологической Коммиссіи г. Лепперъ указывалъ на преимущества Симферополя. Наша Коммиссія, въ своемъ сообщеніи въ Императорское Московское Археологическое Общество, высказывая желаніе созыва съѣзда въ Крыму, указала преимущества того и другого города; мѣстная административная власть и Симферопольское городское управленіе высказали желаніе устройства съѣзда въ Симферополѣ; Императорская Археологическая Коммиссія обѣщала свое содѣйствіе успѣху съѣзда, если онъ будетъ созванъ въ Крыму. Въ первомъ засѣданіи Предварительнаго Комитета XV Археологическаго съѣзда, послѣ постановки вопроса о мѣстѣ будущаго съѣзда, былъ выслушанъ цѣлый рядъ заявленій о значеніи Новгорода въ историко-археологическомъ отношеніи, послѣ чего громадное большинство собравшихся склонилось въ пользу Новгорода, и выборъ этого города мѣстомъ съѣзда былъ рѣшенъ единогласно. Предсѣдатель Новгородскаго Общества любителей древностей Муравьевъ указывалъ на остатки каменнаго вѣка въ Новгородской области, еще не обслѣдованные, важность изученія воднаго пути „изъ Варягъ въ Греки“ и пр. Новгородскій губернаторъ Башиловъ говорилъ, что пора оставить окраины, что съѣздъ въ Новгородѣ несомнѣнно будетъ имѣть всероссійское значеніе. Профессоръ Г. Г. Павлуцкій указалъ на значеніе Новгорода въ исторіи русскаго искусства; профессоръ Д. Я. Самоквасовъ обратилъ вниманіе на необходимость изученія района Ильменя въ археологическомъ отношеніи и на архивныя богатства Новгорода; директоръ С.-Петербургскаго Археологическаго Института проф. Н. В. Покровскій указалъ на богатство церковныхъ древностей Новгорода, который можно назвать „первымъ послѣ Москвы пантеономъ церковныхъ древностей въ Россіи“, и подчеркнулъ, что Новгородскій съѣздъ „долженъ быть всероссійскимъ и властнымъ“. Проф. В. Ѳ. Миллеръ указалъ на

важность Новгородской земли со стороны народнаго творчества, особенно эпическаго. Высказался за Новгородъ и Д. И. Иловайскій. Наконецъ В. М. Городцовъ сообщилъ объ интересѣ къ съѣзду въ Новгородѣ финляндскихъ ученыхъ и Общества изученія древностей Прибалтійскаго края. Послѣ этого было заявлено, что Новгородское земство ассигновало 1000 руб. на устройство съѣзда въ Новгородѣ; депутація отъ г. Новгорода, состоявшая изъ городского головы и четырехъ гласныхъ, просила о назначеніи Новгорода мѣстомъ будущаго археологическаго съѣзда и обѣщала гостепріимство, а отъ имени Новгородскаго архіепископа заявлено предложеніе предоставить для занятій съѣзда помѣщеніе въ архіерейскомъ домѣ. Послѣ этого опредѣлено было время съѣзда, съ 22 іюля по 5-е августа, и засѣданіе было закрыто. Въ слѣдующихъ двухъ засѣданіяхъ обсуждалась организаціонная сторона будущаго съѣзда, вопросы и запросы для будущихъ рефератовъ, но въ этихъ засѣданіяхъ я не участвовалъ, такъ какъ по дѣламъ службы долженъ былъ поспѣшить въ Симферополь, съ радостью за Великій Новгородъ, вполнѣ заслуженно избранный мѣстомъ XV-го Археологическаго съѣзда, и съ сожалѣніемъ, что и на этотъ разъ не удостоенъ этой чести нашъ Крымъ".

Постановлено: благодарить А. И. Маркевича за трудъ по поѣздкѣ въ Москву, заявленіе же его внести въ протоколъ настоящаго засѣданія.

XV. Доложены сообщенія А. И. Маркевича и Х. П. Ящуржинскаго о XIV-мъ Черниговскомъ Археологическомъ съѣздѣ, которыя не были заслушаны въ предыдущемъ засѣданіи, за позднимъ временемъ.

По выслушаніи этихъ сообщеній, *постановлено:* благодарить А. И. Маркевича и Х. П. Ящуржинскаго за трудъ, сообщенія же ихъ напечатать въ ближайшемъ выпускѣ „Извѣстій" Коммиссіи.

XVI. Въ музей Коммиссіи поступили слѣдующіе предметы.

1) Отъ Императорской Археологической Коммиссіи предметы древности, найденные въ 1904 году при раскопкахъ въ Алуштѣ: граненая буса изъ бѣлой пасты, шнурокъ и обломанная серебряная подвѣска, часть туфли съ татарскимъ шитьемъ, крючокъ для застежки платья, мѣдный перстень, 4 подвѣски въ видѣ бубенчиковъ, пластинка съ орнаментомъ, низка разныхъ бусъ, большая серьга изъ серебра, орѣхи и кусочекъ матеріи, большая мѣдная серьга, одна серебряная и пять мѣдныхъ русскихъ монетъ, нитки для вышиванія, желобчатая буска

изъ стекла и мѣдная подвѣска, кусокъ матеріи, костяная пуговица, мѣдный перстень, мѣдная форма отъ головного убора, подвѣска ввидѣ бубенчика, граненая буса изъ сердолика, обломокъ глинянаго сосуда съ поливой, шесть мѣдныхъ русскихъ монетъ, три мѣдныя пуговицы, граненая буса изъ сердолика, остатки веревочныхъ лаптей, гладкая серебряная серьга, два обломка сосуда съ поливой, три мѣдныхъ подвѣски ввидѣ бубенчиковъ, два носка туфель съ шитьемъ, мѣдная петелька, буса изъ розоваго стекла, подвѣска ввидѣ бубенчика, булавка съ цѣпочками, двѣ металлическія подвѣски ввидѣ листьевъ, низка разныхъ бусъ, зеркальце въ деревянной рамкѣ, двѣ серебряныя монетки и мѣдный кружокъ, граненая серебряная подвѣска, мѣдная серьга и подвѣска, серебряная серьга, подвѣска и бляшка изъ мѣди, разбитая скорлупа гусинаго яйца, подвѣска ввидѣ бубенчика, серебряная сережка и двѣ подвѣски ввидѣ бубенчиковъ, обломокъ глиняной чашки съ поливой, серебряный перстень, буса изъ синяго стекла, фрагментированная глиняная съ поливой чашка и металлическая пуговица съ изображеніемъ корзины съ цвѣтами.

Постановлено: выразить благодарность Императорской Археологической Коммиссіи за присылку для музея Коммиссіи означенныхъ вещей.

XVII. Кромѣ того, поступили въ музей слѣдующіе предметы:

1) Отъ члена Коммиссіи С. А. Мокржецкаго—шесть бронзовыхъ браслетовъ, найденныхъ вблизи Неаполиса.

2) Отъ ученика Симферопольской мужской гимназіи В. Ароновича—часть человѣческой челюсти (верхняя, лѣвая), найденной вблизи Бахчисарая (въ одномъ изъ кургановъ).

3) 87 монетъ различныхъ народовъ и эпохъ—отъ учениковъ Симферопольской мужской гимназіи.

4) Нѣсколько кусочковъ мозаики изъ Херсонеса—отъ ученика Симферопольской мужской гимназіи П. Вернигоры.

5) Икона Св. Николая Можайскаго, мѣдная—отъ Филиппа Любонова, чернорабочаго (найдена на симферопольскомъ свѣчномъ заводѣ при копаніи ямы для посадки деревьевъ).

6) Жетонъ въ память послѣдней турецкой войны 1877—78 г.—отъ ученицы Симферопольской гимназіи В. А. Станишевской—Елены Шевчукъ.

7) Кусокъ надгробнаго камня съ одной стороны съ крестомъ, съ другой—съ началомъ татарской надписи—отъ ученика гимназіи.

8) Медаль въ память 1812 года, жетонъ сельско-хозяйственнной выставки 1896 г. и натѣльная иконка (съ изображеніемъ распятія и всевидящаго ока)—отъ учениковъ гимназіи.

Постановлено: благодарить жертвователей за означенныя пожертвованія для музея Коммиссіи.

XVIII. Предсѣдатель Коммиссіи доложилъ, что у жителя г. Симферополя г. Ревеліоти продается библіотека, въ которой, между прочимъ, находятся слѣдующія книги, имѣющія значеніе при изученіи исторіи и древностей Тавриды и не имѣющіяся въ библіотекѣ Коммиссіи: а) Муравьевъ Апостолъ. Путешествіе по Тавридѣ. 1823 г. б) Манштейнъ. Записки о Россіи. в) Скальковскій. Опытъ статистическаго описанія Новороссійскаго края. Ч. II. г) Скальковскій. Хронологическое обозрѣніе Новороссійскаго края. 1836 г. д) Скальковскій. О ногайскихъ татарахъ, живущихъ въ Таврической губерніи. е) Баронъ Торнау. Мусульманское право. ж) Богдановичъ. Походы Румянцева, Потемкина и Суворова въ Турцію 1852 года. з) Андреевскій Ив. Путевыя замѣтки при объѣздѣ Днѣпровскаго и Мелитопольскаго уѣздовъ Таврической губерніи въ 1835 г. и) Бартеневъ. XVIII-ый вѣкъ. і) Бартеневъ. XIX-ый вѣкъ. к) Анатолій Демидовъ. Путешествіе въ южную Россію и Крымъ. л) Шишкина. Замѣтки и воспоминанія русской путешественницы. м) Ѳедоровъ. Крымъ съ Севастополемъ и Балаклавою. Имѣется также у г. Ревеліоти и Крымскій Сборникъ Кеппена съ картой, который не мѣшало бы пріобрѣсть для библіотеки Коммиссіи, хотя одинъ экземпляръ Сборника въ ней имѣется. За всѣ эти книги г. Ревеліоти проситъ 30 руб. 50 коп.

Постановлено: пріобрѣсти означенныя книги для библіотеки Коммиссіи.

XIX. Поступили въ библіотеку Коммиссіи слѣдующія книги и брошюры:

1) Отъ Канцеляріи Государственной Думы: стенографическій отчетъ 13—35 засѣданій II-й сессіи третьяго созыва.

2) Отъ Императорской Академіи Наукъ: ея Извѣстія, VI-я серія, № 17 и 18 за 1908 г. и № 1 за 1909 г.

3) Отъ Императорской Археологической Коммиссіи: а) Отчетъ за 1905 годъ, б) Извѣстія ея, вып. 25, 26 и прил., 27 и прил. и 28-ой.

4) Отъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества: Древности Восточныя, т. III, вып. II.

5) Отъ Университета Св. Владиміра: Университетскія Извѣстія, №№ 10 и 11 за 1908 годъ.

6) Отъ Императорскаго Общества Исторіи и Древности Россійскихъ при Московскомъ университетѣ: „Чтенія“ Общества за 1889—1908 гг.

7) Отъ Императорскаго Юрьевскаго Университета: Ученыя Записки, № 8-ой за 1908 годъ.

8) Отъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи: Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Архивѣ, кн. 15-я.

9) Отъ Виленской Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ: т. XXXIII-й издаваемыхъ сю Актовъ.

10) Отъ С.-Петербургскаго Политехническаго Института: „Извѣстія“ его, т. X, вып. I, отд. наукъ экономическихъ и юридическихъ.

11) Отъ Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи: а) Труды ея, т. XXI, вып. 2, б) Отчетъ за 1905 г. и в) Отчетъ за 1906 г.

12) Отъ Владимірской Ученой Архивной Коммиссіи: кн. IX-ая ея Трудовъ.

13) Отъ редакціи Таврическаго Церковно-общественнаго Вѣстника: №№ 33, 34, 35 и 36 этого изданія за 1908 годъ и №№ 1, 2 и 3-й за 1909 годъ.

14) Отъ редакціи Записокъ Крымско-Кавказскаго Горнаго Клуба: №№ 4—9 этого изданія за 1908 годъ.

15) Отъ Директора Императорскаго С.-Петербургскаго Археологическаго Института т. с. Н. В. Покровскаго брошюра: Губернскія Ученыя Архивныя Коммиссіи.

16) Отъ члена Коммиссіи А. А. Спицына брошюра: „Археологическія развѣдки“.

17) Отъ Археологической Коммиссіи при Чешской Академіи: „Památky archaeologicke a mistopisne“, d. XXIII, s. IV, 1908 года.

18) Отъ члена Коммиссіи барона де Бай его трудъ: „Les tombeaux des Goths en Crimée“, 1908 г.

19) Отъ члена Коммиссіи Я. Т. Харченко: Общій каталогъ монетъ. Бурачкова.

20) Отъ ученика Симферопольскаго реальнаго училища Бедриса: „Гилмара Кураса“, сокращенная универсальная исторія. Спб. 1762 г.

Постановлено: благодарить.

XX. Предсѣдатель Коммиссіи А. И. Маркевичъ и члены ея Н. Л. Плотницкій и И. Ѳ. Ерофеевъ предложили въ члены Коммиссіи преподавателя Симферопольской гимназіи Л. В. Жирицкаго.

Засѣданіе 20 марта 1909 года.

Подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Коммиссіи А. И. Маркевича присутствовали: товарищъ предсѣдателя А. В. Ивановъ, члены—А. Я. Гидалевичъ, А. Л. Высотскій, Аблякимъ Куламетъ-оглу, протоіереи А. Ф. Назаревскій, Я. В. Ратиборъ-Уличный, А. К. Романюкъ, священникъ Н. Я. Саркинъ, Д. С. Спиридоновъ, М. М. Шведовъ и правитель дѣлъ И. Ѳ. Ерофеевъ.

I. Объявивъ засѣданіе открытымъ, предсѣдатель Коммиссіи обратился къ присутствующимъ со слѣдующими словами: „Сегоднишнее наше собраніе совпало со днемъ столѣтней годовщины рожденія Н. В. Гоголя. И намъ надлежитъ прежде всего въ настоящую минуту вспомнить нашего великаго поэта-страдальца. Гоголь дорогъ намъ и какъ великій художникъ русскаго слова, и какъ поэтъ, правдиво изобразившій въ своихъ твореніяхъ печальную сторону недавней еще нашей дѣйствительности; онъ вмѣстѣ съ тѣмъ дорогъ и близокъ намъ, какъ человѣкъ, горячо любившій родину, ея исторію, ея народное творчество, ея бытъ; онъ близокъ намъ, наконецъ, какъ человѣкъ, много занимавшійся исторіей, высоко цѣнившій ея значеніе. Почтимъ же свѣтлую память нашего великаго поэта благоговѣйнымъ вставаніемъ".

Присутствующіе вставаніемъ почтили память Н. В. Гоголя, послѣ чего правитель дѣлъ Коммиссіи И. Ѳ. Ерофеевъ сказалъ слѣдующее слово о Гоголѣ:

„Великое дарованіе Гоголя было признано за нимъ еще при его жизни. Пушкинъ первый угадалъ въ Гоголѣ будущаго замѣчательнаго писателя, „Вечера на хуторѣ" сдѣлали его имя извѣстнымъ среди читающей публики, а дѣйствія „Ревизора", страницы „Мертвыхъ душъ" и восторженная на нихъ критика Бѣлинскаго открыли русскому обществу, что въ современной литературѣ появился величайшій поэтъ. И не только художника увидѣли въ Гоголѣ, но и необычайнаго знатока нашей дѣйствительности, произносившаго свой безпристрастный судъ надъ нею. Но, какъ извѣстно, душевныхъ и физическихъ силъ хватило у великаго страдальца ненадолго, художникъ угасалъ и, какъ казалось большинству, измѣнялъ своему направленію. 1852 годъ положилъ конецъ его скорбной жизни...

Имя Гоголя и его произведенія пережили его. Однажды Гоголь сказалъ о себѣ: „Мое имя будетъ счастливѣе меня..."

и, дѣйствительно, эти слова его были пророческими. Достоевскій укрѣпилъ за нимъ имя родоначальника новой русской литературы; русская литература въ лицѣ ея виднѣйшихъ представителей, кончая гр. Л. Н. Толстымъ, съ его призывомъ къ любви, состраданію и нравственному усовершенствованію, и Чеховымъ, съ его призывомъ къ гуманности и вѣрѣ въ человѣка, подтверждаетъ правдивость словъ Достоевскаго. Недавно минувшее 50-лѣтіе со дня смерти Гоголя выяснило трудами выдающихся ученыхъ величину Гоголя, какъ писателя, и значеніе его общественной дѣятельности. Снято было одно изъ самыхъ тяжелыхъ обвиненій съ сатирика; не сторонникомъ крѣпостничества, застоя, а „великимъ гражданиномъ“ признала его наука. Съ дѣтскихъ почти лѣтъ воодушевленный одной идеей, знавшій

Одной лишь думы власть,—

—принести пользу родной землѣ, онъ никогда не измѣнялъ ей. Уже изъ „Ганса Кюхельгартена“ мы узнаемъ, что мысль его

„одна объемлетъ, мучитъ—
Желанье правды и добра“.

Незадолго до окончанія лицея, онъ пишетъ матери о желаніи обставить жизнь свою „однимъ благодѣяніемъ, одною пользою отечеству“, а наканунѣ мучительнаго, долгаго конца своей короткой жизни думаетъ о томъ, что ему „долго еще опредѣлено чудной властью озирать всю громадно несущуюся мимо его жизнь, идти рука объ руку со своими странными героями“, —и вмѣстѣ съ тѣмъ осмѣивать пошлость жизни такимъ безпощаднымъ и такимъ горькимъ смѣхомъ.

Но не одна литература была призваніемъ Гоголя. Другой областью, интересовавшей его, была исторія, исторія главнымъ образомъ Украйны и среднихъ вѣковъ.

Увлеченіе украинской стариной начинается у него еще въ 1830 году. Какъ извѣстно, онъ неоднократно просилъ мать записывать для него украинскіе „нравы, обычаи, повѣрья“; „ради Бога, пишетъ онъ, если будете имѣть случай, собирайте всѣ попадающіяся вамъ древнія монеты и рѣдкости, какія отыщутся въ нашихъ мѣстахъ, стародавнія, старопечатныя книги, другія какія-нибудь вещи, антики, а особливо стрѣлы, которыя во множествѣ были находимы въ Пслѣ..... Нѣтъ ли въ нашихъ мѣстахъ какихъ либо записокъ, веденныхъ предками какой-нибудь старинной фамиліи, рукописей стародавнихъ про времена гетманщины и прочаго подобнаго?“.

Мечтая о профессурѣ, въ письмѣ къ М. А. Максимовичу отъ 28 мая 1834 г., изъ Петербурга, онъ пишетъ: „Я съ ума сойду, если мнѣ дадутъ русскую исторію“, а на другой день, въ письмѣ къ нему же, говоритъ о своемъ намѣреніи написать большую, „въ 80 главъ“ съ лишнимъ, исторію Малороссіи. Тогда же онъ торопитъ И. И. Срезневскаго, въ письмѣ отъ 1 іюня 1834 г., изданіемъ „Запорожской старины“, высказываетъ сомнѣнія въ показаніяхъ Георгія Конисскаго, совѣтуетъ Срезневскому напечатать обрядныя пѣсни, очевидно, придавая имъ большое значеніе. 8 іюля 1834 года онъ пишетъ Максимовичу о желаніи занять каоедру всеобщей исторіи въ Кіевѣ, а 10 іюня ему же повторяетъ о своемъ отвращеніи къ русской исторіи, которой не зналъ.

Гоголь вообще дорожилъ памятниками старины. Съ письмомъ отъ 12 декабря 1832 г., изъ Петербурга, онъ посылаетъ Максимовичу виршу, „говоренную запорожцами“.

23 августа 1834 года въ письмѣ Максимовичу изъ Петербурга пишетъ о переработкѣ имъ своего труда по исторіи Украйны. 14 декабря 1834 г. Гоголь уже сознается ему же въ своей неудачной профессурѣ, въ слабой научной подготовкѣ, но въ слѣдующемъ же 1835 году, 22 января, онъ сообщаетъ ему о своей работѣ надъ исторіей среднихъ вѣковъ „томовъ въ 8, если не въ 9“.

Было бы излишнимъ приводить для характеристики Гоголя другія мѣста изъ его писемъ о занятіяхъ его исторіей, гдѣ повторяется въ сущности то же. Извѣстно, съ другой стороны, насколько неудачна была его профессура, къ чему свелось писаніе огромной исторіи среднихъ вѣковъ, исторіи Украйны. Стать ученымъ Гоголю не позволили ни слабая научная подготовка, ни его хилое здоровье. Но въ ученой сферѣ Гоголь, безъ сомнѣнія, былъ такимъ же неутомимымъ труженикомъ, какъ и въ литературѣ. Онъ работалъ надъ исторіей именно, выражаясь его собственными словами, „какъ лошадь“, имѣлъ страстную любовь къ историческимъ трудамъ и необычайный даръ картинно и вдохновенно изображать историческія картины, создавать историческія характеристики; а этому позавидовалъ бы любой ученый. Хотя его труды по исторіи не доставили ему славы, но, какъ доказано современной наукой, они были шагомъ впередъ для того времени, когда въ русскихъ университетахъ были профессора исторіи, читавшіе лекціи „по такому-то историку“. Если принять во вниманіе, съ другой стороны, что „Тарасъ Бульба“ и до сихъ поръ является такимъ произведеніемъ, ко-

торое даетъ много свѣдѣній читателю изъ исторіи Украйны, то за Гоголемъ нужно признать заслугу хотя бы и скромнаго историка. Вспомнимъ и его лекціи по исторіи среднихъ вѣковъ. Нельзя пройти мимо и его художественнаго наброска „Жизнь“, гдѣ такъ вѣрно указанъ характеръ древнихъ міровыхъ культуръ и крушеніе ихъ съ появленіемъ христіанства.

Но, говоря о Гоголѣ, какъ историкѣ, можно ли оставить безъ вниманія всѣ вообще его художественныя произведенія? Если мы дорожимъ записками Котошихина, Посошкова, Болтина, если не забываемъ старыхъ „умильныхъ“ повѣстей, „судныхъ дѣлъ Ерша...“ и др., то неужели въ будущемъ историкъ нашей жизни пройдетъ мимо „Ссоры Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ“, „Мертвыхъ душъ“ и т. д., гдѣ такъ безпощадно, еще раньше Тургенева, осуждено крѣпостное право и вообще вся наша суетная жизнь первой половины XIX вѣка. Здѣсь-то именно и велика заслуга Гоголя, какъ историка-бытописателя нашей жизни того времени, полной мелочности, крѣпостного произвола, безправія, общаго настроенія.

При чтеніи Гоголя, невольно вспоминается смутная эпоха начала XVII вѣка. Тамъ, въ XVII вѣкѣ, типичнѣйшія для той эпохи литературныя произведенія: Шемякинъ судъ, повѣсть о Горѣ-злосчастіи, „Плачи“,—здѣсь слышится полный скорби смѣхъ Гоголя, проходятъ дѣйствующія лица „Ревизора“, герои „Мертвыхъ Душъ“, „Шинели“, „Записокъ сумасшедшаго“ и пр.; тогда—Соборное уложеніе царя Алексѣя Михайловича, 1649 г., защита бѣдныхъ „холоповъ“ и „людишекъ“ отъ тѣхъ, которые ихъ могутъ „затѣснить и изобидѣть многими обидами“, теперь—близкая уже заря манифеста 19 февраля 1861 года, судебныхъ и другихъ реформъ Царя-Освободителя.

И не поучительна ли для нашей исторіи сама жизнь великаго юмориста? Онъ, терпѣвшій за „Ревизора“ и „Мертвыя души“ обиды отъ „всѣхъ, всѣхъ“, скитавшійся по Руси и заграницей, вдали отъ „скучной“ нашей жизни, изъѣздившій почти всю западную Европу, находившій успокоеніе лишь въ забвеніи пошлостей жизни да въ посѣщеніи святыхъ мѣстъ, не напоминаетъ ли намъ и героя Смутнаго времени—добраго молодца, убѣгавшаго отъ Горя-злосчастія? Въ такомъ случаѣ, нельзя пройти историку XIX-го вѣка и мимо его біографіи и переписки.

Умеръ Гоголь, найдя, какъ и злосчастный молодецъ, успокоеніе подъ сѣнью обители,—

А и горе-то у святыхъ воротъ остается.

Но его произведенія не забудутся, и въ будущемъ они будутъ важнымъ источникомъ для изученія нашего прошлаго... И въ настоящее время, если твердо помнить, что исторія есть „учительница жизни“, а не одна научная система, то, забывая романтическій часто взглядъ Гоголя на исторію, чрезмѣрное преувеличеніе историческаго значенія пѣсенъ и прочее, можно смѣло признать Гоголя однимъ изъ гуманнѣйшихъ историковъ нашей жизни. Его литературная дѣятельность есть дѣятельность и историка и, благодаря своему дѣйствію на читателя, ведетъ его на путь внутренняго самоусовершенствованія, безъ котораго никакой историческій прогрессъ немыслимъ. Если признать правду словъ Толстого: „Дѣло науки—служить людямъ“, то нельзя не признать того, что въ данномъ случаѣ заслуга Гоголя, какъ историка, велика. Онъ ведетъ насъ впередъ, „очищая“ насъ, подобно древнему трагику. Остается только пожелать, чтобы онъ дѣйствовалъ въ этомъ духѣ на потомство какъ можно сильнѣе, какъ можно долѣе“.

П. Товарищъ предсѣдателя Коммиссіи В. А. Ивановъ подѣлился съ собраніемъ своими воспоминаніями о томъ, какъ онъ лично видѣлъ Н. В. Гоголя. „Я имѣлъ счастье видѣть Гоголя лично въ 1850 году, когда мнѣ было лѣтъ 14. Я тогда обучался въ Одесскомъ духовномъ училищѣ, зналъ уже имя Гоголя и читалъ его „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“ и другія его произведенія, которыя были въ библіотекѣ моего отца. Кто-то осенью 1850 г. сказалъ мнѣ, что Гоголь въ Одессѣ и пробудетъ довольно долго; вѣроятно, сообщилъ мнѣ это Н. В. Неводчиковъ, впослѣдствіи епископъ Туркестанскій Неофитъ, который былъ тогда домашнимъ учителемъ у князя Александра Скарлатовича Стурдзы. Узнавъ, что Гоголь знакомъ съ княземъ Стурдзой и часто бываетъ у него въ домѣ, противъ нынѣшняго Екатерининскаго сквера, я отправился однажды (не помню, можетъ быть мнѣ и время было указано) къ этому дому и сталъ ждать выхода изъ него Гоголя. Дѣйствительно, я дождался этого и увидѣлъ выходящаго молодого еще человѣка, блѣднаго, болѣзненнаго, въ длинномъ сюртукѣ и въ шапкѣ съ очень длиннымъ козырькомъ. Помню, что меня тогда поразили три предмета: длинный сюртукъ Гоголя, длинный козырекъ его шапки и длинный носъ его. Перебѣжавъ черезъ улицу, я пошелъ навстрѣчу Гоголю, еще разъ увидѣлъ его, и образъ его навсегда запечатлѣлся въ моей памяти. Счастливый, что увидѣлъ знаменитаго русскаго писателя, я радостно побѣжалъ домой“.

III. Предсѣдатель Коммиссіи заявилъ о кончинѣ, 18-го сего марта, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, члена Коммиссіи, бывшаго нѣсколько лѣтъ и товарищемъ предсѣдателя ея, В. П. Ласковскаго, усерднаго дѣятеля Коммиссіи, принимавшаго, до отъѣзда изъ Симферополя, самое живое участіе въ ея трудахъ. Прекрасный знатокъ русскихъ древностей, особенно церковныхъ, В. П. Ласковскій оставилъ по себѣ память въ наукѣ двумя своими трудами: а) „Новгородика. Опытъ указателя сочиненій, заключающихъ въ себѣ описаніе Новгородской земли и ея исторіи", вып. 1—4, и б) „Путеводитель по Новгороду", приготовленный къ печати, но еще не изданный. По предложенію предсѣдателя, собраніе почтило память покойнаго вставаніемъ.

IV. Доложенъ протоколъ засѣданія Коммиссіи 28 января 1908 года.

Постановлено: утвердить.

V. Предсѣдатель Коммиссіи доложилъ отчетъ о дѣятельности ея за два года, 1907 и 1908-ой.

Постановлено: утвердить.

VI. Для провѣрки денежнаго отчета Коммиссіи избрана была коммиссія изъ А. Л. Высотскаго, Д. С. Спиридонова и Я. В. Ратибора-Уличнаго. Денежный отчетъ найденъ вѣрнымъ, и приходо-расходныя книги признаны веденными правильно.

Постановлено: записать въ протоколъ.

VII. Предсѣдатель Коммиссіи заявилъ, что ходатайство Коммиссіи предъ попечителемъ Одесскаго учебнаго округа, возбужденное въ октябрѣ прошлаго года, о передачѣ въ музей ея коллекціи предметовъ по исторіи и древностямъ Крыма, находящихся въ Симферопольской мужской гимназіи, уважено, и отношеніемъ отъ 17 января с. г. за № 1668 г. попечитель округа изъявилъ согласіе на передачу, *по особой описи*, означенныхъ предметовъ въ музей Таврической Ученой Архивной Коммиссіи, съ тѣмъ, что если когда либо въ гимназіи окажется помѣщеніе для устройства въ немъ собственнаго историческаго музея, то предметы изъ гимназическихъ коллекцій должны быть обратно переданы въ гимназію.

Предсѣдатель Коммиссіи заявилъ, что предметы, касающіеся исторіи и древности, изъ коллекцій Симферопольской гимназіи уже переданы по описи въ музей Коммиссіи; остается еще непереданнымъ собраніе монетъ, что будетъ сдѣлано въ ближайшее время.

Постановлено: выразить благодарность г. Попечителю Одесскаго учебнаго округа за его вниманіе къ Коммиссіи и просить его принять званіе почетнаго члена Коммиссіи.

VIII. Доложено отношеніе командира 51 пѣхотнаго Литовскаго полка, отъ 5 марта с. г. за № 1928, съ просьбой переслать во временное пользованіе полка весь имѣющійся въ Коммиссіи матеріалъ относительно возникновенія въ Симферополѣ военнаго кладбища, гдѣ похоронены защитники Севастополя, умиравшіе въ находившихся во время кампаніи въ Симферополѣ лѣчебныхъ заведеніяхъ,

Постановлено: увѣдомить командира Литовскаго полка, что въ архивѣ Коммиссіи не имѣется никакихъ матеріаловъ, относящихся къ возникновенію братскаго военнаго кладбища въ Симферополѣ, и что таковой матеріалъ несомнѣнно находится въ архивахъ Симферопольской городской управы и Таврической духовной консисторіи.

IX. Доложено отношеніе директора Императорскаго Лицея въ память Цесаревича Николая, отъ 21 февраля с. г. за № 805, съ препровожденіемъ экземпляровъ перваго и второго выпусковъ Ученыхъ Записокъ Лицея и просьбой о безплатной присылкѣ для библіотеки университетскихъ курсовъ Лицея изданій Таврической Ученой Архивной Коммиссіи.

Постановлено: благодарить г. Директора Императорскаго Лицея Цесаревича Николая за присылку Ученыхъ Записокъ Лицея, просить о продолженіи присылки ихъ, выслать въ Лицей полный экземпляръ „Извѣстій“ Коммиссіи, и высылать дальнѣйшіе выпуски по мѣрѣ выхода ихъ въ свѣтъ.

X. Доложено отношеніе Ставропольской казенной палаты, отъ 22 января 1909 г. за № 2067, съ просьбой о возвращеніи описи 2650 дѣламъ по части секретаря палаты съ 1866 по 1879 годъ, подлежащимъ уничтоженію. Предсѣдатель Коммиссіи заявилъ, что имъ разсмотрѣна эта опись, при чемъ онъ отмѣтилъ 70 дѣлъ, которыя заслуживаютъ храненія, такъ какъ могутъ имѣть значеніе для исторіи экономической жизни края.

Постановлено: съ возвращеніемъ описи, просить Ставропольскую казенную палату о храненіи отмѣченныхъ въ описи дѣлъ.

XI. Доложено отношеніе той же палаты, отъ 4-го февраля с. г. за № 3771, съ просьбой о возвращеніи описи 3154 дѣлъ бывшей Ставропольской палаты государственныхъ имуществъ съ 1848 по 1868 г.

Постановлено: по разсмотрѣніи описи возвратить.

XII. Доложеніе прошеніе мѣщанина гор. Стараго Крыма Авраама Шеповалова съ просьбой о высылкѣ ему документовъ, если таковые имѣются въ архивѣ Коммиссіи, касающихся приписки его отца Емельяна Шеповалова въ число мѣщанъ гор. Стараго Крыма.

Постановлено: увѣдомить просителя, что за полученіемъ нужныхъ ему свѣдѣній онъ долженъ обратиться въ Таврическую казенную палату, гдѣ должны быть всѣ дѣла о приписках къ сословіямъ и обществамъ.

XIII. Доложено письмо члена Коммиссіи Н. Н. Оглоблина съ препровожденіемъ въ даръ Таврической Ученой Архивной Коммиссіи пяти писемъ бывшаго перваго ректора Таврической духовной семинаріи протоіерея Александра Брянцева (нынѣ Харьковскаго архіепископа Арсенія) къ покойному протоіерею Кіево-Софійскаго собора Н. Я. Оглоблину,—съ просьбой хранить ихъ и не печатать до смерти архіепископа Арсенія.

Постановлено: благодарить Н. Н. Оглоблина за присылку означенныхъ писемъ и хранить ихъ въ особомъ пакетѣ въ музеѣ Коммиссіи.

XIV. Избранъ въ члены Коммиссіи предложенный въ предыдущемъ засѣданіи Л. В. Жирицкій.

XV. Предложенъ въ члены Коммиссіи А. К. Романюкомъ чиновникъ управленія государственныхъ имуществъ Таврической губерніи Али Абдурефеевичъ Боданинскій, хорошій знатокъ быта крымскихъ татаръ.

XVI. Предсѣдатель Коммиссіи представилъ для пріобрѣтенія въ музей Коммиссіи рѣдкую серебряную Пантикапейскую монету и мѣдную монету Константина.

Постановлено: пріобрѣсть.

XVII. Доложено о предметахъ, пожертвованныхъ для музея Коммиссіи:

а) отъ жителя г. Ѳеодосіи Аджи-Асана: старинный глиняный кувшинъ;

б) отъ ученика Симферопольской гимназіи Михайлова: мѣдный образокъ съ изображеніемъ Божіей Матери;

в) отъ ученика той же гимназіи Стаховскаго: глиняный чернолаковый древній кувшинчикъ;

г) отъ учениковъ той же гимназіи: семь мѣдныхъ монетъ и одна серебряная новаго времени и кусокъ старинной глиняной посуды.

XVIII. Поступили въ библіотеку Коммиссіи слѣдующія изданія, книги и брошюры:

1) Отъ Канцеляріи Государственной Думы: стенографическій отчетъ. Третій созывъ. Сессія II, ч. II. Засѣданія 36—58.

2) Отъ Императорской Академіи Наукъ: Извѣстія. №№ 2, 3, 4 и 5 за 1909 годъ.

3) Отъ Университета Св. Владиміра: Университетскія Извѣстія, № 1-й и 2-й за 1909 годъ.

4) Отъ Императорскаго Лицея въ память Цесаревича Николая: Ученыя Записки. вып. 1-й и 2-й.

5) Отъ Чешскаго музея сочиненіе д-ра І. А. Пича: „Cechy sa doby knizecí". Sv. 1, 1909.

6) Отъ Троицко-Савско-Кяхтинскаго Отдѣленія Приамурскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества: Труды, т. IX, вып. 1-й, 1906 г.

7) Отъ Новгородскаго Общества любителей древности: Сборникъ, вып. 1-й.

8) Отъ Виленской Коммиссіи для разбора и изданія древнихъ актовъ: а) Отчетъ за 1908 годъ и б) Отчетъ Виленской публичной библіотеки и музея за 1908 г.

9) Отъ Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи: Труды ея, т. XXII, вып. 1-й.

10) Отъ Одесской городской публичной библіотеки: Отчетъ за 1908 годъ.

11) Отъ Украінського Наукового Товариства въ Кіиві: Записки, кн. III, 1909 г.

12) Отъ Украинскаго Общества имени Шевченка во Львовѣ: Chronik, №№ 33 и 34, Heft 6.

13) Отъ редакціи Таврическаго Церковно-общественнаго Вѣстника: №№ 4, 5, 6, 7, 8 и 9 за 1009 годъ.

14) Отъ члена Коммиссіи С. А. Бѣлокурова его труды: а) Дневальныя записки приказа тайныхъ дѣлъ 7165—7183 гг. М. 1908 г. и б) Новое произведеніе А. И. Успенскаго: Таинство елеосвященія. Спб. 1909 г.

15) Отъ члена Коммиссіи И. И. Казаса: Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, par Ch. Daremberg et M. Saglio, 40 et 41 fasc., Paris, 1907—1998 г.

16) Отъ Архива Государственнаго Совѣта: Опись дѣламъ Архива Государственнаго Совѣта, т. 2-й и 3-й.

17) Отъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ: Извѣстія, т. XVIII, вып. 4—6, т. XXIII, вып. 6, т. XXIV, вып. 1—2, вып. 3-й, вып. 4, вып. 5 и вып. 6-й.

18) Отъ Естественно-историческаго музея Таврическаго губернскаго земства: а) Отчетъ за 1908 г. и б) брошюра: Враги и болѣзни культурныхъ растеній въ Таврической губерніи, съ указаніемъ мѣръ борьбы. С. А. Мокржецкаго.

19) Отъ ученика Симферопольской гимназіи Шаргородскаго: Dictionnaire universel, historique, critique et bibliographique. Paris, 1810. девять томовъ.

Постановлено: благодарить.

XIX. Предсѣдатель Коммиссіи заявилъ, что средства Коммиссіи даютъ возможность выпустить въ свѣтъ очередной 13-й выпускъ ея „Извѣстій", въ который войдутъ слѣдующія статьи, одобренныя Коммиссіею къ печатанію: а) Крымъ-Гирей, союзникъ Фридриха Великаго, соч. Теодора Мундта, въ переводѣ В. Остермана; б) „Оборонительная стѣна Херсонеса", покойнаго М. И. Гарабурды; в) „Таракташскій кладъ". А. Х. Стевена: г) „Вновь открытый пещерный храмъ въ Георгіевскомъ монастырѣ", А. И. Маркевича; д) „Островокъ въ Казачьей бухтѣ, какъ предполагаемое мѣсто кончины св. Климента, папы Римскаго", А. И. Маркевича; е) „Къ вопросу о мученіи св. Климента, папы Римскаго, въ Крыму", Д. С. Спиридонова; ж) „Слѣды древней культуры на днѣ морскомъ". Л. П. Колли; з) Сообщенія о Черниговскомъ археологическомъ съѣздѣ, А. И. Маркевича и Х. П. Ящуржинскаго; протоколы засѣданій Коммиссіи и отчетъ о дѣятельности ея за 1907 и 1908 годы.

Постановлено: выпустить въ свѣтъ № 43 „Извѣстій" Коммиссіи съ указаннымъ содержаніемъ.

ОТЧЕТЪ

о дѣятельности Таврической Ученой Архивной Коммиссіи

за 1907 и 1908 годы.

Продолжительная болѣзнь покойнаго предсѣдателя Таврической Ученой Архивной Коммиссіи А. Н. Ильина и нѣкоторыя другія неблагопріятныя обстоятельства, о которыхъ говорилось въ отчетахъ Коммиссіи за 1905 и 1906 г.г., были причиной того, что отчетъ о дѣятельности ея въ 1907 г. не могъ быть представленъ своевременно, и въ настоящемъ случаѣ Коммиссія даетъ отчетъ о своихъ трудахъ за два года, 1907-й и 1908-ой.

Несмотря на тяжело сложившіяся обстоятельства для правильнаго хода трудовъ Коммиссіи въ послѣдніе годы, дѣятельность ея тѣмъ не менѣе не прерывалась и дала весьма важные результаты.

Бѣдственное положеніе музея и историческаго архива Коммиссіи въ зданіи губернской земской управы побудило Коммиссію въ 1907 г. обратиться въ Симферопольскую городскую управу и городскую думу съ ходатайствомъ объ отводѣ ей части бывшаго зданія окружного суда, переданнаго симферопольскому городскому управленію, при чемъ товарищъ предсѣдателя Коммиссіи А. В. Ивановъ составилъ особое обращеніе къ гласнымъ думы. 30 ноября 1907 года Симферопольская городская дума, сочувственно отнесясь къ просьбѣ Коммиссіи, постановила: а) отвести временно помѣщеніе бывшаго нотаріальнаго архива для музея древностей Коммиссіи и б) поставить въ извѣстность Коммиссію о готовности городского управленія отвести безвозмездно мѣсто для постройки зданія для музея и другихъ учрежденій Архивной Коммиссіи.

Съ глубокою благодарностью встрѣтила Коммиссія это постановленіе Симферопольской городской думы, и послѣ неболь-

шого ремонта отведеннаго ей помѣщенія, перешла въ него, при чемъ особенно потрудился членъ Коммиссіи Н. О. Ерошевъ. Къ сожалѣнію, и новое помѣщеніе весьма незначительно и не удовлетворяетъ потребностей Коммиссіи, но во всякомъ случаѣ оно гораздо лучше прежняго. Въ настоящее время музей Коммиссіи уже почти установленъ, и разбираются и приводятся въ порядокъ дѣла историческаго архива, которыя, къ сожалѣнію, вслѣдствіе нахожденія въ теченіе трехъ лѣтъ на чердакѣ зданія губернской земской управы, сильно пострадали. На новое свое помѣщеніе Коммиссія смотритъ только, какъ на временное, и приложитъ всѣ старанія къ достиженію давнишней своей мечты—постройки собственнаго помѣщенія для музея и историческаго архива.

Въ 1908 г. Коммиссія вошла съ ходатайствомъ къ г. Попечителю Одесскаго Учебнаго Округа о передачѣ въ ея музей, хотя бы временно, коллекцій по исторіи нашего края, находящихся въ Симферопольской мужской гимназіи, и надѣется на благопріятный исходъ его.

Въ теченіе 1907 и 1908 г.г. Коммиссія продолжала свои заботы о сохраненіи памятниковъ древностей въ Таврической губерніи. Такъ заботы ея о реставраціи древней мечети въ д. Карагозъ, Ѳеодосійскаго уѣзда, о чемъ Коммиссія возбудила ходатайство еще въ 1903 г., увѣнчались успѣхомъ, и департаментъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій сдѣлалъ распоряженіе объ отпускѣ изъ вакуфнаго капитала 900 р. для производства ремонта этого прекраснаго памятника древности, съ сохраненіемъ всѣхъ его архитектурныхъ особенностей. Благодаря ходатайству Коммиссіи, при рѣшеніи вопроса о характерѣ ремонта, будетъ участвовать представитель ея, каковымъ избранъ Л. П. Колли.

Коммиссія входила въ сношенія съ Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ и Епархіальнымъ начальствомъ по поводу реставраціи и приспособленія къ православному богослуженію древняго армянскаго храма св. Урната въ Топловскомъ женскомъ монастырѣ, построеннаго въ 1101 г. армянской эры, т. е. въ 1653 году. Коммиссія просила, чтобы при реставраціи этого зданія сохранена была въ неприкосновенности его архитектура и плита съ армянской надписью, свидѣтельствующей о времени построенія этого храма.

Получивъ извѣщеніе отъ Таврической духовной консисторіи объ открытіи въ Георгіевскомъ Балаклавскомъ монастырѣ пещерной церкви и нѣсколькихъ другихъ пещеръ, предсѣда-

тель Коммиссіи А. И. Маркевичъ произвелъ въ 1908 г. подробный осмотръ означенныхъ пещеръ, съ цѣлью опредѣленія важности этого открытія.

Стараніями Коммиссіи прекращена была самовольная хищническая раскопка въ мѣстности древняго Неаполиса, вблизи Симферополя.

По поводу сдѣланныхъ въ послѣднее время готскихъ находокъ въ Крыму при раскопкахъ Н. И. Рѣпникова, Коммиссія обмѣнивалась мнѣніями съ извѣстнымъ французскимъ ученымъ барономъ де Бай.

Вслѣдствіе просьбы Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Алексія, Епископа Таврическаго, Коммиссія постановила оказать возможное содѣйствіе въ составленіи исторіи Таврической епархіи, въ виду истекающаго 16 ноября 1909 г. пятидесятилѣтія ея существованія.

Коммиссія обсуждала препровожденный Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ, согласно постановленію Ученаго Комитета XIV-го Черниговскаго Археологическаго съѣзда, перечень мѣръ, предложенныхъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ къ сохраненію древнихъ памятниковъ въ Россіи, бывшій уже на разсмотрѣніи Коммиссіи въ 1905 году. Признавъ его составленнымъ въ общемъ цѣлесообразно, а окончательную выработку правилъ для сохраненія памятниковъ древности въ наискорѣйшее время крайне желательной, Коммиссія подтвердила свои соображенія по неразрѣшеннымъ еще вопросамъ, касающимся этого важнаго дѣла, напечатанныя въ № 39 своихъ „Извѣстій“, на стр. 132—134.

Умѣстно при этомъ указать здѣсь на соображенія члена Коммиссіи Л. П. Колли, особенно дѣятельнаго ея работника, о необходимости установленія правилъ о сохраненіи памятниковъ древности, находящихся и находимыхъ въ землѣ, и о признаніи ихъ, наравнѣ съ находящимися на поверхности земли, государственною собственностью.

Что касается разбора старыхъ архивныхъ дѣлъ, то въ отчетный періодъ предсѣдатель Коммиссіи А. И. Маркевичъ разсмотрѣлъ двѣ описи предназначенныхъ къ уничтоженію архивныхъ дѣлъ Ставропольской казенной палаты, бывшей Ставропольской палаты государственныхъ имуществъ: а) 5022 дѣлъ съ 1824 по 1868 годъ и б) 1405 дѣлъ съ 1839 по 1865 годъ, при чемъ отмѣчены были дѣла (въ первой описи 415, во второй 120) по причисленіямъ къ разнымъ обществамъ и переселенію изъ другихъ губерній въ Ставропольскую, какъ заслужи-

вающія храненія, въ виду важности ихъ для исторіи заселенія края и его экономическаго развитія, а также дѣла съ годовыми отчетными вѣдомостями.

Въ виду предположеннаго ходатайства Директора С.-Петербургскаго Археологическаго Института о назначеніи ежегодной правительственной субсидіи архивнымъ коммиссіямъ, были доставлены ему свѣдѣнія о дѣятельности и средствахъ Коммиссіи за все время ея существованія. Для участія же въ обсужденіи проекта устава архивныхъ коммиссій и соединенныхъ съ нимъ вопросовъ, былъ командированъ А. И. Маркевичъ въ апрѣлѣ 1908 г. въ С.-Петербургъ.

Въ 1907 году состоялись четыре засѣданія Коммиссіи, въ 1908 году—пять, на которыхъ было доложено 19 научныхъ сообщеній, частью уже напечатанныхъ, частью имѣющихъ войти въ слѣдующіе выпуски „Извѣстій" Коммиссіи.

Коммиссія обсуждала вопросъ объ устройствѣ археологическаго съѣда въ Крыму и участіи въ немъ, а также, въ лицѣ своего представителя, принимала участіе въ предварительномъ комитетѣ XIV-го Черниговскаго Археологическаго съѣзда и въ самомъ этомъ съѣздѣ.

Коммиссія привѣтствовала Московскій Археологическій Институтъ по случаю его открытія 23 сентября 1907 г., Одесскую городскую библіотеку 19 февраля 1907 г. по случаю 75-лѣтія ея дѣятельности и Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей по случаю перехода его въ новое помѣщеніе.

Библіотека Коммиссіи пополнилась въ 1907 году 212 книгами и брошюрами, въ 1908 году 149 книгами и брошюрами, путемъ обмѣна съ разными учеными обществами и учрежденіями и благодаря пожертвованіямъ членовъ Коммиссіи.

Музей Коммиссіи пополнился двумя весьма значительной важности пожертвованіями. Въ 1907 году сынъ покойнаго академика П. И. Кеппена, нынѣ также уже покойный О. П. Кеппенъ передалъ въ полное распоряженіе Коммиссіи оставшіяся послѣ смерти его отца разныя бумаги въ четырехъ картонкахъ, большею частью касающіяся Таврической губерніи и относящіяся преимущественно къ 1837 г., времени производства имъ ревизіи государственныхъ имуществъ этой губерніи, между прочимъ а) о земляхъ, земельныхъ отношеніяхъ и новинностяхъ въ Таврической губерніи, б) о состояніи нѣмецкихъ колоній въ губерніи, преимущественно молочанскихъ, въ 1837 году, в) Салгирская долина (селенія), г) хозяйственное описаніе 26 де-

ревнямъ Алуштинской волости въ 1837 году, д) о винодѣліи и виноторговлѣ преимущественно въ Таврической губерніи.

Въ 1908 г. крупнѣйшимъ и весьма цѣннымъ вкладомъ въ музей Коммиссіи былъ даръ почетнаго члена Коммиссіи члена Государственнаго Совѣта гофмейстера А. Х. Стевена, который пожертвовалъ для музея Коммиссіи 582 спасенныхъ имъ Босфорскихъ монетъ изъ клада, найденнаго въ этомъ году въ дер. Таракташѣ Ѳеодосійскаго уѣзда.

Но въ общемъ поступленіе предметовъ древности, вслѣдствіе закрытія для публики музея Коммиссіи въ послѣднее время, почти прекратилось, почему, кромѣ указанныхъ пожертвованій, поступило въ музей Коммиссіи за отчетное время всего 1 монета и 2 предмета древности. Въ послѣднее же время, съ перемѣщеніемъ музея и открытіемъ его для публики въ воскресные дни, поступленіе предметовъ древности несомнѣнно возобновится въ большей мѣрѣ. Публика, особенно учащіеся, посѣщаетъ музей весьма охотно и со вниманіемъ выслушиваетъ даваемыя ей при этомъ объясненія.

Въ составѣ Коммиссіи произошли въ отчетный періодъ значительныя перемѣны. Послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни скончался 19 октября предсѣдатель ея, генералъ-маіоръ въ отставкѣ Александръ Никифоровичъ Ильинъ. Хорошій знатокъ края, особенно исторіи его конца XVIII и первой половины XIX вѣка, покойный принималъ живое участіе въ дѣятельности Коммиссіи, особенно въ устроеніи и развитіи ея музея древностей, пока болѣзнь не лишила его возможности продолжать свое участіе въ ней. Кромѣ того, Коммиссія понесла въ отчетный періодъ тяжелыя утраты, въ лицѣ видныхъ членовъ своихъ: маститаго археолога профессора В. Б. Антоновича, историка И. Е. Забѣлина и члена Императорской Археологической Коммиссіи, завѣдывавшаго раскопками въ Херсонесѣ, К. К. Косцюшко-Валюжинича. Ученые заслуги этихъ лицъ хорошо извѣстны, и повторять ихъ здѣсь излишне. Предсѣдателемъ Коммиссіи 5 ноября 1908 года избранъ, на трехлѣтіе, бывшій правитель дѣлъ ея Арсеній Ивановичъ Маркевичъ, а правителемъ дѣлъ преподаватель Симферопольской мужской гимназіи Иванъ Ѳедоровичъ Ероѳеевъ.

Въ члены Коммиссіи были избраны: въ 1907 г. одно лицо въ почетные члены и семь лицъ въ дѣйствительные члены; въ 1908 г. одно лицо въ почетные члены и три лица въ дѣйствительные члены Коммиссіи.

Средства Коммиссіи, къ сожалѣнію, не улучшились въ отчетный періодъ и состояли почти исключительно въ пособіяхъ отъ Таврическаго губернскаго земства и Симферопольской городской думы. Расходы же, главнымъ образомъ, шли на изданіе „Извѣстій“ Коммиссіи и устройство музея, архива и библіотеки ея въ новомъ помѣщеніи. Бюджетъ Коммиссіи за 1907 и 1908 гг. представляется въ слѣдующихъ отчетныхъ вѣдомостяхъ.

ДЕНЕЖНЫЙ ОТЧЕТЪ

Таврической Ученой Архивной Коммиссіи

за 1907 годъ.

Капиталъ на 1-е января 1907 года	2341 р. 92 к.
Остатокъ аванса 1906 г. за товарищ. предсѣдателя	9 р. 40 к.
	2351 р. 32 к.

Поступило въ 1907 году:

Пособіе отъ Таврическаго губернск. земства	300 р. —
Пособіе отъ Симферопольской городск. думы	100 р. —
Проценты по вкладамъ и текущему счету	116 р. 49 к.
Членскихъ взносовъ	3 р. —
Отъ продажи „Извѣстій“ Коммиссіи . . .	2 р. —
	521 р. 49 к.
Итого . .	2872 р. 81 к.

Расходъ:

Печатаніе „Извѣстій“ и типогр. расходы .	128 р. 10 к.
Содержаніе музея	41 р. 40 к.
Почтовые и канцелярскіе расходы	23 р. 36 к.
Возвратъ расходовъ 1906 года	10 р. 26 к.
Итого . .	203 р. 12 к.
Остатокъ на 1-е января 1908 г. .	2669 р. 69 к.

Въ томъ числѣ:

1) по двумъ вкладнымъ билетамъ за №№ 5213 и 5214 въ Симферопольскомъ Обществѣ Взаимнаго Кредита 1500 руб.; 2) по квитанціи того же Общества членскій взносъ—25 руб.; 3) по текущему счету въ томъ же Обществѣ—1105 руб. 99 к.; 4) на рукахъ у товарища предсѣдателя А. В. Иванова остатки отъ авансовъ—18 руб.; 5) на рукахъ у правителя дѣлъ А. И. Маркевича 6 р. 64 к. и 6) наличными у казначея 14 р. 6 к., а всего капитала—2669 руб. 69 коп.

ДЕНЕЖНЫЙ ОТЧЕТЪ

Таврической Ученой Архивной Коммиссіи

за 1908 годъ.

. . .

Капиталъ на 1-е января 1908 года	2669 р. 69 к.

Поступило въ 1908 году:

Пособіе отъ Таврическаго губернск. земства	300 р. —
Пособіе отъ Симферопольской городск. думы	100 р. —
Процентовъ по вкладамъ и текущему счету и дивидента	112 р. 53 к.
Членскихъ взносовъ	11 р. —
Отъ продажи „Извѣстій“	1 р. —
	524 р. 53 к.
Итого . .	3194 р. 22 к.

Расходъ:

Печатаніе „Извѣстій“ Коммиссіи	491 р. 45 к.
Перемѣщеніе, устройство и содержаніе музея	253 р. 20 к.
Почтовые, канцелярскіе и мелочн. расходы	23 р. 84 к.
Рисунки и фотографическіе снимки . . .	19 р. —
Пріобрѣтеніе предметовъ древностей и книгъ	17 р. —

Командировка правителя дѣлъ въ Петербургъ на сѣздъ представителей архивныхъ коммиссій	75 р. —
Вѣнокъ на гробъ А. П Ильина	18 р. —
Итого . .	897 р. 49 к.
Остатка на 1-е января 1909 г. .	2296 р. 73 к.

1) по тремъ вкладнымъ билетамъ Симферопольскаго Общества Взаимнаго Кредита за №№ 5213, 5214 и 5978—2000 р.; 2) по квитанціи того же Общества за № 2918 членскій взносъ 25 руб.; 3) текущій счетъ въ томъ же Обществѣ—233 р. 34 к.: 4) на рукахъ у товарища предсѣдателя А. В. Иванова остатокъ отъ аванса—7 р. 40 к. и 5) наличными у казначея- 30 р. 99 к., а всего—2296 руб. 73 коп.

Предсѣдатель Коммиссіи *А. Маркевичъ.*

Товарищъ Предсѣдателя *А. Ивановъ.*

Казначей *А. Романюкъ.*

Правитель дѣлъ *И. Ерофеевъ.*

ЛИЧНЫЙ СОСТАВЪ

Таврической Ученой Архивной Коммиссіи.

Непремѣнный Попечитель Коммиссіи: Таврическій Губернаторъ д. с. с. Василій Васильевичъ Новицкій.

Предсѣдатель Коммиссіи: Арсеній Ивановичъ Маркевичъ.

Товарищъ Предсѣдателя, хранитель музея древностей и библіотекарь д. с. с. Александръ Васильевичъ Ивановъ.

Казначей Александръ Корниліевичъ Романюкъ.

Правитель дѣлъ Иванъ Ѳедоровичъ Ерофеевъ.

Почетные члены:

Анучинъ Дмитрій Николаевичъ.
Николай, Архіепископъ Холмскій и Варшавскій.
Алексій, Епископъ Таврическій.
Новицкій Василій Васильевичъ.
Стевенъ Александръ Христіановичъ.
Султанъ Крымъ-Гирей Николай Александровичъ.
Графиня Уварова Прасковья Сергѣевна.
Щербаковъ Александръ Ивановичъ.

Дѣйствительные члены:

Багалѣй Дмитрій Ивановичъ.
Бастіановъ Петръ Ильичъ.
Бережковъ Михаилъ Николаевичъ.
Бертье-Делагардъ Александръ Львовичъ.
Графъ Бобринской Алексѣй Александровичъ.
Браунъ Ѳеодоръ Андреевичъ.
Брунсъ Михаилъ Ѳеодоровичъ.
Бѣлокуровъ Сергѣй Алексѣевичъ.

Веселовскій Николай Ивановичъ.
Вноровскій Іосифъ Николаевичъ.
Высотскій Алексѣй Лукичъ.
Выставкинъ Иванъ Антоновичъ.
Гаспринскій Измаилъ мурза.
Гезе Петръ Генриховичъ.
Гидалевичъ Абрамъ Яковлевичъ.
Гиммельфарбъ Борисъ Мироновичъ.
Голубевъ Анемподистъ Ипполитовичъ, протоіерей.
Гроздовъ Александръ Васильевичъ.
Грушинскій Павелъ Сергѣевичъ.
Давыдовъ Петръ Васильевичъ.
Данилевичъ Василій Ефимовичъ.
Деревицкій Алексѣй Николаевичъ.
Державинъ Николай Севастьяновичъ.
Дмитренко Иванъ Ивановичъ.
Довнаръ-Запольскій Митрофанъ Викторовичъ.
Думбергъ Карлъ Евгеніевичъ.
Есиповичъ Григорій Яковлевичъ.
Жирицкій Леонидъ Владиміровичъ.
Жирновъ Василій Ивановичъ.
Зедербергъ Владиміръ Карловичъ.
Зенкевичъ Хрисанфъ Хрисанфовичъ.
Зерновъ Сергѣй Алексѣевичъ.
Знаменскій Іоаннъ Павлиновичъ, протоіерей.
Иваненко Александръ Григорьевичъ.
Ивановъ Яковъ Васильевичъ.
Ивановъ Павелъ Андреевичъ.
Ивановъ Василій Александровичъ.
Иконниковъ Владиміръ Степановичъ.
Истинской Николай Дмитріевичъ.
Казасъ Илья Ильичъ.
Кармалининъ Михаилъ Алексѣевичъ.
Касабовъ Рафаилъ Гавриловичъ.
Кашпаръ Алоизій Осиповичъ.
Кесслеръ Евгеній Эдуардовичъ.
Кибальчичъ Турвонъ Венедиктовичъ.
Кипчакскій Мустафа мурза.
Колли Людовикъ Петровичъ.
Кольскій Петръ Ивановичъ.
Кондаковъ Никодимъ Павловичъ.
Короленко Порфирій Петровичъ.

Коропачинскій Семенъ Ѳеодоровичъ.
Крымъ Скія Абрамовичъ.
Кулаковскій Юліанъ Андреевичъ.
Аблякимъ Куламетъ-оглу эфенди.
Кюри Альбертъ Петровичъ.
Лаппо-Данилевскій Александръ Сергѣевичъ.
Латышевъ Василій Васильевичъ.
Лашковъ Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ.
Линниченко Иванъ Андреевичъ.
Луценко Николай Яковлевичъ.
Любовичъ Николай Николаевичъ.
Масальскій Павелъ Николаевичъ.
Масловъ Петръ Васильевичъ.
Матвѣевъ Димитрій Семеновичъ.
Михалевскій Владиміръ Андреевичъ.
Мокржецкій Сигизмундъ Александровичъ.
Монастырлы Харлампій Аѳанасьевичъ.
Графъ Муравьевъ Николай Леонидовичъ.
Муфтій-Заде Измаилъ мурза.
Назаревскій Алексѣй Георгіевичъ, протоіерей.
Норцовъ Алексѣй Николаевичъ.
Нестроевъ Алексѣй Алексѣевичъ.
Новиковъ Александръ Васильевичъ.
Оглоблинъ Николай Николаевичъ.
Орѣшниковъ Алексѣй Васильевичъ.
Пампуловъ Самуилъ Моисеевичъ.
Печенкинъ Николай Михайловичъ.
Плаксинъ Сергѣй Аркадьевичъ.
Платоновъ Сергѣй Ѳеодоровичъ.
Плотницкій Николай Леонтьевичъ.
Покровскій Николай Васильевичъ.
Поливановъ Владиміръ Николаевичъ.
Ратиборъ-Уличный Ярославъ Ченековичъ.
Ретовскій Отто Фердинандовичъ.
Ровицкій Францъ Климентьевичъ.
Романченко Николай Филипповичъ.
Ростовцевъ Михаилъ Ивановичъ.
Ружицкій Александръ Ивановичъ.
Рыковъ Евгеній Владиміровичъ.
Рѣпниковъ Николай Ивановичъ.
Савеловъ Леонидъ Михаиловичъ.
Самоквасовъ Димитрій Яковлевичъ.

Саркинъ Николай Яковлевичъ, священникъ.
Сахаровъ Николай Ардаліоновичъ.
Селивановъ Алексѣй Васильевичъ.
Селивановъ Александръ Осодоровичъ.
Сердобольскій Александръ Павловичъ, протоіерей.
Сердюковъ Демьянъ Яковлевичъ.
Серебряковъ Михаилъ Егоровичъ.
Скубетовъ Мартинъ Ивановичъ.
Смирновъ Василій Дмитріевичъ.
Сочевановъ Измаилъ Михайловичъ.
Спиридоновъ Димитрій Спиридоновичъ.
Спицынъ Александръ Андреевичъ.
Станиславскій о. Владиміръ, протоіерей.
Стахѣевъ Николай Дмитріевичъ.
Сторожевъ Василій Николаевичъ.
Сѣницкій Александръ Игнатьевичъ.
Токмаковъ Иванъ Ѳеодоровичъ.
Толстовъ Николай Константиновичъ.
Графъ Толстой Иванъ Ивановичъ.
Трутовскій Владиміръ Константиновичъ.
Уляницкій Владиміръ Антоновичъ.
Успенскій Ѳеодоръ Иваповичъ.
Фармаковскій Борисъ Владиміровичъ.
Филипповъ Михаилъ Ивановичъ.
Фурсенко Василій Ивановичъ.
Фурсенко Владиміръ Васильевичъ.
Харченко Яковъ Тарасовичъ.
Шведовъ Михаилъ Матвѣевичъ.
Шевченко Захаръ Мартыновичъ.
Графъ Шереметевъ Сергѣй Дмитріевичъ.
Шкорпилъ Владиславъ Вячеславовичъ.
Шлее Францъ Матвѣевичъ.
Шмурло Евгеній Францовичъ.
Шпигель Фердинандъ Андреевичъ.
Фонъ-Штернъ Эрнестъ Романовичъ.
Ящуржинскій Хрисанфъ Петровичъ.

Музей Крымской войны
1932
ПАНОРАМА
г. Севастополь

Военно-Морской Музей ЧФ
БИБЛИОТЕКА
ИНВ. № 117
г. Севастополь

8536